МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Демичева Наталья Алексеевна

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ О ВКЛЮЧЕНИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ЗЕМЕЛЬ В СОСТАВ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА: ПРОБЛЕМАТИКА, ТЕКСТОЛОГИЯ, СТИЛЬ

Специальность 10.01.01 – Русская литература

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
д.ф.н., профессор А.А. Пауткин

Москва – 2020

Оглавление

Введение 4
Глава 1. Теоретико-методологические основы изучения древнерусских произведений о присоединении Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому 15
1.1. Обзор научной литературы о включении Новгородской и Псковской земель в состав Московского государства в конце XV – начале XVI в. 15
1.2. Методология исследования комплекса древнерусских произведений о присоединении Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому 35
Глава 2. Присоединение Новгородской земли к Великому княжеству Московскому в русском летописании XV – XVII вв.: проблематика, текстология, стиль 56
2.1. Произведения о новгородском походе Ивана III 1471 г. в летописях XV – XVII вв. 56
2.2. Новгородский поход Ивана III 1475–1476 гг. по летописям XV – XVI вв. 103
2.3. Летописные произведения XV – XVI вв. о новгородском походе Ивана III 1477–1478 гг. 117
2.4. Древнерусские произведения XVI в., посвященные событиям 1471–1478 гг. как единому явлению 130
Глава 3. Идеология и поэтика произведений XVI – XVII в. о присоединении Псковской земли к Великому княжеству Московскому 143
3.1. Отражение псковской точки зрения на присоединение Псковской земли к Великому княжеству Московскому в древнерусских текстах XVI –XVII в. 143
3.2. Древнерусские тексты XVI – XVII вв., отражающие московскую точку зрения на присоединение Пскова к Великому княжеству Московскому, и летописные произведения с немаркированной точкой зрения 169
Заключение 186
Список литературы 196

Приложение 1. Список произведений о включении Северо-Западных земель в состав Московского государства 222
Приложение 2. Сравнительные таблицы 225

Введение

Произведения о включении Северо-Западных земель в состав Московского государства содержатся во многих русских летописях XV – XVII вв., а также в рукописных сборниках конца XVI – начала XVII в.

Актуальность темы диссертации связана с тем, что указанные тексты представляют значительный интерес в качестве предмета филологического исследования, так как являются художественными интерпретациями важных историко-политических событий, которые различным образом преломились в них сквозь призму политических, религиозных, а также литературных и языковых взглядов и представлений авторов и редакторов. Изучение отражения резонансных событий в древнерусских текстах, имеющих разную идейную направленность, образную структуру и жанрово-стилистические особенности, является перспективным направлением в истории литературы[1].

Несмотря на значимость комплекса произведений о присоединении Новгородской и Псковской земель к Великому княжеству Московскому в историко-литературном процессе, а также политической истории России, проблематика и стиль входящих в него текстов были исследованы не в полной мере. Внимание филологов, в основном, привлекали такие яркие произведения, как «Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород», «Новгородская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород», «Словеса избранна от Святых Писаний…», «Повесть о Псковском взятии» в Псковской I летописи, при этом другие летописные тексты оставались вне поля их зрения или рассматривались в контексте изучения летописных сводов либо какой-либо иной

[1] См., например: Агафонов И.С. Идеологические тенденции в нарративах Знаменского цикла XV–XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3 (61). С. 16–22; Андреева Е.А. Михаил Тверской глазами древнерусских книжников. М., Берлин: Директ-Медиа, 2019; Бобров А.Г. Великий князь Дмитрий Юрьевич Шемяка в древнерусской литературе и книжности // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Наука, 2014. Т. 63. С. 516–540; Туфанова О.А. Древнерусские письменные памятники о Смутном времени как художественный феномен: дис. ... д-ра. филол. наук: 10.01.01. М., 2019.

проблематики. На данный момент имеются также некоторые лакуны в текстологическом исследовании указанных произведений.

Таким образом, к настоящему моменту весьма актуальными, но в то же время малоизученными остаются многие вопросы проблематики, текстологии и стиля древнерусских произведений о включении Северо-Западных земель в состав Московского государства.

Степень разработанности темы исследования подробно анализируется в первом параграфе первой главы «Обзор научной литературы о включении Северо-Западных земель в состав Московского государства». В данном разделе лишь отметим, что в дореволюционный период древнерусские произведения о присоединении Новгородской и Псковской земель к Великому княжеству Московскому практически не изучались как памятники словесности, а рассматривались в первую очередь в рамках обобщающих трудов по истории России такими исследователями, как В.Н. Татищев, М.М. Щербатов, Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, И.Д. Беляев, В.О. Ключевский. Истории Новгорода и Пскова посвящены специальные работы Е.А. Болховитинова, А.И. Никитского и Н.И. Костомарова.

В советский период начала активно изучаться текстология летописей и рукописных сборников, в которых содержатся древнерусские тексты о включении Северо-Западных земель в состав Московского государства (А.Н. Насонов, М.В. Кукушкина, Я.С. Лурье). Некоторые исследуемые в диссертации произведения рассматривались как литературные памятники (В.П. Адрианова-Перетц, В.Л. Комарович, Д.С. Лихачев, Я.С. Лурье). Однако для советской историографии изучаемой проблематики в первую очередь характерен интерес к политической истории Руси XV – XVI вв., в связи с чем события 1471–1478 гг. и 1510 г. анализировались в контексте формирования русского централизованного государства (А.Е. Пресняков, Н.Н. Масленникова, Л.В. Черепнин). Несмотря на такой исследовательский ракурс, в работах указанных ученых также содержатся ценные наблюдения над текстологическими связями памятников и отдельными художественными особенностями.

В последнее время на фоне продолжающегося историко-политического изучения древнерусских текстов о включении Северо-Западных земель в состав Московского государства (Ю.Г. Алексеев, Р.Г. Скрынников, М.М. Кром, Н.С. Борисов, М.А. Несин) уточняется их текстология (А.Е. Жуков, Е.Л. Конявская, С.А. Никонов), а некоторые произведения рассматриваются с историко-литературной точки зрения (В.И. Охотникова, Н.В. Трофимова, О.Ю. Чирейкина). Отдельно стоит отметить диссертацию О.Ю. Чирейкиной «Повести о присоединении Новгорода к Москве в летописях XV – XVII вв. и литературных сборниках» (Барнаул, 2001), посвященную непосредственно анализу древнерусских призведений о присоединении Новгородской земли к Великому княжеству Московскому в летописях XV – XVII вв. и рукописных сборниках.

Таким образом, произведения о включении Северо-Западных земель в состав Московского государства использовались большинством ученых в качестве источников по истории Руси XV – XVI вв. Лишь немногие работы посвящены текстологическому и историко-литературному изучению произведений о событиях 1471–1478 гг. и 1509–1510 гг. Вероятно, это можно объяснить тем, что историки литературы долгое время основное внимание уделяли наиболее древним летописям, что связано с их интересом к зарождению русской литературы, ее связи с фольклором, формированию жанров и художественных приемов.

К настоящему моменту малоисследованными остаются идейная направленность и стиль всего комплекса текстов: в литературе имеются лишь отдельные замечания, затрагивающие эти аспекты. В научной литературе отсутствует устоявшаяся классификация этих произведений, уточнения также требуют некоторые вопросы их текстологии, в том числе выделение редакций рассматриваемых текстов.

Материалом исследования является большой корпус произведений о присоединении Новгородской и Псковской земель к Великому княжеству Московскому, содержащихся в древнерусских летописях и сборниках.

Рассматривались тексты в летописях конца XV – первой трети XVI в., составленных непосредственно после событий 1471–1478 гг. и 1509–1510 гг. или несколько позднее: в Вологодско-Пермской, Ермолинской, Иоасафовской, Львовской, Никаноровской, Никоновской, Новгородской IV, Псковской II, Симеоновской, Софийской I, Софийской II, Типографской, Устюжской летописях, Московском летописном своде конца XV в., Летописных сводах 1497 и 1518 гг., Сокращенных летописных сводах 1493 г. и 1495 г., Архангелогородском летописце. Привлекались летописи, отражающие более поздние своды XVI – XVII вв.: Воскресенская, Новгородская II, Псковская I, Псковская III, Холмогорская летописи, Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского, Лицевой летописный свод XVI в., Новгородская Большаковская летопись XVI в.; Степенная книга и Мазуринский летописец. Исследовались также тексты в составе исторической повести «История о Казанском царстве» (Казанский летописец), рукописных сборников конца XVI – начала XVII в. (ГПНТБ СО РАН. Собр. Тихомирова. № 373 – далее Тих.373; ОР РГБ. Ф. 228. Собр. Пискарева. № 183 – далее Писк.183). Список анализируемых в диссертации произведений представлен в Приложении 1.

При написании работы использовались публикации текстов в Полном собрании русских летописей, «Библиотеке литературы Древней Руси», «Описании Тихомировского собрания рукописей» М.Н. Тихомирова[2], Новгородском историческом сборнике (Е.Л. Конявская)[3], приложениях к монографии Н.Н. Масленниковой[4], к диссертации О.Ю. Чирейкиной[5], к статье

---

[2] См.: О взятии Великаго Новаграда // Тихомиров М.Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968. С. 172–176; Взятие Псковское // Тихомиров М.Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М.: Наука, 1968. С. 176–179.

[3] Новгородская Большаковская летопись // Конявская Е.Л. Новгородская летопись XVI в. из собрания Т.Ф. Большакова // Новгородский исторический сборник. Новгород, 2005. Вып. 10 (20). С. 344–383.

[4] См.: Взятие Пскова // Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. С. 185–194.

[5] См.: О взятии Великого Новаграда // Чирейкина О.Ю. Повести о присоединении Новгорода к Москве в летописях XV – XVII вв. и литературных сборниках: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Барнаул, 2001. С. 188–197.

О.Ю. Чирейкиной[6], к статье А.Е. Жукова[7]. В отдельных случаях для уточнения информации о текстах и контексте, в котором они находятся, привлекались также архивные материалы. Например, для установления границ первоначального текста «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» необходимо было обратиться непосредственно к неопубликованному Музейному сборнику (ОР РГБ. Ф. 178. Музейное собр. № 3271). При анализе контекста, в котором существовал цикл из повестей «О взятии Великого Новаграда» и «Взятие Псковское», привлекался рукописный сборник ОР РГБ. Ф. 228. Собр. Пискарева. № 183.

Кроме текстов, посвященных присоединению Новгородской и Псковской земель к Великому княжеству Московскому, для сопоставления и выявления интертекстуальных связей использовались Библия, агиографическая («Житие Александра Невского», «Повесть об Ионе, архиепископе Новгородском», «Повесть о житии Михаила Клопского») и апокрифическая литература («Сказание Афродитиана»), ораторская проза («Слово преподобнаго отца нашего Серапиона») и другие древнерусские произведения.

Предметом исследования являются древнерусские произведения о включении Северо-Западных земель в состав Московского государства.

Объект исследования – проблематика, текстология и стиль данных произведений, позиция их авторов по отношению к описываемым событиям.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей идеологии и стиля комплекса древнерусских текстов, посвященных присоединению Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому, а также в установлении текстуальных связей между указанными произведениями.

Для достижения поставленной цели в работе решались следующие **задачи:**

---

[6] См.: Взятие Псковское // Чирейкина О.Ю. Повесть «Взятие Псковское» как образец жанра воинской повести XVI в. // Макарьевские чтения. Материалы третьей международной конференции (21–22 ноября 2004 г.). Горно-Алтайск, 2004. С. 357–359.

[7] Московская повесть о присоединении Пскова (Медоварцевский список, БАН. Арханг. Д. 193) // Жуков А.Е. К истории текста Московской повести о присоединении Пскова // Novogardia. 2019. № 4. С. 407–416.

– определить корпус древнерусских текстов, содержащих сведения о включении Северо-Западных земель в состав Московского государства;

– выявить недостаточно исследованные в научной литературе проблемные аспекты изучения указанных древнерусских произведений;

– обосновать целесообразность рассмотрения древнерусских произведений о присоединении Новгородской и Псковской земель к Великому княжеству Московскому как единого комплекса;

– классифицировать рассматриваемые древнерусские тексты в соответствии с точками зрения авторов/редакторов текстов;

– охарактеризовать идеологические и стилистические особенности древнерусских произведений о новгородских походах Ивана III;

– выявить специфику идеологии и стиля древнерусских произведений о событиях 1509–1510 г.

Научная новизна исследования связана с тем, что в нем впервые проводится комплексный анализ проблематики и стиля известных на данный момент текстов о включении Северо-Западных земель в состав Московского государства. Указанные произведения рассматриваются как единый комплекс, что обосновывается следующими соображениями:

1) И Новгород, и Псков имели вечевое устройство, которое было разрушено великим московским князем в результате включения Новгородской и Псковской земель в состав Московского государства.

2) События 1471–1478 гг. и 1509–1510 гг. нашли отражение как в великокняжеском летописании, так и в местном летописании пострадавших земель. Продуктивной является классификация древнерусских произведений о присоединении Новгородской и Псковской земель к Московскому государству в соответствии с точками зрения авторов/редакторов текстов на эти события в контексте их политической позиции. При этом в обоих случаях выделяются произведения, отражающие московскую точку зрения, и произведения, отражающие точку зрения присоединенной земли.

3) В 1471–1478 гг. и в 1509–1510 гг. использовались схожие механизмы великокняжеской политики, что отразилось и в текстах, посвященных этим событиям (наличие схожих повествовательных стратегий, художественных приемов и образов, тропов).

4) В рукописных сборниках зафиксирован цикл из повестей «О взятии Великого Новаграда» и «Взятие Псковское», что свидетельствует о том, что некоторыми древнерусскими книжниками присоединение Новгородской земли к Великому княжеству Московскому в 1471–1478 гг. и более позднее включение Псковской земли в состав Московского государства осмыслялись как взаимосвязанные события, происходившие в рамках одного политического процесса.

Научная новизна исследования также заключается в выделении редакций рассматриваемых текстов (например, «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород», повести «О поезде великого князя в Новгород», Московской повести о походе 1477–1478 гг., Московской повести о присоединении Пскова к Москве), установлении текстуальных связей между этими произведениями (например, заимствования из повести «О брани на Новгород» и «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 3) в Краткой промосковской повести о походе 1471 г. (по Мазуринскому летописцу)), характеристике редакторской правки и анализе особенностей трансформации текстов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В русских летописях XV – XVII вв. и рукописных сборниках XVI – XVII вв. содержится объемный комплекс произведений о присоединении Северно-Западных земель к Великому княжеству Московскому, включающий в себя более 30-ти различных текстов, часть из которых существуют в нескольких списках и редакциях. Данные произведения могут быть классифицированы в соответствии с точками зрения авторов/редакторов текстов.

2. Древнерусские произведения о включении Новгородской земли в состав Московского государства можно разделить на несколько групп

по сюжетно-тематическому принципу: 1) отражающие поход Ивана III на Новгород 1471 г.; 2) посвященные новгородскому походу Ивана III 1475–1476 гг.; 3) освещающие события 1477–1478 гг., связанные с окончательным присоединением Новгородской земли к Великому княжеству Московскому; 4) посвященные событиям 1471–1478 гг. как единому явлению. Тексты первых двух групп можно подразделить на отражающие московскую, новгородскую и псковскую точки зрения на события 1471–1476 гг. В текстах третьей группы можно выделить московскую и псковскую точки зрения на поход Ивана III 1477–1478 гг. Произведения же четвертой группы отражают только московскую позицию.

3. Среди древнерусских произведений о присоединении Псковской земли к Великому княжеству Московскому выделяются 1) отражающие московскую точку зрения; 2) фиксирующие псковскую позицию; 3) индифферентные к событиям 1509–1510 гг., не содержащие маркеров какой-либо точки зрения.

4. Во второй половине XVI в. появляются произведения о включении Северо-Западных земель в состав Московского государства, отражающие московскую точку зрения, функционировавшие вне летописных сводов (глава «О взятии Великого Новагорода от великого князя Ивана Васильевича и похвала тому же великому князю» в крупной исторической повести «История о Казанском царстве»; произведения «О взятии Великого Новаграда» и «Взятие Псковское» в рукописных сборниках). Указанные тексты имеют летописные источники, которым они близки по проблематике и стилю, однако при этом расположены не в хронологическом порядке, а подчиняются тематическому замыслу составителей.

5. Стиль рассматриваемых произведений имеет тесную связь с их идеологией. Наиболее ярко это проявляется в текстах, отражающих московскую точку зрения и ориентированных на легитимизацию присоединения Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому. В них создается положительный образ великих московских князей, имеются мотивы

божественной помощи, библейские цитаты и другие средства, ориентированные на оправдание деятельности московских князей и их войск. В этих текстах используются различные документы, благодаря чему произведения фактографичны, а содержащаяся в них информация и ее оценка представлены как достоверные.

6. Тексты о присоединении Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому в целом имеют характерные свойства повествовательных жанров (исторической, в том числе воинской повести, краткого летописного рассказа). Некоторые из произведений также испытали значительное влияние ораторской прозы («Словеса избранна от Святых Писаний…», «Повесть о Псковском взятии»).

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации древнерусских произведений о включении Северо-Западных земель в состав Московского государства, выявлении особенностей стиля данных текстов в контексте развития литературы XV – XVI вв., уточнении текстуальных связей между произведениями.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях по истории летописания и истории русской литературы XV – XVI вв., а также при преподавании древнерусской литературы в высших учебных заведениях, при самоподготовке студентов и аспирантов, обучающихся по гуманитарным направлениям и специальностям.

В работе применяется ряд **методов**: герменевтический, историко-литературный и текстологический. При проведении историко-литературного анализа используются подходы и приемы, разработанные в трудах В.П. Адриановой-Перетц, Д.С. Лихачева, И.П. Еремина, А.С. Демина, А.А. Пауткина и других филологов. Летописные повести и рассказы, а также тексты в рукописных сборниках, в которых отражено присоединение Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому, рассматриваются как литературные произведения, к их исследованию применяются приемы

исторической и тематической поэтики[8], акцентируется внимание на изучении их композиционной, стилистической и образной структуры.

При выявлении редакций произведений и при исследовании взаимодействий текстов о включении Новгородской и Псковской земель в состав Московского государства также применяются элементы текстологического анализа, без которого невозможно изучение идеологии и стиля соответствующих текстов. Методологической опорой исследования являются труды таких текстологов, как А.А. Шахматов, М.Д. Приселков, Д.С. Лихачев, А.Н. Насонов, Б.М. Клосс, Я.С. Лурье и др.

Для произведений об актуальных политических событиях (в частности о присоединении Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому) большое значение имеет связь проблематики и стиля. Система художественных средств подчинена тем идеям, на выражение которых ориентирован текст. По этой причине при анализе идеологии произведений особое внимание уделяется рассмотрению оценочных эпитетов и сравнений, топики, параллелей с другими древнерусскими текстами. При этом выявляются цитаты и анализируются их функции, что является одной из актуальных задач современной медиевистики.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Степень достоверности результатов исследования определяется применением комплексного и системного подхода к изучению материала, широким кругом использованных источников и литературы, а также апробацией в публикациях, выступлениях на конференциях и в учебном процессе.

Материалы исследования, основные его положения и выводы обсуждались на заседании аспирантского объединения кафедры истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени

---

[8] Под тематической поэтикой понимается подход к исследованию древнерусских произведений, при котором на первый план выдвигается не жанровый и хронологический принцип, а тематический (см.: Пауткин А.А. Беседы с летописцем: Поэтика раннего русского летописания. М.: Издательство МГУ, 2002; Он же. Древнерусские летописи XI – XIII вв.: вопросы поэтики: дис. ... д-ра филолог. наук: 10.01.01. М., 2003; История древнерусской литературы: аналитическое пособие / отв. ред. А.С. Демин. М.: Языки славянских культур, 2008).

М.В. Ломоносова (под руководством д.ф.н., проф. М.С. Макеева), докладывались автором на 21-й международной конференции: «Международная конференция молодых филологов» (Тарту, 2019), «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (Москва, 2017, 2019), «Летняя школа по русской литературе» (Цвелодубово, 2016), «Текстология и историко-литературный процесс» (Москва, 2014, 2015, 2016, 2017), «Текст – комментарий – интерпретация» (Москва, 2016, 2017), «Русская литература в компаративной перспективе» (Москва, 2015), «Ломоносов» (Москва, 2013, 2014, 2016, 2017), «Человек и общество в противоречиях и согласии» (Нижний Новгород, 2013, 2014, 2015, 2017), «Студенческий гений» (Нижний Новгород, 2013, 2014); а также отражены в 20-ти опубликованных работах автора (в том числе 5-ти – в ведущих рецензируемых журналах и изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России, 4 из которых размещены в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по соответствующей специальности) общим объемом 7,8 п. л.

Результаты исследования были апробированы в учебном процессе в рамках проведения занятий на филологическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (спецсеминар профессора А.А. Пауткина «Человек и окружающий его мир в литературе Древней Руси»).

Структура исследования определяется его целью и задачами. Работа состоит из введения, трех глав, включающих в общей сложности восемь параграфов, заключения, списка использованных источников и научной литературы и двух приложений.

Глава 1. Теоретико-методологические основы изучения древнерусских произведений о присоединении Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому

1.1. Обзор научной литературы о включении Новгородской и Псковской земель в состав Московского государства в конце XV – начале XVI в.

Присоединение Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому играло важную роль в процессе формирования единого Русского государства, что обусловило интерес к нему **дореволюционных исследователей** – авторов первых обобщающих трудов по истории России.

Древнерусские произведения об этих событиях впервые были использованы в качестве источника В.Н. Татищевым[9], которого считают одним из первых отечественных историков. Данный исследователь является интересной и неоднозначной фигурой в отечественной историографии. Его «История Российская» неоднократно перерабатывалась автором, менялся принцип изложения материала от «гисторического» к «летописному»[10]. В итоге получился своеобразный летописный свод, включающий как фрагменты известных науке летописей, так и сведения неизвестного происхождения, которые до сих пор вызывают споры среди историков.

В.Н. Татищев излагает события 1471–1478 гг. и 1509–1510 гг. в четвертой части своего труда, в основу которой положен текст Академического XV списка Никоновской летописи[11]. Действительно, историограф практически дословно передает текст великокняжеских повестей о присоединении Новгородской земли к Великому княжеству Московскому («Московская повесть о походе Ивана III

---

[9] См.: Татищев В.Н. История Российская: в 7 т. Т. 6. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, Ленинградское отделение, 1966. С. 30–37, 46–49, 50–65, 106–107.

[10] См.: Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.: Новое литературное обозрение; Киев: Критика, 2005. С. 10–31.

[11] См.: Валк С.Н. О рукописях четвертой части «Истории Российской» В.Н. Татищева // Татищев В.Н. История Российская: в 7 т. Т. 6. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, Ленинградское отделение, 1966. С. 7.

Васильевича на Новгород», повесть «О поезде великого князя в Новгород», Московская повесть о походе 1477–1478 гг.) в варианте Академического XV списка Никоновской летописи. При описании событий 1509–1510 гг. В.Н. Татищев не использовал такие важные и информативные источники, как Псковские летописи. Он привел в своем труде московский рассказ о присоединении Пскова к Москве, который содержится в том числе в Никоновской летописи. В.Н. Татищев не комментирует и не подвергает критическому анализу приведенные им летописные тексты, посвященные присоединению Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому.

М.М. Щербатов в своем труде «История Российская от древнейших времен» также, как и В.Н. Татищев, при изложении событий, посвященным присоединению Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому, опирается в основном на великокняжеское летописание (в первую очередь на «Московскую повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород», повесть «О поезде великого князя в Новгород», Московскую повести о походе 1477–1478 гг., московский рассказ о присоединении Пскова к Москве)[12]. Историк использует также актовый материал, списки бояр, родословные книги и другие исторические источники. Отметим также, что данный исследователь впервые ввел в научный оборот такой значимый для изучения присоединения Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому летописный свод, как Воскресенская летопись[13].

В отличие от В.Н. Татищева, М.М. Щербатов эксплицирует свою оценку событий, связанных с включением Новгородской и Псковской земель в состав Московского государства. В целом он положительно оценивает деятельность великих московских князей, связанную с собиранием русских земель и формированием единого государства. При этом М.М. Щербатов осуждает какие-либо проявления жестокости московских войск по отношению к жителям

---

[12] См.: Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. 4. Ч. 2. СПб.: Императорская Академия наук, 1783. С. 37–61, 95–104, 107–156, 405–408.

[13] См.: Федосов И.А. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М.М. Щербатов. М.: Издательство Московского университета, 1967. С. 48.

покоренных земель[14], что соотносится с его критической позицией по отношению к злоупотреблениям и беззакониям властей, отраженной в других его работах[15].

Отметим, что в «Истории Российская от древнейших времен» наблюдаются элементы критического анализа источников. Так, М.М. Щербатов сопоставляет упоминания о некоторых боярах в летописных текстах с информацией о них, содержащейся в иных известных ему источниках, дает рациональное объяснение традиционным мотивам божьей помощи[16].

В «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина при изложении событий 1471–1478 гг. и 1509–1510 гг. используются не только великокняжеское, но и новгородское и псковское летописание, а также западные источники, актовый материал[17]. Историк, повествуя о присоединении Новгородской земли к Великому княжеству Московскому, опирается в основном на сведения из Никоновской летописи, Степенной книги, однако при этом приводит новгородскую версию первого похода Ивана III на Новгород, отраженную в «Новгородской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород». Интерес также представляет то, что Н.М. Карамзин обращается к произведению церковного происхождения «Словеса избранна от Святых Писаний…», акцентируя внимание на образе Марфы Борецкой, который затем на протяжении трех веков трансформировался в художественных произведениях.

---

[14] Приведем в качестве примера следующий пассаж: «Сия победа нанесшая первый удар бунтующему Новугороду, достойна была бы знаменитость вождям Московских воинств учинить, естли бы они в щастии своем не забыли все человечество и суровостию своею славы оныя не затмили; ибо взяв сих пленникогв, повелели им между собою носы и губы резати, и тако поруганных отпускали их в Новгород. Хотя сей поступок мог в себе заключать политическия виды, что бы строгостию такою устрашить бунтующих, но самая сия политика не может вселиться как токмо в суровыя сердца, и один ли способ есть меч и бесчеловечие, преклонит сердца народныя?» (Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. 4. Ч. 2. СПб.: Императорская Академия наук, 1783. С. 46–47).

[15] См.: Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 г. М.: Ассоциация «Россия»; Издательство «Культура», 1993. С. 229–230.

[16] См.: Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. 4. Ч. 2. СПб.: Императорская Академия наук, 1783. С. 51.

[17] См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. VI. М.: Издательство «Наука», 1998. С. 18–31; 61–81; Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. VII. Изд. 2, испр. СПб.: Типография Н. Греча, 1819. С. 30–46.

Н.М. Карамзин также впервые привлекает псковские тексты при изложении событий 1509–1510 годов. Историк, по сути, пересказывает «Повесть о Псковском взятии» Псковской I летописи, добавляя сведения, почерпнутые из великокняжеских летописей. Он также использует материал Московской повести о присоединении Пскова к Москве. Мы считаем, что Н.М. Карамзин привлек краткую редакцию, которая находилась в опубликованном в 1790 году «Русском времяннике»[18].

Отметим, что многие летописные источники не были доступны Н.М. Карамзину, что не позволило ему в полной мере реконструировать события 1471–1478 гг и 1509–1510 гг., представить все многообразие точек зрения на них в источниках. Так, Н.М. Карамзину не был, по-видимому, известен Строевский список, который был позднее признан Псковской III летописью. По этой причине в «Истории государства Российского» не нашла отражения антимосковская точка зрения на события 1509–1510 гг.

Присоединение Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому представлено Н.М. Карамзиным как необходимое следствие укрепления самодержавия, оценивается положительно[19]. При этом Н.М. Карамзин с сочувствием относится к псковичам, что, вероятно, связано с его литературной позицией – сентиментализмом[20].

С.М. Соловьев вслед за предшественниками в основном пересказывает известные ему летописи, редко интерпретируя данные и не привнося практически

---

[18] См.: Русский времянник, сиречь, Летописец, содержащий российскую историю от 6370/862 лета до 7189/1681 лета. Ч. 2. М.: Моск. Синод. тип, 1790.

[19] См. следующие цитаты из работы Н.М. Карамзина: «Еще Новгород остался Державою народною; но свобода его была уже единственно милостию Иоанна и долженствовала исчезнуть по мановению Самодержца. Нет свободы, когда нет силы защитить ее» (Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. Т. VI. М.: Издательство «Наука», 1998. С. 31); «…История должна прославить в сем случае ум Иоанна, ибо государственная мудрость предписывала ему усилить Россию твердым соединением частей в целое, чтобы она достигла независимости и величия…» (Там же. С. 85); «…Псков… сделался жертвой непременного Рока, уступил необходимости, но с каким-то благородным смирением, достойным людей свободных, и не оказав ни дерзости, ни робости своих Новгородских братьев» (Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. VII. Изд. 2, испр. СПб.: Типография Н. Греча, 1819. С. 44–45).

[20] См.: Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 г. М.: Ассоциация «Россия»; Издательство «Культура», 1993. С. 293–313.

ничего нового в изучение проблемы присоединения Северо-Западных земель к Москве[21]. Он излагает события новгородских походов Ивана III по схеме Никоновской летописи, дополняя сведениями из Новгородской IV и псковских летописей, актов и некоторых других источников. Как и Н.М. Карамзин, он при характеристике сторонников присоединения Новгорода к Великому княжеству Литовскому использует информацию из произведения «Словеса избранна от Святых Писаний…». При изложении событий 1509–1510 гг. С.М. Соловьев пересказывал материал Псковской I летописи.

С.М. Соловьев положительно оценивает деятельность Ивана III, связанную с объединением русских земель и созданием Русского государства с центром в Москве. Историк указывает на то, что великий московский князь опирается в этом деле на достижения своих предшественников, разумно использует сложившуюся благоприятную общественно-политическую ситуацию[22].

Истории Новгородской и Псковской земель посвятил второй и третий том своей работы И.Д. Беляев[23]. В качестве причины походов Ивана III автор указывает нарушения новгородцами условий Яжелбицкого мира, деятельность «буйной и своевольной молодежи» и «женщин-инстриганок» (в том числе Марфы Борецкой). По мнению И.Д. Беляева, Новгород в 60–70-х гг. XV в. находился в упадке из-за внутренних противоречий, конфликта между литовской и московской партией, что ослабило его и сделало беззащитным.

И.Д. Беляев прослеживает, как Псков постепенно теряет свою независимость. В изложении событий 1509–1510 годов автор опирается на «Повесть о Псковском взятии» в Псковской I летописи. И.Д. Беляев

---

[21] См.: Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. 3. Т. 5 и 6. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1989. С. 7–32, 226–231.

[22] См. следующие размышления С.М. Соловьева: «Спокойный, единовластный внутри, московский князь пользуется своими средствами, пользуется собранием Северо-Восточной Руси, совершенным его предками, прользуется счастливыми внешними обстоятельствами…» (Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. 3. Т. 5 и 6. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1989. С. 8); «...Иоанну принадлежит почетное место среди собирателей Русской земли, среди образователей Московского государства; Иоанну III принадлежит честь за то, что он умел пользоваться своими средствами и счастливыми обстоятельствами...» (Там же. С. 8–9).

[23] См.: Беляев И.Д. Рассказы из русской истории. Книга 2. М.: Типография Л.И. Степановой, 1864; Беляев И.Д. Рассказы из русской истории. Книга 3. М.: Синодальная типография, 1867.

симпатизирует псковским людям, однако считает, что Псков должен был подчиниться к Москве в силу исторической необходимости.

На работы своих предшественников опирается и В.О. Ключевский. Не занимаясь текстологией летописных повестей, он, в первую очередь, извлекает из произведений интересующие его сведения о социальной и политической жизни Новгорода[24]. В присоединении Новгородской и Псковской земель В.О. Ключевский видел историческую необходимость. Он считал, что к середине XV века уже сформировалась великорусская народность и было необходимо политическое единство[25].

Интерес представляют и появившиеся в XIX в. первые монографические исследования, в которых рассматривалась история Псковской земли. Первую полную историю Псковской земли написал в 30-е годы XIX века киевский митрополит и ученый Е.А. Болховитинов[26]. При изложении событий 1509–1510 года он использовал материал Псковской I летописи, «Русского времянника», а также западноевропейские хроники и документы. Болховитинов считал присоединение Псковской земли к Великому княжеству Московскому неизбежным и выражал удивление по поводу того, что этот город сохранял свою независимость более 30 лет после падения Новгорода. По мнению ученого, влияние Москвы на Псков во второй половине XV – начале XVI века спасло Псков от порабощения лифляндцев и литовцев.

В монографии А.И. Никитского «Очерк внутренней истории Пскова»[27] основное внимание уделяется общественному устройству Пскова и его церковному быту. По представлениям ученого, переход Пскова под власть Великого княжества Московского был постепенным и неприметным и объясняется естественным ходом истории и укрепления чувства национального

---

[24] См.: Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций. Т.1. М.: АСТ, Минск: Харвест, 2002. С. 429–443.
[25] См.: Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций. Т.1. М.: АСТ, Минск: Харвест, 2002. С. 454.
[26] См.: Болховитинов Е.А. История княжества Псковского. М.: Кучково поле, Евробонд, 2012.
[27] См.: Никитский А.И. Очерк внутренней истории Пскова. СПб.: Типография К. Замысловского, 1873.

единства. Исследователь также отмечает уменьшение роли веча в псковской политике со второй половины XV века, наличие в Пскове достаточного большого количество сторонников великокняжеской власти и указывает на противоречия между «лучшими» людьми и низшими слоями населения.

Особо следует отметить исследование Н.И. Костомарова «Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого склада (история Новгорода, Пскова и Вятки)»[28]. Примечательно, что в этой работе историк рассматривает Новгород, Псков и Вятку с точки зрения их социально-политического (вечевого) устройства. При этом Н.И. Костомаров оценивает негативно деятельность московских князей, связанную с включением Северо-Западных земель в состав Московского государства. Это связано со взглядами историка на демократичность как важнейшую черту, характерную изначально для всей Русской земли, его идеализацией удельно-вечевого порядка[29].

При изложении событий 1471–1478 гг. Н.И. Костомаров ссылается на сведения из Воскресенской, Софийской I, Софийской II, Новгородской I, Псковской I, Псковской II летописей[30]. Историк отмечает, что «...в большей части повествований об этих событиях, сохранившихся в летописях, видна московская рука»[31], в связи с чем критически относится к источникам. По отношению к присоединению Новгородской земли к Великому княжеству Московскому он использует такие номинации, как «новгородская катастрофа», «падение независимости и свободы Великого Новгорода».

Н.И. Костомаров также предложил свое видение событий 1509–1510 годов, при изложении которых за основу брал «Повесть о Псковском взятии» в Псковской I летописи, дополняя ее деталями из пространной редакции

---

[28] См.: Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого склада (история Новгорода, Пскова и Вятки). Т. 1. Изд. 3. СПб.: типография М.М. Стасюлевича, 1886.
[29] См.: Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 г. М.: Ассоциация «Россия»; Издательство «Культура», 1993. С. 462–465.
[30] См.: Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого склада (история Новгорода, Пскова и Вятки). Т. 1. Изд. 3. СПб.: типография М.М. Стасюлевича, 1886. С. 150–229.
[31] Там же. С. 229.

Московской повести о присоединении Пскова к Москве[32]. Присоединение Псковской земли к Великому княжеству Московскому он воспринимал как насилие со стороны великого московского князя.

Проанализировав историографию XVIII – XIX веков, можно сделать вывод, что проблема включения Северо-Западных земель в состав Московского государства только начала осмысляться в этот период. Впервые стали вводиться в научный оборот основные исторические источники, появились первые публикации русских летописей[33]. Однако уровень исторической и филологической методологии, критики текста не был еще достаточно высоким, чтобы установить все древнерусские тексты, посвященные этим событиям, проанализировать их идейную направленность. Исследователи практически не уделяли внимания художественной стороне произведений.

В **советский период** на более углубленном уровне продолжилось изучение присоединения Новгородской и Псковской земель к Великому княжеству Московскому в контексте общественно-политической истории Древней Руси.

Одной из первых крупных работ этого периода, где затрагивается проблема включения Новгородской и Псковской земель в состав Московского государства, является «Образование Великорусского государства» А.Е. Преснякова[34]. В данном исследовании автор обращает внимание на то, что в XIII – XV вв. протекали два разнонаправленных политических процесса: «...дробление территории и власти и работа сил и тенденций, направленных на усиление политического единства...»[35]. А.Е. Пресняков акцентирует внимание на «собирании власти» великими московскими князьями, формирование «вотчинного самодержавия». Именно в этом контексте рассматриваются и новгородские походы Ивана III.

---

[32] См. там же. С. 292–317.

[33] См., например: Русский времянник, сиречь, Летописец, содержащий российскую историю от 6370/862 лета до 7189/1681 лета. Ч. 2. М.: Моск. Синод. тип, 1790; Погодин М.П. Псковская летопись. М.: Университетская типография, 1837; Псковская первая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. IV. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1848.

[34] См.: Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства: Очерки по истории XIII – XV столетий. Петроград: Типография Я. Башмаков и К°, 1918 .

[35] Там же. С. 457.

В 30-е гг. XX в. к проблеме присоединения Северо-Западных земель обратился М.К. Любавский[36]. Однако он лишь кратко изложил фактуру походов Ивана III, опираясь на трактовку событий 1471–1478 гг. в великокняжеском летописании. Интересно, что материал произведений, посвященных присоединению Новгородской и Псковской земель рассматривался в контексте изучения истории заселения территорий русским народом.

В середине XX века появляются основательные монографические исследования, посвященные формированию русскому централизованному государству, опирающиеся на понятия маркистской идеологии.

Историк Н.Н. Масленникова провела комплексное исследование источников по присоединению Пскова к Москве[37]. Исследователь в монографии «Присоединение Пскова к русскому централизованному государству»[38] рассмотрела состояние экономики, общества и культуры в период централизации русских земель, эволюцию отношений Пскова с Москвой и усиление ее влияния на внутреннюю и внешнюю политику Псковской земли.

Н.Н. Масленникова делает вывод, что присоединение Пскова к Москве «… было продолжением ранее сложившихся между ними отношений и не означало упадка Псковской области»[39]. Особое внимание исследователь обращает на использование московским правительством в своих целях ситуации классовой борьбы во Пскове. По ее мнению, Василий III и его люди представляли свое политику во Пскове как «… направленную только против местных бояр и посадничества…»[40] и примеряли на себя роль защитника более низших социальных слоев.

---

[36] См.: Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996.

[37] См.: Масленникова Н.Н. Идеологическая борьба в псковской литературе в период образования Русского централизованного государства // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. VIII. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1951. С. 187–217; Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955.

[38] См.: Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955.

[39] Там же. С. 178.

[40] Там же. С. 181.

Важнейшим достоинством работы Масленниковой является введение в научный оборот Московской повести о присоединении Пскова к Москве (ОР РГБ. Ф. 256. Собр. Румянцева. № 255; РГАДА. Ф. 181. Д. 365). Была проанализирована идеологическая направленность всех доступных на тот момент источников о Псковском взятии, однако в соответствии с целями и задачами исторического исследования не было уделено внимания художественной стороне текстов.

Большое значение для изучения присоединения Новгородской земли к Великому княжеству Московскому имеют работы Л.В. Черепнина[41]. Л.В. Черепнин при анализе повестей о новгородских походах Ивана III больше всего внимания уделяет классовой борьбе в Новгороде. Исследователь привлекает материалы не только из Новгородской IV и московских летописей (Симеоновской, Львовской, Иоасафовской, Типографской, Софийской II и т.д.), но и из псковских. Важным является то, что историк подвергает критике многие сведения, представленные в московских повестях, отмечает тенденциозность данных текстов. Сопоставляя различные по составу и идеологической направленности повести с нелетописными источниками, Л.В. Черепнин реконструирует события 1471–1478 гг. [42]

Интерес также представляет анализ сборника новгородских и двинских актов 1471–1476 гг., в результате которого историк приходит к выводу, что данный сборник был составлен при великом московскои князя в качестве оружия политической борьбы с новгородской независимостью[43].

---

[41] См.: Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV– XV вв. Очерки по социально-экономической и политической истории Руси. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960; Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV – XV веков. Ч. 1. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948.

[42] См.: Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV – XV вв. Очерки по социально-экономической и политической истории Руси. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. С. 855–874.

[43] См.: Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV – XV веков. Ч. 1. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. С. 334–407.

В.Н. Бернадский в своей работе «Новгород и Новгородская земля в XV веке»[44] особое внимание уделяет социально-экономическому развитию Новгорода и классовой борьбе в XV в. Историк рассматривал новгородские походы Ивана III в качестве важной вехи в процессе формирования единого Русского государства, при этом оценивал присоединение Новгородской земли к Великому княжеству Московскому как прогрессивное событие, победу «...великого князя над новгородским боярством... нового порядка над изжившей себя стариной»[45]. При обосновании своей концепции В.Н. Бернадский спользовал различные летописные источники, в том числе и оппозиционные Москве, отмечал тенденциозность московского летописания, стремился к критическому анализу источников[46].

Акцентируем внимание на том, что во всех вышеперечисленных работах летописные повести о новгородских походах Ивана III рассматривались как исторический источник, материал для реконструкции прошлого. Историков, что вполне понятно, в меньшей степени интересовали текстологические и художественные особенности данных текстов, хотя они и делали некоторые ценные наблюдения и в этой области.

Однако уже с 40-х гг. XX века интерес к произведениям, в которых отражено включение Новгородской и Псковской земель в состав Московского государства, стали проявлять не только историки, но и текстологи и историки литературы. Д.С. Лихачев первым обратил внимание на летописные повести о новгородских походах Ивана III как на художественные произведения, имеющие определенную идеологическую направленность. Так, в статье «Идеологическая борьба Москвы и Новгорода в XIV – XV веках» филолог отмечает пропагандистскую направленность московских повестей, рассматривает некоторые элементы образной и стилистической систем «Словес избранных

---

[44] См.: Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 312.
[45] Там же.
[46] См.: Там же. С. 270–313.

от Святых Писаний…»[47]. Композиционные особенности, образную систему и стиль «Словес избранных от Святых Писаний...», обусловленные идеологической позицией автора этого произведения, анализировал В.Л. Комарович[48].

Филолог В.П. Адрианова-Перетц рассмотрела «Повесть о Псковском взятии» в Псковской I летописи как литературный памятник[49]. Она обратила внимание как на идеологию данного произведения, так и на его поэтику. Большое научное значение имеет анализ художественных средств повести, проведенный В.П. Адриановой-Перетц. Она определила круг литературных источников, использованных в «Повести о Псковском взятии» в Псковской I летописи: книга пророка Иезекииля, «Девгениево деяние», «Слово» Серапиона Владимирского, «Беседа трех святителей» и другие.

В исследовании «Очерки поэтического стиля Древней Руси»[50] В.П. Адрианова-Перетц вписывает плач по псковской вольности в «Повести о Псковском взятии» в традицию древнерусских плачей, которые написаны от лица земель, потерпевших бедствий. Она считает литературными образцами этой группы плачей 24 главу Книги пророка Исайи и 9 главу Книги пророка Иеремии.

В это же время активно изучается история летописных сводов и их списков, в которых зафиксированы произведения о присоединении Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому. Так, А.Н. Насонов провел текстологическое изучение псковского летописания и подготовил современное издание псковских летописей. Он впервые выделил Псковскую III летопись, проанализировав отличия Строевского списка от Погодинского и Оболенского списков. Основные результаты своего исследования А.Н. Насонов отразил в

---

[47] См.: Лихачев Д.С. Идеологическая борьба Москвы и Новгорода в XIV – XV веках // Исторический журнал. 1941. № 6. С. 43–56.

[48] См.: Комарович В.Л. Московское летописание и исторические повести конца XV – первой половины XVI в. // История русской литературы: В 10 т. Т. II. Ч. 1. Литература 1220-х – 1580-х гг. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1945. С. 331–336.

[49] См.: Адрианова-Перетц В.П. Литература Пскова второй половины XV – первой половины XVI в. // История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. Литература 1220-х – 1580-х гг. Под ред. А. С. Орлова, В. П. Адриановой-Перетц и Н. К. Гудзия. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1945. С. 401–406.

[50] См.: Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 169–176.

работе «Из истории псковского летописания»[51]. В контексте исследуемой нами проблематики наиболее важны наблюдения ученого над идеологией свода 1547 года (Псковской I летописи) и свода 1567 года (Псковской III летописи). Насонов отмечает, что в своде 1547 года совмещаются похвалы великому князю и враждебное отношение к наместникам, а в своде 1567 года сильна антимосковская направленность. Яркое проявление указанных тенденций ученый обнаруживает в том числе и в псковских летописных текстах, посвященных событиям 1509–1510 годов. А.Н. Насонов также обнаружил краткую редакцию Московской повести о присоединении Пскова к Москве в списках ГИМ. Собр. Черткова. № 115б; РГАДА. Ф. 201. Собр. Оболенского. № 46; СПбИИ РАН. Ф. 238. Собр. Лихачева. № 513 и указал на основные текстуальные различия пространной и краткой редакций повести[52].

М.В. Кукушкина обнаружила еще один список Московской повести о присоединении Пскова к Москве – БАН. Архангельское собр. Д. 193[53]. Она сравнила найденный список со списком РГБ. Ф. 256. Собр. Румянцева. № 255. Анализ разночтений позволил М.В. Кукушкиной сделать вывод о том, что текст Московской повести о присоединении Пскова к Москве по списку БАН. Архангельское собр. д. 193 является более древним, однако имеющиеся смысловые и лексические расхождения являются незначительными и нет необходимости считать его отдельной редакцией.

В области интересов Я.С. Лурье было текстологическое изучение летописания XV– XVI вв. Данный исследователь провел серьезную работу по изучению идеологии сводов XV в., сравнивая различные интерпретации важнейших событий этого периода в летописях и пытаясь реконструировать реальные исторические факты. В этом контексте историк и рассматривал повести

---

[51] См.: Насонов А.Н. Из истории псковского летописания // Полное собрание русских летописей. Т. V. Псковские летописи. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 9–44.

[52] См.: Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. М.: Наука, 1969.

[53] См.: Кукушкина М.В. Новый список Повести о псковском взятии // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 16. М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1960. С. 473–476.

о новгородских походах Ивана III[54]. Исследователь обращал пристальное внимание на идеологию летописных повестей о новгородских походах Ивана III и отмечал некоторые художественные особенности этих текстов[55]. Следует также отметить то, что Я.С. Лурье участвовал в публикации «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» и «Новгородской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» как литературных памятников[56]. Его исследования имеют большое значение для изучения летописных повестей о событиях 1471-1478 гг.

В статье «Словаря книжников и книжности Древней Руси», написанной специалистом по псковской литературе В.И. Охотниковой[57], кратко охарактеризованы различия в позициях авторов «Повести о Псковском взятии» в Псковской I летописи и Софийской I летописях, в рассказе Псковской III летописи и пространной редакции «Московской повести о присоединении Пскова в Москве». В статье указывается на необходимость более подробного изучения текстов о присоединении Пскова к Москве в летописных сводах XVI – XVII веков, а также произведения о Псковском взятии по списку Тих.373. Также исследователь высказала ценные замечания о поэтике этих произведений.

В **постсоветсткий период** продолжается изучение текстологических, жанровых и художественных особенностей древнерусских произведений о включении Новгородской и Псковской земель в состав Московского государства, отраженные в них события рассматриваются также в контексте

---

[54] См.: Лурье Я.С. Московский свод 1479 г. и его протограф // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 30. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1976. С. 95–113; Лурье Я.С. Независимый летописный свод конца XV в. – источник Софийской II и Львовской летописей // Труды Отдела древнерусской литературы. Т.27. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. С. 405–419; Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV – XV вв. Л.: Наука, 1976. 285 с.

[55] Лурье Я.С. Повести о присоединении Новгорода // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. С. 201–204.

[56] См.: Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород (Подготовка текста В.П. Бударагина, перевод В.В. Колесова, комментарии Я.С. Лурье) // Библиотека литературы Древней Руси. Т.7. Вторая половина XV в. СПб.: Наука, 1999. С. 286–311, 522–529; Новгородская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород (Подготовка текста В.П. Бударагина, перевод В.В. Колесова, комментарии Я.С. Лурье) // Библиотека литературы Древней Руси. Т.7. Вторая половина XV в. СПб.: Наука, 1999. С. 312–317, 529–530.

[57] См.: Охотникова В.И. Повесть о псковском взятии // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 271–273.

новых исторических концепций, в большей степени свободных от марксистской идеологии.

В это время продолжает свои исследования идейной направленности летописных сводов Я.С. Лурье. Наиболее значима его работа «Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства», в которой обощаются наблюдения исследователя над идеологией московских и независимых летописных сводов, новгородских и псковских летописей[58]. Автор тщательно сопоставляет между собой различные летописные сведения, проводит их критический анализ на высоком методологическом уровне, анализирует построения ученых-предшественников, стремясь создать максимально полное представление о событиях XV в. (в том числе и о включении Новгородской земли в состав Московского государства) и их отражении в летописании.

Значительный вклад в изучение темы диссертационного исследования внесли труды Ю.Г. Алексеева. Анализу событий последних десятилетий XV в. посвящены его работы « “К Москве хотим”: Закат боярской республики в Новгороде»[59], «Под знаменами Москвы: Борьба за единство Руси»[60]. Ю.Г. Алексеев опирается на московское, новгородское и псковское летописание, а также учитывает достижения историков-предшественников. В центре внимания находятся как московского-новгородские, так и московско-псковские отношения в конце XV в. По мнению Ю.Г. Алексеева, присоединение Новгородской земли к Великому княжеству Московскому имеет прогрессивное значение, является победой интересов всех русских земель над узкими, местническими интересами новгородской боярской верхушки.

---

[58] См.: Лурье Я.С. Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 1994.

[59] См.: Алексеев Ю.Г. “К Москве хотим”: Закат боярской республики в Новгороде. СПб. : Лениздат, 1991.

[60] См.: Алексеев Ю.Г. Под знаменами Москвы: Борьба за единство Руси. М.: Мысль, 1992.

Данный исследователь обращает внимание на особенности походов Ивана III как военных кампаний, на тактику ведения сражений[61]. Эту тематику также развивает М.А. Несин[62], который в том числе является автором статьи, в которой сопоставляет московскую и псковскую версии событий 1509–1510 гг., анализирует нюасы внутренней политики Василия III.

Можно отметить также такой историографический феномен, как научно-популярные работы об Иване III и присоединении Новгорода к Москве. Так, Н.С. Борисов излагает события о новгородско-московском конфликте, опираясь в основном на позицию московского летописания[63]. Р.Г. Скрынников же старается, где возможно, донести новгородскую точку зрения на события 1471 – 1478 гг.[64]

В 2010 году прошла международная конференция, приуроченная к 500-летию присоединения Пскова к Москве. По итогам этого научного мероприятия был издан сборник статей, посвященный проблемам взаимоотношений Псковской земли с Москвой и Восточной Европой[65]. В статьях Ю.Г. Алексеева[66] и Н.С. Борисова[67] высказывается идея о том, что процесс вхождения Пскова в

---

[61] См.: Алексеев Ю.Г. Под знаменами Москвы: Борьба за единство Руси. М.: Мысль, 1992; Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 462 с.

[62] См.: Несин М.А. К истории сражения новгородцев с москвичами на реке Шеленге 27 июля 1471 г. // История военного дела: исследования и источники. Т. 6. 2014. С. 46–68; Несин М.А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2014. Т. IV. С. 464–482. URL: http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin (дата обращения: 20.02.2020).

[63] См.: Борисов Н.С. Иван III. М.: Молодая гвардия, 2000. С. 198–304.

[64] См.: Скрынников Р.Г. Иван III. М.: АСТ, АСТ Москва, Транзиткнига, 2006. С. 97–111; Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. М.: Изд-во им. Сабашниковых, б. г. (1994).

[65] См.: Псков, русские земли и Восточная Европа в XV – XVI вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства: сб. тр. междунар. научной конференции, 19– 20 мая 2010 г. Псковский гос. пед. ун-т им. С.М. Кирова; Европейский ун-т в С.-Петербурге. Псков: обл. тип., 2011.

[66] См.: Алексеев Ю.Г. Господин Псков в геостратегической системе во второй половине XV в. // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV – XVI вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства: сб. тр. междунар. научной конференции, 19–20 мая 2010 г. Псковский гос. пед. ун-т им. С.М. Кирова; Европейский ун-т в С.-Петербурге. Псков: обл. тип., 2011. С. 6–12.

[67] См.: Борисов Н.С. Псковская политика Василия Темного // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV – XVI вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства: сб. тр. междунар. научной конференции, 19–20 мая 2010 г. Псковский гос. пед. ун-т им. С.М. Кирова; Европейский ун-т в С.-Петербурге. Псков: обл. тип., 2011. С. 95–113.

состав единого русского государства был постепенным и начался еще в XV веке. М.М. Кромм[68] считает, что, хотя Псков утратил во второй половине XV века свой суверенитет в сфере внешнеполитических отношений, он до 1510 года сохранял независимость во внутреннем управлении и суде.

М.М. Крому принадлежит также исследование о становлении российской государственности[69]. При этом он акцентирует внимание на «...внутренних аспектах государственного строительства: обретении суверенитета, формировании структур управления, функциях монарха и его советников, выработке ключевых понятий и идеологии...»[70]. М.М. Кром рассматривает присоединение Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому в контексте формирования Московского государства, имеющего, по мнению, черты европейского модерного государства.

Современные исследователи также уделяют внимание текстологическому и историко-литературному изучению произведений о присоединении Новгородской и Псковской земель к Великому княжеству Московскому. В 2000-е гг. появилось первое диссертационное исследование, целью которого было представить полную картину истории всех летописных текстов о новгородских походах Ивана III[71]. Отметим, что, несмотря на это, в данной работе О.Ю. Чирейкиной учитываются не все опубликованные летописные тексты о новгородских походах Ивана III. Так, исследователем без каких-либо оговорок игнорируются повести, находящиеся в Степенной книге, Лицевом летописном своде, псковских летописях. Такой подход может привести к неправильной интерпретации. Например, автор называет уникальными особенностями повести,

---

[68] См.: Кром М.М. Статус Пскова в системе великого княжения Владимирского XV – начале XVI в. (к вопросу о суверенитете русского средневекового города) // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV – XVI вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства: сб. тр. междунар. научной конференции, 19–20 мая 2010 г. Псковский гос. пед. ун-т им. С.М. Кирова; Европейский ун-т в С.-Петербурге. Псков: обл. тип., 2011. С. 114–125.

[69] См.: Кром М.М. Рождение государства: Московская Русь XV – XVI веков. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

[70] Там же. С. 7.

[71] См.: Чирейкина О. Ю. Повести о присоединении Новгорода к Москве в летописях XV – XVII вв. и литературных сборниках: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Барнаул, 2001. С. 13.

находящеся в Мазуринском летописце, фрагменты, которые на самом деле были заимствованы из Степенной книги. В ходе текстологического исследования О.Ю. Чирейкина делает ценные замечания связанные с идеологическими, композиционными, стилистическими особенностями изучаемых произведений.

Очень важным достижением исследовательской деятельности О.Ю. Чирейкиной является привлечение внимания к проблеме циклизации произведений о присоединении Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому в рукописных сборниках XVI – начала XVI вв. В ее работах предпринимается попытка историко-литературного анализа данных произведений в контексте текстов, посвященных теме взятия городов[72].

В частности, О.Ю. Чирейкина делает важные наблюдения, связанные с композицией повести особого состава «Взятие Псковское», а также ее образной структурой и функционированием языковых средств. Однако вызывает сомнения тезис ученого о том, что повесть особого состава «Взятие Псковское» является «образцом жанра воинской повести XVI века». На наш взгляд, не совсем корректно называть воинской повестью произведение, в котором нет описания военных действий и соответственно воинских формул и других характерных для текстов такого рода средств художественной выразительности.

С.А. Никонов опирается на рассуждения А.Н. Насонова о своде 1533 года в редакции первой трети XVII века, отраженном в списках ГИМ, собр. Черткова, № 115б; РГАДА, ф. 201 (собр. Оболенского), № 46; СПбИИ РАН, ф. 238 (собр. Лихачева), № 513. В небольшой статье «Московская повесть о Псковском взятии: к вопросу о краткой редакции произведения»[73] он концентрирует усилия

---

[72] См.: Чирейкина О.Ю. Повести о присоединении Новгорода к Москве в летописях XV – XVII вв. и литературных сборниках: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Барнаул, 2001; Чирейкина О.Ю. Повесть «Взятие Псковское» как образец жанра воинской повести XVI в. // Макарьевские чтения. Материалы третьей международной конференции (21–22 ноября 2004 г.). Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2004. С. 354–359; Чирейкина О.Ю. Развитие исторического жанра воинской повести в XVI в. (на примере повести Взятие Псковское – Тих. 373 ГПНТБ) // Макарьевские чтения: Материалы 6 международной конференции (21–23 ноября 2007 г.). Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. С. 142–145.

[73] См.: Никонов С.А. Московская повесть о Псковском взятии: к вопросу о краткой редакции произведения // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. М: Оркомитет Чтений памяти акад. РАН Л.В. Милова, 2009. № 1. С. 34–36.

на выявлении специфики краткой редакции Московской повести о присоединении Пскова к Москве. Он отмечает, что сокращение текста производится за счет замены прямой речи косвенной и удаления некоторых конкретных деталей. Данный исследователь также сопоставляет списки краткой редакции Московской повести о присоединении Пскова к Москве и указывает на то, что разночтения между ними минимальны и затрагивают только незначительные детали и лексику.

Большее значение для исследования поэтики интересующих нас текстов имеют работы Н.В. Трофимовой, которая проанализировала некоторые древнерусские произведения о присоединении Северо-Западных земель в контексте эволюции жанра воинской повести[74].

Е.Л. Конявская при изучении Новгородской Большаковской летописи XVI в.указала на то, что в ней содержатся тексты, посвященные новгородским походам Ивана III (в том числе повествование о походе 1475-1476 гг., близкое сообщению об этих событиях в Новгородской летописи Дубровского), а также особая повесть о Псковском взятии[75]. Она отметила, что в этом произведении есть текстуальные совпадения с «Повестью о Псковском взятии» в Псковской I летописи и повестью «Взятие Псковское» в рукописных сборниках Тих.373 и Писк.183, а также охарактеризовала ее идеологическую направленность[76].

А.Е. Жуков проследил историю текста Московской повести о присоединении Пскова к Москве и пришел к выводу, что ее древнейшем списком

---

[74] См.: Трофимова Н.В. Поэтика воинского повествования. М.: МПГУ, 2017; Трофимова Н.В. Поэтика и эволюция жанра древнерусской воинской повести: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. М., 2002.

[75] См.: Конявская Е.Л. Новгородская летопись XVI в. из собрания Т.Ф. Большакова // Новгородский исторический сборник. Новгород, 2005. Вып. 10 (20). С. 322–383; Конявская Е.Л. Эпоха Ивана III в Новгородской Большаковской летописи XVI в. // Труды Кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. 1 : (Материалы международной научной конференции «Иван III и проблемы российской государственности: к 500-летию со дня смерти Ивана III (1505–2005)», 25–26 ноября 2005 г.). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета (СПбГУ), 2006. С. 76–86.

[76] См.: Конявская Е.Л. Новгородская летопись XVI в. из собрания Т.Ф. Большакова // Новгородский исторический сборник. Новгород, 2005. Вып. 10 (20). С. 336.

является Медоварцевский список (БАН. Архангельское собр. Д. 193)[77]. В приложении к своей статье он впервые опубликовал Московскую повесть о присоединении Пскова к Москве по этому списку.

Отметим, что зарубежные исследователи также обращались к проблеме присоединения Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому. В качестве примера можно привести монографию немецкого историка Г. Пикхана, посвященную социально-политической истории Пскова[78]. В главе о падении Пскова ученый, опираясь на работу Н.Н. Масленниковой, противопоставляет псковскую и московскую версию событий 1509–1510 гг.

Таким образом, произведения о присоединении Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому использовались большинством ученых в качестве источников по истории Новгорода и Пскова, а также по истории формирования единого государства с центром в Москве. К настоящему моменту не исследованы идеология и стиль всего комплекса древнерусских произведений о включении Новгородской и Псковской земель в состав Московского государства. В научной литературе есть только отдельные замечания, затрагивающие эти аспекты, но цельной картины не представлено. Можно отметить недостаточность историко-литературного исследования указанного комплекса произведений, уточнения также требуют некоторые вопросы текстологии повестей о новгородских походах Ивана III и о псковском взятии.

---

[77] См.: Жуков А.Е. К истории текста Московской повести о присоединении Пскова // Novogardia. 2019. № 4. С. 393–419.

[78] См.: Pickhan G. Gospodin Pskov. Entstehung und Entwicklung eines städtischen Herrschaftszentrums in Altrussland // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 47. Berlin, 1992.

1.2. Методология исследования комплекса древнерусских произведений о присоединении Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому[79]

В данной работе древнерусские произведения о присоединении Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому рассматриваются как единый комплекс, при принятии данного концептуального решения мы опирались на следующие основания исторического и историко-литературного характера:

1) Новгород и Псков отличались по своему политическому устройству от других русских городов того времени (в частности наличием такого политического института, как вече), что позволяет исследователям говорить об их «республиканском строе» и рассматривать Новгород и Псков в контексте западноевропейских городских коммун[80]. Указанная специфика социально-политической системы данных городов была существенно изменена в результате включения Новгородской и Псковской земель в состав Московского государства. Символом этих коренных изменений стало снятие вечевого колокола, что отразилось в летописях XV – XVI вв.[81];

---

[79] При написании данного параграфа были использованыследующие работы автора: Демичева Н.А. Произведения о новгородских походах Ивана III (к вопросу о функциях летописания) // Человек и общество в противоречиях и согласии: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции (19 ноября 2015 г.). Н. Новгород: Гладкова О.В., 2015. С. 29–33; Демичева Н.А. Древнерусские произведения о присоединении Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому: к вопросу о влиянии места создания произведения на его содержание // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4 (83). С. 309–311; Демичева Н.А. Циклизация древнерусских произведений о присоединении Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому в рукописных сборниках XVI – XVII вв. // Вестник славянских культур. Т. 58. 2020 (в печати).

[80] См., например: Вовин А.А. Эволюция политических институтов Пскова в XIV – XV вв.: автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб, 2014; Лукин П.В. Вече в социально-политической системе Средневекового Новгород: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2014; Mumenthaler R. Spätmittelalterliche Städte West- und Osteuropas im Vergleich: Versuch einer verfassungsgeschichtlichen Typologie // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 46. 1998. S. 39–68.

[81] См., например, следующие фрагменты летописных текстов: «… колоколъ же вечный повелѣ спустити и на Москву отсла…, на Новѣгородѣ посади своихъ намѣстниковъ и учини его, якоже прочіи его градове, а на Заволочьскоую землю и Двинскую посла своихъ же намѣстниковь»

2) События 1471–1478 гг. и 1509–1510 гг. нашли отражение как в великокняжеском летописании (Московский свод конца XV в., Никоновская летопись, Лицевой летописный свод и др.), так и в местном летописании пострадавших земель, которое на момент создания текстов, посвященных присоединению Новгородской и Псковской земель, сохраняло свою специфику и независимость от великокняжеского летописания (Строевский и Синодальный списки Новгородской IV летописи, Псковская I и Псковская III летописи). Произведения о присоединении Новгородской и Псковской земель к Московскому государству целесообразно классифицировать по идеологическому принципу – в соответствии с точками зрения авторов/редакторов текстов. При этом в обоих случаях выделяются произведения, отражающие московскую точку зрения на события, и произведения, отражающие точку зрения присоединенной земли. Так, на включение Новгородской земли в состав Московского государства можно выделить московскую, новгородскую и псковскую точки зрения; на включение Псковской земли в состав Московского государства – московскую и псковскую точки зрения (имеется также некоторое количество кратких летописных записей о событиях 1509–1510 гг., в которых точка зрения автора/редактора не маркирована);

3) При присоединении Новгородской и Псковской земель к Московскому княжеству использовались схожие механизмы великокняжеской политики, в том числе постепенное усиление влияния московских князей на политическую жизнь Пскова, последовательное именование московской стороной Новгорода и Пскова при переговорах «отчинами» московского князя, военные походы на Новгород и Псков, снятие вечевого колокола как символа «республиканского строя», переселение из Новгорода и Пскова знатных семей и перевод на их место

(Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. Петроград: 2-я Государственная типография, 1921. С. 196; «...а колоколъ ихъ вѣчной къ Москвѣ же отослалъ, а во Псковѣ оставилъ два намѣстника Григорья Федоровича да Ивана Андрѣевича Челяднина…» (Львовская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XX. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 383). При передаче древнерусского текста в настоящей работе используется упрощенная орфография: «ѡ» меняется на «о», «ѫ» – на «у», «ѧ» – на «я», «ξ» – на «кс», «ψ» – на «пс», «θ» – на «ф»; надстрочные знаки не передаются.

служилых людей и торговцев из других земель[82]. Схожие политические ситуации описываются в средневековых текстах схожим образом, в связи с этим в них обнаруживаются общие художественные приемы. Это особенно заметно при сопоставлении московских текстов о присоединении Новгородской и Псковской земель к Московскому княжеству, в которых легитимизируются действия великих московских князей посредством изображения их как набожных, миролюбивых, не желающих проливать кровь, употребления по отношению к ним положительных эпитетов, акцентирования внимания на внутриполитической борьбе в присоединяемых землях, создания негативного образа новгородцев и псковичей как политических преступников;

4) Схожесть двух событий (присоединение Новгородской и Псковской земель к Великому княжеству Московскому) и их отнесенность к единому историко-политическому процессу осознавалась некоторыми древнерусскими книжниками. Так, в рукописных сборниках ГПНТБ СО РАН. Собр. Тихомирова. № 373 (далее – Тих.373) и ОР РГБ. Ф. 228. Собр. Пискарева. № 183 (далее – Писк.183) зафиксирован цикл из повестей «О взятии Великого Новаграда» и «Взятие Псковское».

Проблематика, текстология и стиль древнерусских произведений о присоединении Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому представляет собой сложный объект исследования, в связи с чем необходимо применение комплексного подхода к его изучению. Это вполне соответствует современному этапу развития гуманитарных дисциплин, для которого характерны междисциплинарность и интеграция методов различных наук.

---

[82] См., например: Борисов Н.С. Псковская политика Василия Темного // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV – XVI вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства: сб. тр. междунар. научной конференции, 19–20 мая 2010 г. Псковский гос. пед. ун-т им. С.М. Кирова; Европейский ун-т в С.-Петербурге. Псков: обл. тип., 2011. С. 95–113; Кром М.М. Рождение государства: Московская Русь XV – XVI веков. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 80-83; Кром М.М. Статус Пскова в системе великого княжения Владимирского XV-начале XVI в. (к вопросу о суверенитете русского средневекового города) // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV – XVI вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства: сб. тр. междунар. научной конференции, 19 – 20 мая 2010 г. Псковский гос. пед. ун-т им. С.М. Кирова; Европейский ун-т в С.-Петербурге. Псков: обл. тип., 2011. С. 114–125.

При исследовании древнерусских произведений о присоединении Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому, по нашему убеждению, должен использоваться **герменевтический метод**, так как необходимо истолкование и интерпретация текстов столь отдаленной эпохи. Для адекватного истолкования текста важно не только понимать его лексико-грамматическую и синтаксическую структуру, особенности семантики слов и конструкций в соответствующий период, но и привлекать широкий общественно-политический, социо-культурный и историко-литературный контексты. В связи с этим следует учитывать достижения в изучении средневековой ментальности, специфики авторского самосознания древнерусских книжников[83].

На наш взгляд, важно также опираться на ряд герменевтических правил, предложенных А.М. Ранчиным, среди которых приоритет религиозной трактовки текста; определение значения мотива, образа, сюжета и т.д. по их функции в тексте; базирование предполагаемой интерпретации на характеристиках текста как целого, а не его отдельных структурных элементов; использование при интерпретации иных текстов, составляющих смысловое окружение анализируемого текста, в качестве кодов, семантических ключей[84].

Применение герменевтического метода необходимо для анализа проблематики текстов о включении Северо-Западных земель в состав Московского государства. Проблематика в широком значении представляет собой совокупность проблем – «сложных теоретических или практических вопросов, требующих решения, исследования»[85]. Под проблемой в литературоведении понимается «…качество литературного произведения, его содержания и

---

[83] См., например: Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984; Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004; Иванайнен О.В. «Азъ» летописца в «Повести временных лет», его варианты и способы выражения // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2014. Сб. 16–17. С. 389–582; Конявская Е.Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.). М.: Языки русской культуры, 2000.

[84] См.: Ранчин А.М. К герменевтике древнерусской словесности // Вертоград златословный. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 11–23.

[85] См: Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. III. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

образного мира, выделение какого-то аспекта, акцент на нем, интерес, во многом определяющий тип читательского восприятия, разрешающийся по мере развертывания произведения»[86]. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» под редакцией А.Н. Николюкина акцентируется внимание на том, что «проблемность возникает, когда есть возможность выбора, различного толкования одного и того же предмета»[87]. Таким образом, в рамках нашего исследования мы понимаем проблематику как комплекс идей и установок, отношение автора/редактора к предмету изображения (событию, личности, институту и т.д.), коммуникативную цель создателя произведения, выраженные в композиционной, образной, стилистической структуре текста.

В связи с анализом проблематики текста важен идеологический аспект. Оговоримся, что под идеологией понимается система взглядов, идей и ценностей, характеризующая отношение человека или группы людей к действительности[88]. Понятие «идеология» часто связывается с ситуацией политической борьбы: идеология используется представителями той или иной политической группировки «… для критики или оправдания некоторой институциональной модели…»[89]. В литературном произведении могут отражаться идеи и представления той среды, в которой оно было создано и функционировало. Кроме того, авторы и редакторы нередко намеренно изображают события с определенной точки зрения, чтобы сформировать мнение читателей (современников и потомков) о тех или иных явлениях.

По наблюдениям медиевистов, для летописания XIV – XVI веков большое значение имеет идеологическая борьба между Москвой и другими русскими землями, с чем связаны кардинальные отличия в отражении одних и тех же

---

[86] Кормилов С.И. Проблема // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2001. Стб. 810–811.
[87] Там же. Стб. 811.
[88] См.: Большой толковый словарь русского языка / Сост и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000; Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: «Советская энциклопедия»; СПб.: Фонд «Ленинградская галерея», 1993.
[89] Аршин К.В., Павлов А.В. Идеология // Новая Российская энциклопедия: В 12 т. Т. 6 (2). М.: ООО «Издательство «Энциклопедия»; ИД «ИНФРА-М», 2010. С. 175.

событий в разных летописных сводах[90]. В данном контексте наиболее значима с методологической точки зрения монография Я.С. Лурье «Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства»[91]. В указанной работе рассматриваются показания различных летописей об одних и тех же событиях, затем на основе текстологического анализа, разбора идеологии летописных сводов, сопоставления с другими историческими источниками реконструируются факты и представляется картина исторических событий. Особое внимание исследователь Я.С. Лурье изучению летописей как памятников общественной мысли.

Важные наблюдения в связи с идеологией летописных сводов соответствующего периода были сделаны также Д.С. Лихачевым и А.Н. Насоновым. Д.С. Лихачев подробно анализирует общественно-политическую ситуацию в Новгороде второй половины XV в., когда произошло разделение новгородцев на две партии: московскую и литовскую. Московская партия выступала за то, чтобы Новгород подчинился Ивану III и вошел в состав Московского государства. Представители литовской партии намеревались дать отпор притязаниям великого московского князя и путем союза с литовским королем Казимиром отстоять свою независимость. С этой ситуацией Д.С. Лихачев связывает противоречия внутри новгородского летописания[92].

А.Н. Насонов, также рассматривая развитие летописания в тесной связи с общественно-политической обстановкой, выявляет смысловые противоречия при изложении одних и тех же событий второй половины XV в. в великокняжеских и митрополичьих летописях.

---

[90] См.: Лихачев Д.С. Идеологическая борьба Москвы и Новгорода в XIV – XV веках // Исторический журнал. 1941. № 6. С. 43–56; Лурье Я.С. Из истории русского летописания конца XV века // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 11. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 156–186.

[91] См.: Лурье Я.С. Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 1994.

[92] По мнению Д.С. Лихачева, «…летопись велась по инициативе представителей обеих враждующих партий, дополнявших и расширявших списки, начатые их предшественниками» (Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1947. С. 318).

В.И. Корецкий акцентирует внимание на том, что несмотря на наличие централизаторских тенденций в русском летописании в XVI в., в этот период сохраняется и неофициальное летописание, которое особенно активно развивается во время опричнины[93].

При анализе древнерусских текстов XV – XVI вв. необходимо также учитывать историософские концепции и идеи, существовавшие в это время. Как уже ранее отмечалось, в данный период происходил сложный процесс в политической жизни Древней Руси, одной из тенденций которого являлась тенденция к централизации, объединению русских земель под властью Москвы. Кроме того, в этот период Русское государство стремилось укрепить свои позиции на международной арене, в связи с этим важна была идея сильного единого государства, подчиненного московскому князю[94]. Показательным являлось изменение титулатуры великих московских князей в дипломатической переписке: например, в 1493 году в грамоте к литовскому князю Иван III уже был назван государем «всея Русии»[95]. Интересным является использование понятия «отчина (вотчина)» применительно к независимым землям (например, в московских летописях XV – XVI вв. это слово применялось к Новгородской и Псковской землям еще до момента их присоединения к Великому княжеству Московскому).

Важным является также представление о великом московском князе как защитнике православия и о Москве как новом православном центре. Это представление отразилось в том числе в знаменитой концепции псковского старца Филофея и некоторых сочинениях Иосифа Волоцкого[96].

---

[93] См.: Корецкий В.И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М.: Наука, 1986.

[94] По наблюдениям Е.Л. Конявской, многие идеологические и стилистические тенденции московской книжности в период централизованного государства воплотились ранее в тверской литературе XIV-XV вв. (См.: Конявская Е.Л. Очерки по истории тверской литературы XIV – XV в. М.: Свой круг, 2007).

[95] См.: Лихачев Д. С. К вопросу о теории Русского государства в конце XV и в XVI в. // Исторический журнал. № 7–8. 1944. С. 36.

[96] См.: Кром М.М. Рождение государства: Московская Русь XV – XVI веков. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 191–198.

Отметим, что включение Северо-Западных земель в состав Московского государства вызвало особый резонанс у современников, так как положило конец существованию «республиканского» устройства Новгородской и Псковской земель. Отличия в трактовке именно этих событий в летописях XV – XVII вв. наиболее заметны и интересны для исследования. Отношение к событиям 1471–1478 гг. и 1509–1510 гг. определяется местом создания текстов, политической позицией их авторов и редакторов и социально-политической ситуацией в момент написания произведений.

При этом необходимо учитывать, что летописи представляют собой многослойный конструкт, переработанный из различных источников. В основе дошедших до нас списков летописей нередко можно вычленить более ранние летописные своды, положенные в их основу. По этой причине не стоит при анализе влияния места создания произведения на его содержание опираться только на место составления той или иной летописи, необходимо учитывать сложную историю текста изучаемых памятников. Например, источниками Новгородской летописи Дубровского являются как новгородское, так и московское великокняжеское летописание. С.Н. Азбелев видит в составителе свода 1539 г., лежащего в основе данной летописи, сторонника присоединения Новгородской земли к Великому княжеству Московскому[97].

Напомним также, что тексты могут быть созданы в одно месте, однако при этом отражать различные точки зрения на одно и то же событие, что обосновывается влиянием разных политических группировок, особенностями позиции конкретного автора/создателя произведения. В качестве примеров можно привести противоречия внутри новгородского летописания, о которых говорилось ранее, а также неоднородность псковской точки зрения на покорение Пскова. Так, если в рассказе о присоединении Пскова к Москве в Псковской III летописи отражена точка зрения псковского боярства, оппозиционного к московской власти, резко критикуются действия Василия III, по в «Повести о Псковском

[97] См.: Азбелев С.Н. Две редакции новгородской летописи Дубровского // Новгородский исторический сборник. Вып. 9. Новгород, 1959. С. 220.

взятии» в Псковской I летописи к великому московскому князю выражено более лояльное отношение.

Обратим внимание на проблему точки зрения в литературных произведениях. Под точкой зрения обычно понимается определенный взгляд на какое-либо явление, отношение к нему[98]. В литературоведении это понятие связывалось со структурой нарратива, отношением повествователя к изображаемому[99]. Наиболее интересна концепция Б.А. Успенского, который рассматривал точку зрения в нескольких аспектах: в плане оценки (идеологии), в плане фразеологии, в плане пространственно-временной характеристики, а также в плане психологии[100]. Важным являются предложенные этим ученым способы анализа взаимоотношения точек зрения на разных уровнях.

В рамках нашего исследования мы стремимся установить отношение автора/редактора к описываемым событиям, которое выражено в тексте. При этом анализируются сюжетные элементы, композиционная и образная структура, пространственно-временная организация, языковые средства. Интерес в первую очередь представляют оценочные номинации и характеристики, религиозный контекст. В некоторых случаях автор может эксплицировать свою сопричастность той или иной стороне. Показательным примером является последовательное использование в повести «О брани на Новгород» по отношению к московским войскам притяжательного местоимения «наши».

Однако значимыми оказываются и менее очевидные вещи. Например, в московских текстах о включении Северо-Западных земель в состав Московского государства в отличие от других больше внимания уделяется описанию передвижения в пространстве великих московских князей и московских войск:

---

[98] См.: Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. I. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, АСТ, 2008.

[99] См.: Толмачев В.М. Точка зрения // Современное зарубежное литературоведение. Концепции. Школы. Термины / Под. ред. И.П. Ильина, Е.А. Цургановой. Энциклопедический справочник. М., 1996. С. 154–157; Харитонов О.А. Проблема точки зрения в отечественном и зарубежном литературоведении // ФИЛОLOGOS. 2014. № 23 (4). С. 72–77.

[100] См.: Успенский Б.А. Поэтика композиции: структура художественного текста и типология композиционной формы. М.: Искусство, 1970.

фиксируется большее количество географических пунктов, в которых они останавливаются; после окончания походов указывается на то, что великие московские князья покидают захваченные города и возвращаются назад в Москву. Вероятно, эта особенность московских текстов обусловлена восприятием пространства книжниками, находящимися в Москве: для них естественным завершением повествования о военном походе великого московского князя является описание его возвращения с победой в Москву. В совокупности с другими факторами такая композиционная и пространственно-временная организация текста указывает на симпатию автора/редактора к московской стороне в конфликте.

После выявления отношения авторов/редакторов текстов к присоединению Северо-Западных земель к Великому княжеству Московского, мы группируем их на основании общей идеологической направленности, отмечая в то же время индивидуальные особенности каждого текста. Таким образом, мы выделяем три точки зрения на присоединение Новгородской земли в 1471–1478 гг.: московскую, новгородскую и псковскую. На присоединение Псковской земли к Великому княжеству Московскому в 1510 г. предлагаем выделить московскую и псковскую точки зрения, а также группу летописных текстов с немаркированной точкой зрения.

Важным также является понимание коммуникативной цели автора того или иного текста (для чего создается, переписывается и редактируется произведение, помещается в тот или иной контекст, какие задачи стоят перед книжником).

Необходимо учитывать, что в Древней Руси письменный текст обладал особым статусом и авторитетом. Летописи играли немаловажную роль в жизни средневекового общества. Многие исследовали воспринимали их не только как форму накопления знаний о событиях, но и обращали внимание на их политическую[101] и юридическую[102] функции. Летопись могла служить

---

[101] См.: Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908; Приселков М.Д. История русского летописания XI – XV вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996.

источником прецедентов для участников политического процесса[103]. Это говорит о высоком статусе летописи и высокой степени доверия древнерусских читателей к содержащейся в ней информации. Мы считаем, что летописание периода собирания русских земель не только отражало идеологическую борьбу, но и являлось своеобразным информационным оружием. Анализ московского летописания XV – XVII вв. привел нас к выводу, что одной из задач летописцев являлась легитимизация действий московских князей, связанных с насильственным присоединением Северо-Западных земель к Москве. Составители сводов для этого разрабатывают политическую, юридическую и религиозную аргументацию.

Так как произведения о присоединении Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому находятся в рамках летописей и рукописных сборников, которые постоянно переписывались и редактировались, целесообразно использовать источниковедческие и текстологические приемы.

Особенных успехов в изучении русского летописания добился А.А. Шахматов, заложивший основы современного **текстологического подхода** к исследованию летописей. Он рассматривал текстологию не как прикладную, а как самостоятельную научную дисциплину.

Важно учитывать, что А.А. Шахматов не только занимался изучением летописания, но и был выдающимся лингвистом. Его научная деятельность в области лингвистики во многом оказала влияние на формирование его подхода к изучению летописей. Как справедливо отметила В.Г. Вовина-Лебедева[104], А.А. Шахматов использовал применительно к летописям методы сравнительно-исторического языкознания. Как историк языка сравнивает данные родственных языков и реконструирует формы некоего общего праязыка, так и исследователь

---

[102] См.: Гимон Т.В. Для чего писались русские летописи? // Журнал «ФИПП». 1998. № 1 (2). С. 8–16.
[103] См. Там же. С. 10–11.
[104] См.: Вовина-Лебедева В.Г. Школы и исследования русских летописей: XIX – XX вв. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2011. С. 184-210.

летописей сопоставляет все списки и реконструирует летописный свод, который был источником данных списков.

А.А. Шахматов выявлял одинаковые части в летописях и скрупулезно сравнивал их, отмечая все разночтения. Далее исследователь анализировал и классифицировал разночтения. На основе данного анализа он выявлял все списки, в которых разночтения совпадают, и делал вывод, что у этих списков был один общий источник – протограф. Важно понимать, что этот протограф (летописный свод) является не объектом действительности, а продуктом реконструкции А.А. Шахматова.

Методика, разработанная А.А. Шахматовым, позволяла ему по поздним спискам XIV – XVI вв. восстанавливать летописные своды XI – XII вв. На базе сравнительного изучения летописей ученый создает своего рода схему происхождения и развития летописания.

Первые серьезные шаги в изучении русского летописания XV – XVI вв. сделал А.А. Шахматов в своем незаконченном труде, названном позднее при посмертной публикации «Обозрение русских летописных сводов XIV – XVI вв.»[105]. Отметим, что данная тема входила в сферу интересов текстолога постольку, поскольку в составе многих летописных сводов XV – XVI вв. находится Повесть временных лет.

А.А. Шахматов, как и при изучении раннего летописания, применяет свой сравнительно-исторический метод и пытается восстановить историю летописных сводов. Однако его реконструкции сводов XV – XVI вв. являются более аргументированными и доказательными. Дело в том, что от этого периода сохранилось больше списков, чем от раннего летописания, поэтому Шахматов обладал большим количеством материала для сравнительного анализа. Одним из самых ярких открытий данного текстолога является обнаружение московского свода 1479 г. Сначала исследователь логически доказал существование данного свода, пользуясь разработанным им методом, а затем нашел реальный список

[105] См.: Шахматов А.А. Обозрение русских летописных сводов XIV – XVI вв. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1938.

этого свода, подтверждающий верность его гипотезы. Эта ситуация показывает эффективность приемов исследования летописания, предложенных Шахматовым.

У Шахматова было большое количество учеников и последователей: М.Д. Приселков, В.А. Пархоменко, Е.Ю. Перфецкий и т.д. Наиболее яркой фигурой в этом ряду являлся М.Д. Приселков, который много времени и усилий посвятил конкретизации и дополнению шахматовской картины русского летописания. Он сделал важные открытия, связанные с историей летописных сводов XIV – XV вв., в том числе отметил важнейшую черту русского летописания – существование двух линий летописания (митрополичьей и великокняжеской).

Кроме того, большинство исследователей летописей в той или иной мере используют методы Шахматова и опираются на его выводы. Среди них такие крупные ученые, как А.Н. Насонов, Д.С. Лихачев и Я.С. Лурье. Они развивали идеи Шахматова о форме бытования летописей в сводах – «огромных компиляциях предшествующих летописей»[106], а также о большой роли идеологической концепции создателей этих сводов.

А.Н. Насонов систематизировал свои наблюдения над русскими летописями и сформулировал свой основной принцип их изучения, подчеркивая неразрывную связь между анализом идейной составляющей и рассмотрением формальных данных [107].

Большое значение имеет работа историка Б.М. Клосса «Никоновский свод и русские летописи XVI – XVII веков»[108], в которой проводится текстологический анализ одной из важнейших летописей XV в., которая оказала серьезное влияние на последующее летописание. Интересно, что ученый не ограничивается изучением источников, списков и редакций Никоновской летописи, а рассматривает ее в широком историко-культурном контексте. Он характеризует

---

[106] Лихачев Д.С. Текстология (на материале русской литературы X – XVII вв.) СПб.: Алетейя, 2001. С. 350.

[107] Данный принцип сформулирован исследователем следующим образом: «…не отрывать изучение идейной стороны, целенаправленности источников от данных «формального» (в широком смысле) анализа текстов» (Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. М.: Наука, 1969. С. 500).

[108] Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI – XVII веков. М.: Наука, 1980.

книгописную мастерскую, где происходило оформление свода, личности его создателя и редакторов, прослеживает судьбу свода в тесной связи с летописанием XVI – XVII вв.

В своей работе мы опираемся как на методологические достижения указанных исследователей, так и на их выводы об истории текста конкретных летописей. Древнерусские произведения о присоединении Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому рассматриваются в контексте летописей и реконструируемых предшественниками летописных сводов, прослеживаются взаимосвязи между текстами (существование произведения в различных вариантах и редакциях, текстуальные заимствования и т.д.). При анализе текстов в рукописных сборников учитывается состав сборников, рассматривается «литературный конвой». При этом текстологический метод используется нами не автономно, а в тесной связи с другими методами и приемами исследования.

Для произведений об актуальных политических событиях (в частности о присоединении Новгородской и Псковской земель к Великому княжеству Московскому) большое значение имеет связь плана содержания и плана выражения. Система изобразительных средств подчинена тем идеям, которые стремился донести автор (или редактор). По этой причине целесообразно использовать также **историко-литературный подход**, имеющий длительную историю.

Историко-литературное изучение русского летописания начинается с середины XIX века. М.И. Сухомлинов впервые рассмотрел летопись как литературное произведение[109]. Данный филолог обратил внимание на ее структуру. Он отметил, что русские летописи схожи со средневековыми анналами Западной Европы погодным изложением событий, наличием «пустых лет», а также тематикой. М.И. Сухомлинов предположил, что это сходство обусловлено общим происхождением летописей и анналов из пасхальных таблиц.

---

[109] См.: Сухомлинов М.И. О древней русской летописи как памятнике литературном. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1856.

М.И. Сухомлинов также коснулся некоторых вопросов, связанных с художественными особенностями Повести временных лет. Он обращает внимание на эпическую природу летописи и «народную речь», с помощью которой передаются диалоги князей и дружинников. Также он акцентирует внимание на обилии библейских образов и отсылок к Священному Писанию в Повести временных лет.

После труда Сухомлина летописи долгое время не привлекали пристального внимания литературоведов. Только с 30-х гг. XX века появляются новые историко-литературные исследования, посвященные летописанию. В это время создается Отдел древнерусской литературы Пушкинского дома, который становится крупнейшим центром изучения древнерусской словесности.

Одним из крупных специалистов по летописанию того времени являлся В.Л. Комарович. Он выступил одним из авторов академического издания «Истории русской литературы», подготовленного Отделом древнерусской литературы[110]. Особенностью взгляда В.Л. Комаровича на древнерусского летописание было то, что он воспринимал древнерусские княжества как разные литературные и культурные центры. Данный филолог делал замечания, касающиеся стиля летописных текстов, художественных средств, образной и мотивной структуры.

Огромный вклад в изучение русского летописания внес Д.С. Лихачев. Он исследовал летописи как литературное явление, привлекая широкий культурный контекст. В своей работе «Русские летописи и их культурно-историческое значение» он трактует летопись «… как жанр – жанр развивающийся и изменяющийся»[111]. Лихачев во многих своих работах отмечал также сложное устройство летописи, которая включает в себя множество жанров: сказание, повесть, житие, хожение и т.д. Ученый проследил литературную эволюцию этого

---

[110] В частности В.Л. Комарович принимал участие в написании глав о Повести временных лет, областных летописных сводах XI – XIII, областной литературе периода феодальной раздробленности (1220–1370), литературе времени объединения северо-восточной Руси (1380–1460 гг.), литературе времени образования Русского государства (1460–1530-е гг.).

[111] Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л. Издательство Академии наук СССР, 1947. С. 4.

«жанра-ансамбля», что ранее до него не делалось. При этом, он подчеркивал, что история развития русского летописания тесно связана с политической и культурной истории Руси.

Характеризуя летописание общерусское летописание XIV – XV вв., которое велось в Москве, Д.С. Лихачев справедливо отмечает, что таким образом Москва «… возрождает традиции общерусского киевского летописания…»[112], внедряя таким образом в сознание читателей идею единства Руси. По концепции исследователя, в XVI в. летопись имеет строго официальный характер, при этом утрачивая свое государственное значение. Именно в этот момент, как считает Лихачев, летопись в большей мере приобретает черты чисто литературного произведения. Обратим внимание на то, что исследователь при анализе летописных сводов и отдельных летописных повестей привлекал обширные знания по культуре Древней Руси, сопоставлял их с явлениями в иконописи и архитектуре. Он также вписывал эволюцию жанра летописи в разработанную им концепцию стилей и жанров[113].

Еще один известный филолог И.П. Еремин в то же время, что и Д.С. Лихачев, занимался изучением русского летописания с литературоведческой точки зрения[114]. В отличие от Д.С. Лихачева, он отказывался от проведения предварительного текстологического исследования Повести временных лет. По его мнению, необходимо провести анализ художественной структуры реально дошедшего до нас текста, а не реконструкции. Ключевой особенностью Повести временных лет И.П. Еремин считал ее фрагментарность и противоречивость связанными с погодным принципом изложения[115]. Он выделял также две

---

[112] Там же. С. 422.

[113] См.: Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X – XVII веков. Эпохи и стили. Л.: Наука, 1973; Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М.: Наука, 1979.

[114] См.: Еремин И.П. «Повесть временных лет» как памятник литературы // Литература Древней Руси (этюда и характеристики). М., Л.: Наука, 1966; Еремин И.П. Киевская летопись как памятник литературы // Литература Древней Руси (этюда и характеристики). М., Л.: Наука, 1966; Еремин И.П. Волынская летопись 1289–1290 гг. как памятник литературы // Литература Древней Руси (этюда и характеристики). М., Л.: Наука, 1966.

[115] И.П. Еремин объясняет это свойство следующим образом: «Фрагмент для летописца – единица повествования, подлежащая оценке независимо от того ряда, из которого он, этот фрагмент, «изъят», – оценке всегда, именно поэтому, однолинейной: или положительной –

традиции, определившие стилистический строй летописи: народно-эпическая и агиографическая. Исследователь приводит примеры эпитетов, мотивов и сюжетных элементов, характерные для каждой из этих традиций.

Интересен подход к изучению летописания современного филолога А.А. Пауткина[116]. Он разрабатывает тематическую поэтику, основной принцип которой заключается в том, что тема влечет за собой определенные стилистические приемы. Тематика произведения выступает, по представлению исследователя, в древнерусской литературе в качестве стиле- и жанрообразующего фактора. А.А. Пауткин анализирует комплексы традиционных формул, мотивов, сравнений и других художественных средств, которые используются летописцами при затрагивании той или иной темы. Такой подход к исследованию древнерусских произведений воплотился также в концепции аналитического пособия, написанного преподавателями МГУ и научными сотрудниками ИМЛИ[117].

В рамках нашей работы при изучении древнерусских произведений о присоединении Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому использовались приемы исторической и тематической поэтики, рассматривалась композиционная, стилистическая, образная структура этих текстов. Особое внимание уделялось рассмотрению оценочных эпитетов и сравнений, топики, параллелей с другими древнерусскими текстами, при этом учитывалась специфика летописей и рукописных сборников как обобщающих жанров.

При этом мы старались выявлять цитаты и анализировать их функции, что является одной из актуальных задач современной медиевистики[118]. В

только, или отрицательной» (Еремин И.П. «Повесть временных лет» как памятник литературы // Литература Древней Руси (этюда и характеристики). М., Л.: Наука, 1966. С. 75–76).

[116] См.: Пауткин А.А. Беседы с летописцем: Поэтика раннего русского летописания. М.: Издательство МГУ, 2002; Пауткин А.А. Древнерусские летописи XI – XIII вв.: вопросы поэтики: дис. ... д-ра. филолог. наук: 10.01.01. М., 2003.

[117] См.: История древнерусской литературы: аналитическое пособие / отв. ред. А.С. Демин. М.: Языки славянских культур, 2008.

[118] См.: Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М.: Знак, 2003; Гардзанити М. Библейские цитаты в литературе Slavia Orthodoxa // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. LVIII. СПб., 2007. С. 28–41; Кузьмина М.К. Функции библейских цитат в древнерусских преподобнических житиях XV–XVII вв.: дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.01. М., 2015.

произведениях, написанных на острополитические темы, использование библейских цитат – один из важнейших риторических и художественных приемов для придания точке зрения автора убедительности и авторитетности.

При анализе древнерусских произведений о присоединении Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому мы столкнулись с рядом теоретико-литературных и историко-литературных проблемных вопросов. В частности возникла проблема целесообразности жанрового подхода к материалу[119]. На наш взгляд, следует относиться к категории жанра с определенной долей критичности. Поскольку в древнерусский период практически отсутствовали нормативные поэтики, сами книжники не мыслили жанрами, ориентировались на четко установленные структурные схемы и набор характерных черт лишь в редких случаях, то жанры применительно к словесности данного периода, как нам кажется, представляют собой в большей мере исследовательский конструкт. При этом категория жанра является довольно удобным инструментом для анализа древнерусского текста, посредством которого исследуемый текст можно соотнести с группами иных текстов на основании общих черт и особенностей, выявляя при этом свойства, которые менее заметны, если рассматривать этот текст изолированно.

Анализируемые в работе тексты представляют собой нарративные произведения: в них излагаются некоторые события, выполняются условия «фактичности изменения в рамках фиктивного мира»; «результативности изменения, образующего событие»[120]. Большую часть произведений о присоединении Новгородской и Псковской земель можно охарактеризовать как исторические повести и летописные рассказы. В качестве основных признаков принадлежности к жанру исторической повести медиевисты выделяют эпичность,

---

[119] См.: Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М.: Наука, 1979; Ранчин А. М. В защиту «сталиниста» Н.К. Гудзия, или Какой может и не может быть история древнерусской словесности // Новое литературное обозрение. 2003. № 59 (1). С. 571–589; Ingham N.W. Genre-Theory and Old Russian Literature // Slavic and East European Journal. 1987. Vol. 31. N.2. P. 234–245; Lenhoff G. Categories of early Russian writings // Slavic and East European Journal. 1987. Vol. 31. N.2. P.259–271; Seemann K.D. Genres and the Alterity of Old Russian Literature // Slavic and East European Journal. 1987. Vol. 31. N. 2. P. 246–258.

[120] См.: Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 12–15.

историзм событий и их участников, построение сюжета в соответствии с логико-художественным или хронологическим принципом, включение в повествование других литературных форм (видений, знамений, плачей)[121]. Как отмечает Н.В. Трофимова, «воинская повесть выделяется из круга исторических важнейшим жанрообразуюшим признаком – объектом повествования, которым служат сражение, поход, осада города»[122]. В связи с этим, в рамках данного исследования произведения о Псковском взятии нами воспринимаются как исторические, но не воинские повести, так как в них (в отличие от многих текстов, посвященных походам 1471 и 1477-1478 гг. на Новгород) отсутствует описание военных действий, боев. По отношению к текстам меньшего объема, которые являются менее эпичными, как нам кажется, можно использовать такие жанровые определения, как рассказ, погодная запись, летописная статья.

Также интересной теоретико-литературной и историко-литературной проблемой является циклизация произведений. В целом, циклизация понимается исследователями как объединение самостоятельных произведений в некое художественное целое. При этом выделяются различные определяющие свойства циклов и параметры их классификации. Так, в отечественном литературоведении существует узкое понимание цикла как ряда произведений, «...созданных одним автором и скомпонованным им в определенную последовательность»[123], так и более широкая трактовка, при которой циклами называются не только «авторские» образования, но и «неавторские» (циклы, созданные третьими лицами: издателями, редакторами, исследователями и т.д.)[124].

---

[121] См.: Прокофьев Н.И. О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI – XVI вв. // Литература Древней Руси. Вып. 1. М.: Изд-во МГПИ им. В.И.Ленина, 1975. С. 32; Трофимова Н.В. Поэтика и эволюция жанра древнерусской воинской повести: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. М., 2002. С. 12.

[122] Трофимова Н.В. Поэтика и эволюция жанра древнерусской воинской повести: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. М., 2002. С. 12-13.

[123] Ляпина Л.Е. Циклизация в русской литературе XIX века. СПб.: НИИ химии СПбГУ, 1999. С. 17.

[124] См.: Бурмистрова Ю.Д. Проблема циклообразования в русском и французском прижизненных изданиях «Стихотворений в прозе» И.С. Тургенева: дис. ... канд. филол. наук.: 10.01.01. М., 2019. С. 31, 40–46; Пепеляева И.В. Исследовательская циклизация лирики как теоретическая проблема // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 2 (18). С. 174–180.

Циклизация в древнерусской литературе в связи со спецификой бытования средневековой словесности имеет свои особенности и на данный момент мало изучена. В российской медиевистике циклами традиционно называется совокупность произведений, объединенных общей тематикой, написанных разными авторами в разное время, то есть по сути представляющие собой так называемые «исследовательские циклы» (например, Борисо-Глебский, Куликовский циклы). Среди новейших работ по древнерусской литературе, авторы которых руководствуются широким пониманием циклизации, следует отметить диссертацию О.А. Туфановой, в которой весь корпус текстов современников о Смутном времени рассматривается как макроцикл, объединенный определенными сквозными темами, идеями и мотивами. В рамках этого макроцикла выделяются микроциклы – комплексы произведений, посвященные какому-либо конкретному историческому событию в период 1598–1613 гг. или концентрирующиеся вокруг какого-либо исторического лица[125].

Однако наряду с этим имеет давнюю традицию и узкое понимание циклизации: некоторые исследователи (в том числе Д.С. Лихачев, О.Н. Бахтина) обращали внимание на важность изучения последовательности текстов, которая объективно содержится в сборниках и сводах[126], характеризуется «...единым сюжетом, повторяющимися элементами в композиции и стиле, общей связующей идеей»[127] . А.С. Демин определяет цикл как «...1) цепь отдельных законченных рассказов, 2) на однотипную тему, но о разных событиях, 3) объединенных в составе одного произведения или книги, 4) сходных мотивами, деталями,

---

[125] См.: Туфанова О.А. Древнерусские письменные памятники о Смутном времени как художественный феномен: дис. ... д-ра. филол. наук: 10.01.01. М., 2019.

[126] См.: Бахтина О.Н. О жанрообразующей роли циклизации в древнерусской литературе // Проблемы метода и жанра: сборник статей / Отв. ред. Ф.З. Канунова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. Вып. 15. С. 46–57; Лихачев Д.С. Повести о Николе Заразском // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. VII. С. 257–264; Лихачев Д.С. Текстология (на материале русской литературы X – XVII вв.) / При участии А.А. Алексеева и А.Г. Боброва. СПб.: Алетейя, 2001. С. 242–258.

[127] Бахтина О.Н. О жанрообразующей роли циклизации в древнерусской литературе // Проблемы метода и жанра: сборник статей / Отв. ред. Ф.З. Канунова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. Вып. 15. С. 47.

композицией и — главное — фразеологией. Повторами и определяется содержание цикла»[128].

В рамках этой работы мы будем называть циклом именно последовательность текстов, реально зафиксированную в сборниках или сводах, где эти тексты совместно переписывались и трансформировались, представляющую собой художественное целое, составляющие которого объединены, например, общей идеей, темой, сюжетом, персонажами, композиционными и стилистическими элементами. От таких циклов следует отличать исследовательский конструкт, созданный на основании тематического, географического, хронологического или какого-либо иного принципа; во избежание терминологической неопределенности его можно назвать совокупностью или комплексом текстов, посвященных единой тематике, созданных в указанное время, на какой-либо территории и т.д. То есть собственно цикл в нашем понимании составляют повести «О взятии Великого Новаграда» и «Взятие Псковское», зафиксированные в одной и той же последовательности в рукописных сборниках Тих.373 и Писк.183 и связанные на тематическом и идейном и текстуальном уровнях[129].

Таким образом, при изучении древнерусских произведений о присоединении Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому наиболее продуктивным является комплексное использование герменевтического, историко-литературного и текстологического методов.

---

[128] Демин А.С. Материалы для монографии о художественной эволюции древнерусской литературы // Герменевтика древнерусской литературы / Отв. ред. М. В. Первушин. М.: Российская академия наук: Ин-т мировой литературы РАН, 2014. Сб. 16–17. С. 649.

[129] См. анализ повестей «О взятии Великого Новаграда» и «Взятие Псковское» во 2 и 3 главах данной работы.

Глава 2. Присоединение Новгородской земли к Великому княжеству Московскому в русском летописании XV – XVII вв.: проблематика, текстология, стиль

2.1. Произведения о новгородском походе Ивана III 1471 г. в летописях XV – XVII вв.[130]

[130] При написании данного параграфа были использованыследующие работы автора: Демичева Н.А. Взаимодействие идеологии и поэтики (на примере «Новгородской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород») // Актуальные проблемы филологической науки: взгляд нового поколения: Материалы XX–XXI Международных конференций студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов»: Секция «Филология». М. Изд-во Моск. ун-та, 2015. Выпуск 6. С. 143–146; Демичева Н.А. Краткая повесть о новгородском походе Ивана III 1471 г. в Мазуринском летописце: проблемы идеологии и поэтики // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2017. Т. 69. № 3. С. 43–44; Демичева Н.А. Легитимизация присоединения Новгородской земли к Москве в московском летописании XV – XVI вв. // История государства и права. М., 2014. № 17. С. 16–22; Демичева Н.А. Летописное отражение новгородского похода 1471 г. в контексте новгородско-псковских отношений // Текстология и историко-литературный процесс IV Международная конференция молодых исследователей (Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 19-20 марта 2015 г.): сборник статей. М.: Буки Веди, 2016. С. 17-23; Демичева Н.А. «Новгородская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород»: идеология и поэтика // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2014» [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2014. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2014/section_26_2692.htm (дата обращения: 31.07.2020); Демичева Н.А. Образ Ионы Новгородского в агиографической и летописной традициях XV–XVI вв. // Текстология и историко-литературный процесс: V Международная конференция молодых исследователей (Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 10–12 марта 2016 г.): сборник статей. М.: Буки Веди, 2017. С. 28–36; Демичева Н.А. Образ новгородцев в древнерусских текстах, отражающих новгородский поход Ивана III 1471 г. // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2013. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2013/structure_27_2296.htm (дата обращения: 31.07.2020); Демичева Н.А. Повествования о новгородских походах Ивана III в контексте Софийской II летописи // Студенческий гений – 2014: сборник статей по материалам XII Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (22 мая 2014 г.). Н. Новгород: Гладкова О.В., 2014. С. 223–227; Демичева Н.А. Произведения о новгородском походе Ивана III 1471 г. в контексте взаимодействия литературы и политики // Текстология и историко-литературный процесс: III Международная конференция молодых исследователей (Москва, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 13–14 марта 2014 г.): сборник статей. Т. 3. М.: Лидер, 2015. С. 28–37; Демичева Н.А. Рассказ о знамениях в Новгороде как композиционная часть «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» // Труды молодых ученых: сборник статей: Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 300–303; Демичева Н.А. Специфика «Новгородской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» // Человек и общество в противоречиях и согласии: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. 1.

Новгородский поход Ивана III 1471 г. представляет собой один из ключевых этапов процесса подчинения Новгородской земли Великому княжеству Московскому. В ходе этой военной компании произошло несколько столкновений между московскими войсками и новгородским ополчением, самое крупное и значимое из которых – битва на реке Шелони 14 июля[131]. Поход 1471 г. закончился поражением новгородцев и заключением Коростынского мирного договора. В связи с тем, что указанная компания имела важное политическое значение, в летописях конца XV – начала XVII вв., а также в некоторых рукописных сборниках содержатся тексты, посвященные данным событиям и отражающие различные точки зрения: московскую, новгородскую и псковскую.

Московская точка зрения на события 1471 г. представлена в «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород», повести «О брани на Новгород», «Словесах избранных от Святых Писаний...» и Кратких промосковских повестях о походе 1471 г. Эти тексты, несмотря на различия в идеологических нюансах, имеют существенное сходство, позволяющее объединить их в одну группу: в них оправдывается новгородский поход 1471 г. Ивана III.

Наиболее распространенной в русском летописании была «Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород», которая существовала,

---

Н. Новгород: Гладкова О.В., 2013. С. 33–39; Демичева Н.А. Специфика отражения новгородского похода Ивана III 1471 г. в произведении «Словеса избранна…» // Студенческий гений – 2013: сборник статей по материалам XI Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (23 мая 2013 г.): в 2 ч. Ч. 2. Н. Новгород: Гладкова О.В., 2013. С. 35–39; Демичева Н.А. Специфика редакций «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» // Летняя школа по русской литературе. СПб., 2016. Т. 12. № 3. С. 231–240; Демичева Н.А. Художественное своеобразие повести «О брани на Новгород» // Человек и общество в противоречиях и согласии: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Н. Новгород: Гладкова О.В., 2017. С. 32–35; Демичева Н.А. Древнерусские произведения о присоединении Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому: к вопросу о влиянии места создания произведения на его содержание // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4 (83) С. 309–311.

[131] См., например: Несин М.А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2014. Т. IV. С. 464–482. URL: http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin (дата обращения: 20.02.2020).

по нашему мнению в трех редакциях. «Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 1) содержится в Симеоновской, Вологодско-Пермской, Никаноровской, Иоасафовской, Никоновской летописях, Московском своде конца XV в, Летописных сводах 1497 и 1518 гг., Летописи по Воскресенскому списку, а также в Воронцовском списке, Эрмитажном списке[132] и списке Музейного сборника.

По мнению некоторых исследователей, «Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 1) была составлена практически сразу после похода, в 1472 г., ее наиболее ранняя версия содержится в Музейном сборнике[133]. Учеными также отмечается, что близкий к нему текст имеется в Вологодско-Пермской и Никаноровской летописях, в то время как в Московском своде конца XV в. и других более поздних великокняжеских летописях представлен несколько дополненный вариант этой повести[134].

Известия с 1410 по 1493 г. в Симеоновской летописи излагаются по Московскому своду конца XV в.[135] В основу Иоасафовской летописи до 1478 г. включительно также положен Московский свод конца XV в.[136] Однако обратим внимание на то, что при изложении событий, непосредственно предшествующих 1471 г., составители Симеоновской и Иоасафовской летописи могли пользоваться и другими источниками. Например, они датируют смерть архиепископа Ионы 5 ноября, хотя в Московском своде конца XV в. (а также в списке Музейного сборника, Вологодско-Пермской, Никаноровской, Воскресенской летописях, Летописных сводах 1497 и 1518 гг.) данное событие относится к 8 ноября.

---

[132] Эрмитажный список отражает Московский свод 1479 г. (ОР РНБ. Эрмитажное собр. № 416б).

[133] См.: Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород (Подготовка текста В.П. Бударагина, перевод В.В. Колесова, комментарии Я.С. Лурье) // Библиотека литературы Древней Руси. Т.7. Вторая половина XV в. СПб.: Наука, 1999. С. 522.

[134] Там же.

[135] См.: Клосс Б.М. Предисловие с изданию 2007 г.// Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. Изд. 2-е. Симеоновская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. V.

[136] См.: Зимин А.А. Предисловие // Иоасафовская летопись / Под редакцией А.А. Зимина. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. С. 8.

Источником Никоновской летописи является Симеоновская летопись[137], которая в свою очередь в интересующей нас части восходит к Московскому своду конца XV в.

Определение источников Воскресенской летописи несколько затруднено в связи с тем, что данную летопись не получается возвести ни к одному из дошедших до нас летописных сводов[138]. Однако С.А. Левина считает одним из ее источников московский свод 1526 г., отразившийся также в Вологодско-Пермской летописи[139].

К.Н. Сербина отмечает сходство летописных статей 1418–1477 гг. в Летописном своде 1497 г. с текстом Московского свода 1479 г. и сходство сводов 1497 г. и 1518 г. до 1484 г.[140] Необходимо пояснить, что Московский свод 1479 г. – летописный свод, обнаруженный А.А. Шахматовым в Эрмитажном списке и выделенный им из Ростовской летописи[141]. Обратим внимание, что данный свод лежит в основе Московского свода конца XV в. Важно, что главным источником для Московского свода 1479 г. был Московский свод 1472 г., сохранившийся в Никаноровской и Вологодско-Пермской летописях[142].

Заметим, что «Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 1) находится уже в официальном Московском своде 1472 г. и в его составе попадает во многие летописи, отражающие московское великокняжеское летописание. Вполне закономерно, что появившаяся и функционирующая в официальном летописании повесть выражает именно

---

[137] См.: Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI – XVII веков. М.: Наука, 1980. С. 25–29.

[138] Левина С.А. Летопись Воскресенская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.2. Ч. 2. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. С. 41.

[139] См.: Там же.

[140] Сербина К.Н. Предисловие // Полное собрание русских летописей. Т. XXVIII. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1963. С. 4.

[141] См.: Шахматов А.А. Обозрение русских летописных сводов XIV – XVI вв. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1938. С. 256–283.

[142] См.: Шахматов А.А. Обозрение русских летописных сводов XIV – XVI вв. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1938. С. 256–283; Приселков М.Д. История русского летописания XI – XV вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 246–258; Лурье Я.С. Московский свод 1479 г. и его протограф // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 30. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1976. С. 95–113.

московскую точку зрения на события 1471 г. и оправдывает новгородский поход Ивана III.

Так как изучаемая нами повесть существовала не самостоятельно, а в составе летописей, необходимо оговорить ее границы. Дело в том, что издатели поместили в «Московскую повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 1) сведения, которые относятся к летописной статье 6979 г., но при этом не имеют отношения к повести о походе Ивана III: о приходе из Орды к королю Кирея; о приходе из Венеции Антона Фрязина и посла к великому князю; о повелении митрополита Филиппа подготовить камень для постройки церкви святой Богородицы; о поставлении в Перми епископа Филофея, в Новгороде архиепископа Феофила, в Рязани епископа Феодосия; о челобитье Феофила Ивану III о плененных новгородцах[143]. О.Ю. Чирейкина же правильно, на наш взгляд, считает, что данная повесть оканчивается эпизодом гибели новгородцев на озере Ильмень[144].

Однако и издатели повести, и О.Ю. Чирейкина считают началом «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 1) сообщение о смерти новгородского архиепископа Ионы. Однако, по нашему мнению, данная повесть начинается с рассказа о знамениях в Новгороде, находящегося в летописях непосредственно перед сообщением о смерти Ионы. Отметим, что рассказ о знамениях содержится почти во всех летописях, где зафиксирована «Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 1)[145]. Исключение составляет Музейный летописец, однако он представляет собой сборник разновременных летописных статей. Так,

---

[143] См.: Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород (Подготовка текста В.П. Бударагина, перевод В.В. Колесова, комментарии Я.С. Лурье) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. Вторая половина XV в. СПб.: Наука, 1999. С. 308–311.

[144] См.: Чирейкина О.Ю. Повести о присоединении Новгорода к Москве в летописях XV–XVII вв. и литературных сборниках: Дис. ... канд. филолог. наук. Барнаул, 2001. С. 19.

[145] С.Н. Азбелев указал, что рассказ о знамениях содержится также в Новгородской Уваровской летописи (См.: Азбелев С.Н. Летописание Великого Новгорода: Летописи XI – XVII веков как памятники культуры и как исторические источники. М.: НП ИД «Русская панорама»; СПб: РБИЦ «Блиц», 2016. С. 65).

перед повестью о событиях 1471 г. находится известие за 1411 г.[146] Очевидно, что в Музейном летописце находится не первоначальный текст «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород». Можно предположить, что наиболее близкий к протографу текст содержался в своде 1472 г., который отразился в большинстве великокняжеских летописей. В связи с вышесказанным следует считать отсутствие в Музейном летописце рассказа о знамениях поздней трансформацией.

Автор рассказа подчеркивает, что получил сведения непосредственно от новгородцев: «… слышахом от тамо сущих жител»[147]. Важно, что после описания знамений (буря сломала крест на Софии, на двух гробах выступила кровь, сами зазвонили колокола, заплакала икона Богородицы) говорится о разделении новгородцев на две части: одни «…бога боящеся, плакахуся о сем и бога моляху…»[148], другие «… окаменно имуще сердце, бога не боящеся, ни во что же сиа вменяху, но паче в глумление превращаху, а не ведуще своея пагубы и грядущаго на них гнѣва Божия»[149]. На наш взгляд, это противопоставление новгородцев по отношению к знамению непосредственно связано с разделением на московскую и литовскую партию. Подразумевается, что московская партия состоит из богобоязненных людей, а литовская – из богопротивных. Эта перекличка с дальнейшим повествованием о походе 1471 г., как нам кажется, подтверждает то, что рассказ о знамениях является неотъемлемой частью «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 1).

Рассказ о новгородских знамениях несет большую идейную нагрузку в «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 1), в нем дается провиденциальная мотивировка похода Ивана III на Новгород: «… сицева бо знамениа не бывають никогда на добро, но точью ко

---

[146] См.: ОР РГБ. Ф.178. Музейное собр. № 3271. Л. 240 об.
[147] Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXVI. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 229.
[148] Там же. С. 229–230.
[149] Там же.

гладу или къ смерти, или ко кровопролитию, и ко пленению»[150]. Фраза «Сица знаменья не на добро…» и ее варианты традиционны для рассказов о знамениях[151]. Однако И.П. Еремин отмечал, что «…у человека есть полная возможность добиться того, «дабы бог обратил знаменья си на добро»; своевременным покаянием, молитвою «со въздыханием» человек может умилостивить бога и отвести его карающую руку…»[152]. Если руководствоваться данным соображением, то становится понятно, для чего показывается реакция новгородцев на знамение. Так, поход Ивана III на Новгород преподносится как кара за отступление части новгородцев от Бога и их упорстве в этом грехе.

После сообщения о смерти Ионы и посольстве новгородцев к великому князю с целью утвердить нового архиепископа Феофила изображена сцена противостояния литовской и московской партии. Дело в том, что Иван III при обращении к послу Никите Ларионову назвал Новгород своей отчиной, что вызвало недовольство литовской партии: «Не хотим за великого князя московского, ни зватися вотчиною его! Вольный есьмя Великыи Новъгород…»[153].

Представители литовской партии, выступающей за короля Казимира, характеризуются в «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» такими номинациями, как «развратници»[154], «злодейци»[155], «противници… православию»[156], «научени дьаволом»[157], «горшѣе бѣсове… прелестници на погибель земли своей…»[158]. Новгородцев принадлежащих к литовской партии автор данной повести называет «звѣрии дивии»[159], что имеет негативную коннотацию в традиции. Эта номинация может указывать на связь

---

[150] Там же. С. 230.
[151] См.: Шайкин А.А. «Сица знаменья не на добро» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2002. № 3 (9). С.105–109.
[152] Еремин И.П. Литература Древней Руси (этюды и характеристики). М.; Л.: Наука, 1966. С. 70.
[153] Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород (Подготовка текста В.П. Бударагина, перевод В.В. Колесова, комментарии Я.С. Лурье) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. СПб.: Наука, 1999. С. 288.
[154] Там же.
[155] Там же.
[156] Там же.
[157] Там же. С. 286.
[158] Там же. С. 288.
[159] Там же. С.290.

с язычеством (ср. «яко звѣріи дивіи»[160] по отношению к половцам (под 6611); «ис пустыня звѣри дивияя»[161] о татарах (под 6767)). Это является важным, так как «Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 1) написана «… в традициях летописных повестей о борьбе с «неверными»…»[162]. Такое сравнение может характеризовать нечестивых людей, преступников против князя (ср. «яко звѣрье дивии»[163] об убийцах князя Андрея Боголюбского (под 6683)).

Московской партии в «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 1) уделяется меньше внимания, чем литовской. Интересно, что всякий раз, когда речь идет о представителях московской партии, упоминается их социальная характеристика: «… старии посадници, и тысячские, и лучшие люди, такоже и житии люди…»[164]. Здесь используется прием антитезы, так как акцентируется внимание на том, что за литовскую партии выступает много людей, относящихся к низшему социальному классу: «… наимоваху злых тѣх смердовъ, убииць, шилников, и прочих безименитых мужиков…»[165]. Мы видим, что автор повести осуждает такой метод борьбы литовской партии, как найм людей такого рода. Поведение наемников («…иже скотем подобни суть, ничтоже разума имущих, но точию едино кричание, иже и безсловесная и животъная не сице рычаху…»[166], «… бьяху в колоколы, и кричах, и лаяху, яко пси…»[167], «… каменье на тѣх метаху, котори за великого князя хотят»[168]) дискредитирует саму идею веча. Л.В. Черепнин считал, что «перед нами сатира (а

---

[160] Летопись по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. VII. Изд. 1. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1856. С. 19.
[161] Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. С. 83.
[162] Лурье Я.С. Повести о присоединении Новгорода // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. С. 201.
[163] Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Изд. 5-е. М. : Языки русской культуры, 1998. Стб. 586.
[164] Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород (Подготовка текста В.П. Бударагина, перевод В.В. Колесова, комментарии Я.С. Лурье) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. СПб.: Наука, 1999. С. 288.
[165] Там же.
[166] Там же. С. 290.
[167] Там же.
[168] Там же. С. 288.

вернее, даже пасквиль), принадлежащая перу озлобленного противника новгородских вечевых порядков, идеолога централизованного государства»[169].

Интересно, что потом разграничение новгородцев стирается, и Иван III идет в поход на всех новгородцев как на отступников: «… тогда всѣмъ възвѣщает мысль свою, что итти на Новгород ратию, понеже бо во всем измѣнишя»[170]. Это подчеркивается сравнением с битвой Дмитрия Донского с безбожным Мамаем[171]. Справедливость похода 1471 г. обосновывается несоответствием поведения новгородцев нормам христианской морали: «аще бо християне нарицахуся, а дѣла их бяху горѣе невѣрных…»[172].

По версии «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 1), религиозное и политическое преступление новгородцев заключается в том, что они отправили делегацию к великому князю литовскому Казимиру с просьбой быть их господином и назначить архиепископом сторонника Флорентийской унии Григория. В качестве результата этого посольства представлен приезд к новгородцам Михаила Олельковича. Однако, отметим, что Михаил Олелькович был двоюродным братом великого князя Ивана III Васильевича. К тому же, он являлся православным князем, что никак не согласуется с идеей экспансии католичества в Новгород. Более того, известно, что позднее, в 80-е гг. XV в. Михаил Олелькович был обвинен в участии в заговоре против католичексой веры и в связях с Великим княжеством Московским[173].

---

[169] Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV – XV вв. Очерки по социально-экономической и политической истории Руси. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. С. 858.

[170] Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород (Подготовка текста В.П. Бударагина, перевод В.В. Колесова, комментарии Я.С. Лурье) // Библиотека литературы Древней Руси. Т.7. Вторая половина XV в. СПб.: Наука, 1999. С. 292.

[171] В повести это сравнение выражено следующим образом «… въоружився на противныя, якоже преже прадѣд его благовѣрный велики князь Дмитрей Иванович на безбожнаго Мамая и на богомерзкое тое воиньство татарьское, такоже и сей благовѣрный великии князь Иван на сих отступник» (Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород (Подготовка текста В.П. Бударагина, перевод В.В. Колесова, комментарии Я.С. Лурье) // Библиотека литературы Древней Руси. Т.7. Вторая половина XV в. СПб.: Наука, 1999. С. 294).

[172] Там же.

[173] Лурье Я.С. Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 139.

Образу новгородцев как преступников против великого князя и самого Бога противопоставляется образ Ивана III: «великий князь скорбит, проливает слезы, молится и только тогда, когда чаша его долготерпения переполняется, вступает в бой»[174]. В «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 1) особо отмечается, что великий князь получает благословение от митрополита Филиппа. Заметим, что «Летописной повести о Куликовской битве» Дмитрий Иванович также изображается как христолюбивый князь, не желающий проливать крови, постоянно молящийся, получающий благословение от епископа Герасима. Возможно, что при создании образа Ивана III автор «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» ориентировался на образ Дмитрия Донского.

Победа московских войск подается в «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 1) как осуществленная с помощью божественной помощи: «… гоними гнѣвом Божьим за свою их неправду и за отступление не токмо от своего осподаря, но и от самого Господа и Бога»[175], «бѣжащим же им на долзѣй, и кони их отдохшяся, и начаша рѣятися с них долов и въ воды, и въ болота, и в лѣсы, ослѣпи бо я Господь…»[176].

Интересен также эпизод, явно имеющий провиденциальные мотивы: «Мы бо видѣхом вас бесчисленое множество, грядущее на нас, не токмо противу и нас идущи, но еще инные полки видѣхом, в тыл по нас пришедших, знамена же имут жолты и болшие стяги и скипетры, и говоръ людцки мног и топот коньский страшен, и тако ужас нападе на ны, и страх обьят ны, и приятъ нас трепет»[177]. Однако М.А. Несин считает, что здесь речь идет о нападении засадного

---

[174] Лурье Я.С. Повести о присоединении Новгорода // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. С. 201.
[175] Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород (Подготовка текста В.П. Бударагина, перевод В.В. Колесова, комментарии Я.С. Лурье) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. СПб.: Наука, 1999. С. 298, 300.
[176] Там же. С. 300.
[177] Там же.

татарского полка и отрицает наличие мотивов божественной помощи москвичам[178].

Мы согласны с аргументацией М.А. Несина относительно отождествления татарского засадного полка и полков из «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 1), зашедших в тыл новгородцев, однако считаем, что провиденциальные мотивы в этом эпизоде все же присутствуют. Дело в том, что здесь придается ореол загадочности этим полкам, не говорится прямо о том, что имеет место тактический маневр войск Ивана III. К тому же, мотив страха, ужаса и трепета переносит данное событие из плана военной тактики в план религиозной интерпретации.

Помимо религиозной правоты Ивана III, подчеркивается законность его притязаний на Новгород. В «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 1) неоднократно говорится о том, что великие князья изначально владели Новгородом[179]. В тексте акцентируется внимание на преемственной связи Ивана III с владимирскими князьями, а до этого и с киевскими князьями. Военный поход на Новгород представлен как ориентированный на восстановление «старины»[180], при этом игнорируется то, что новгородцы к тому времени уже несколько столетий обладали особыми правами

---

[178] Несин М.А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2014. Т. IV. С. 464–482. URL: http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin (дата обращения: 20.02.2020).

[179] Приводим некоторые фрагменты, где выражена данная мысль: «За великого князя московьского хотимъ по старинѣ, как и было преже сего!» (Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород (Подготовка текста В.П. Бударагина, перевод В.В. Колесова, комментарии Я.С. Лурье) // Библиотека литературы Древней Руси. Т.7. Вторая половина XV в. СПб.: Наука, 1999. С. 288); «Отчина моя естя, люди новогородстии, изначала: от дѣд, от прадѣд наших, от великаго князя Владимера, крестившаго землю Рускую, от правнука Рюрикова, первого великого князя в земли вашей. И от того Рюрика да иже и до сего дни знали есте единъ род тѣх великих князей, преже киевских, до великого князя Дмитрея Юрьевича Всеволода Володимерьскаго,а от того великого князя да иже до мене род их, мы владѣем вами, и жалуем вас, и бороним отовселе, а и казнити волны же есмы, коли на нас не по старинѣ смотрите почнете» (Там же. С. 290).

[180] Слово «старина» в древнерусских текстах может обозначать прежнее положение дел, исконные права (См.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. Т. 3. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1912. Стб. 494–495).

(в том числе приглашать и изгонять князей), вероятно, подразумевается возвращение к еще более древним временам – до 1136 г.

Таким образом, пафос «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 1) строится на обвинении новгородцев в преступлении против Ивана III и самого Бога. Причем измена литовской партии характеризует всех новгородцев как «неверных» и влечет за собой справедливое возмездие. Новгородцы наделяются негативными эпитетами. Образу новгородцев противопоставляется образ «христолюбивого князя» Ивана III. Постоянно подчеркивается легитимность прав Ивана III на Новгород и его преимущество в религиозном плане (акцентируется внимание на божественной помощи московским войскам во время похода 1471 г.).

«Московская повесть о походе III Васильевича на Новгород» (редакция 2) находится в Холмогорской летописи, составленной в середине XVI в.[181] Я.С. Лурье особо отмечал сходство данной летописи «… с 6905 (1397) г. до 7002–7007 (1494–1499) гг. – с Вологодско-Пермской летописью…»[182]. Как уже отмечалось, Вологодско-Пермская летопись содержит «Московскую повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 1).

В Холмогорской летописи проведены некоторые сокращения «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 1). Так, в ней отсутствует рассказ о знамениях в Новгороде, ничего не говорится о преставлении Ионы и связанных с этим событиях (посольстве новгородцев к великому князю с целью утвердить нового архиепископа Феофила, номинации Иваном III Новгорода своей отчиной при обращении к послу Никите Ларионову, последовавшее за этим недовольство литовской партии: «Не хотим за великого князя московского, ни зватися вотчиною его! Вольный есьмя Великыи

[181] См.: Лурье Я.С. Летопись Холмогорская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. С. 68.
[182] Лурье Я.С. Холмогорская летопись // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 25. М; Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1970. С. 136.

Новъгород…»[183]). «Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 2) начинается со сцены противостояния литовской и московской партий в Новгороде. Заметим, что мотивировка похода таким образом не меняется: отступление новгородцев к латыньству, обращение их к Казимиру, то есть политическое и религиозное предательство. Возможно, составитель Холмогорской летописи счел начало «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 1) слишком затянутым и избыточным, не добавляющим ничего к мотивировке похода. Он так же мог среагировать на то, что некоторые фразы убранного им фрагмента повторяются в оставленном.

Другой особенностью «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 2) является то, что в ней убираются цитаты, сопоставляющие события похода 1471 г. с христианской историей. Так, при описании мятежа в Новгороде отсутствуют отсылка к «Истории Иудейской войны»[184], библейские цитаты «Сбысться на нихъ пророчское слово реченное: «Яко пять вас поженет сто, а сто двигнета тмы» [185] (Втор. 32:30), «и вся мудрость их поглощена бысть»[186] (Пс. 106:27, «Аще съгрѣшит к тебѣ брат твои… иноязычникъ и мытарь»[187] (Мф. 18:15–17), сравнение митрополита и Ивана III с Самуилом и Давидом соответственно (1 Цар. 17:40–51) – см. Приложение 2, таблица 1.

В этой редакции нет сравнения Ивана III с Дмитрием Донским, боровшимся с неверными, убрано рассуждение о том, что новгородцы хуже язычников (см. Приложение 2, таблица 2). Однако на концепции повести это никак не

---

[183] Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород (Подготовка текста В.П. Бударагина, перевод В.В. Колесова, комментарии Я.С. Лурье) // Библиотека литературы Древней Руси. Т.7. СПб.: Наука, 1999. С. 288.

[184] «И таково бѣ възмущение в них, якоже въ Иерусалимѣ бысть, егда предасть его Господь в руцѣ Титовѣ; якоже бо ти тогда, тако и сии меж себе брань творяху. якоже въ Иерусалимѣ бысть, егда предасть его господь в руцѣ Титовѣ…» (Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород (Подготовка текста В.П. Бударагина, перевод В.В. Колесова, комментарии Я.С. Лурье) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. СПб.: Наука, 1999. С. 290).

[185] Там же. С. 300.

[186] Там же.

[187] Там же. С. 296.

сказалось, так как идея о том, что новгородцы совершили религиозное преступление и Иван III идет на них в поход как на вероотступников, повторяется в другом фрагменте, оставленном составителем Холмогорской летописи.

Сокращен также подробный рассказ о том, как Иван III перед походом совершает молебны в церквях, рассылает милостыню по монастырям, молится. Однако образ Ивана строится в «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 2) как образ христолюбивого князя, так же подчеркивается его религиозная правота и личное благочестие.

Таким образом, в «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 2) убираются библейские цитаты, сокращаются некоторые тенденциозные фрагменты. Однако мы не можем полностью согласиться с тем, что эти сокращения «… несут печать своего рода «светскости» летописца…»[188] и «… повествование лишилось той философско-догматической направленности… и стало более жизненным, фактографическим»[189]. Дело в том, что составитель данной редакции сокращает только те избыточные, на его взгляд, фрагменты, в которых повторяются уже высказанные в тексте идеи и оценки. Так, по идеологии и образности «Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 2) практически не отличается от редакции 1 данной повести.

«Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 3) находится в Степенной книге и Лицевом летописном своде. Отметим, что эти памятники были созданы в стиле «второго монументализма»[190] и связаны с идеей укрепления московского самодержавия, что и обуславливает появление новой редакции «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород».

---

[188] Чирейкина О.Ю. Повести о присоединении Новгорода к Москве в летописях XV – XVII вв. и литературных сборниках: дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.01. Барнаул, 2001. С. 44.
[189] Там же.
[190] См.: Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X-XVII веков. Эпохи и стили. Л.: Наука, 1973. С. 123–128.

Степенная книга, вероятно, создана московским митрополитом Афанасием в 1560–1563 гг.[191] Главным летописным источником Степенной книги является Никоновская летопись, но при ее создании использовались также многие другие источники: летописные и агиографические[192].

Лицевой летописный свод создавался в период 1568–1576 гг. по заказу Ивана IV[193]. Для русской части Лицевого летописного свода выделяются такие источники, как Никоновская летопись, Воскресенская летопись третьей редакции, Летописные своды 1518 г. и 1560 г., Новгородский свод 1538 г., Степенная книга первой редакции, Летописец начала царства поздней редакции, Постниковский летописец и др.[194]

Особенностью «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 3) является то, что за счет привлечения «Словес избранных от Святых Писаний...» и житийных материалов она более распространенная и риторически украшенная, чем «Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 3).

Существенным отличием данной редакции является отсутствие рассказа о знамении в составе повести. Этот рассказ помещен в другую главу «Сказанiе о знаменiихъ различьныхъ»[195].

Значительно отличается также сообщение о преставлении новгородского архиепископа Ионы. В «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 3) его описывают такие эпитеты, как «блаженный»[196], «чюдотворец»[197], «прозорливый»[198], «святейший»[199]. Дело в том, что Иона был

---

[191] См.: Покровский Н.Н. Афанасий (в миру Андрей) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2, ч. 1, Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. С. 74–75.
[192] См.: Там же. С. 75.
[193] См.: Клосс Б.М. Летописный свод Лицевой // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. С. 30.
[194] См. Морозов В.В. От Никоновской летописи к Лицевому летописному своду (Развитие жанра и эволюция концепции) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 44. Л.: Наука, 1990. С. 247.
[195] Книга Степенная царского родословия // Полное собрание русских летописей. Т. XXI. Ч. 2. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1913. С. 579.
[196] Там же. С.530.
[197] Там же.

канонизирован в 1549 г.[200], поэтому и стало возможным дать ему такую характеристику. О нем также говорится в «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 3), что он « … пророчествова… великому князю Василію Васильевичю, яко сій благородный сынъ его, великій князь Иванъ, разоритъ вся самовольныя обычая людей новоградскихъ и во всю свою волю приведетъ ихъ…»[201] Отметим, что пророчество Ионы, о котором говорится в Житии Ионы, связано не с падением Новгорода, а с укреплением власти Ивана III и освобождением от ига («…свободу сынови же твоему от ординьских царей… покорити ему вся супостаты его, и больши прародителей прославитися властию и укрѣпитеся княжению его в руку его…»[202]). Возможно, редактор повести связал пророчество Ионы с пророчеством Михаила Клопского, в котором говорится как раз о том, что «… князь великый опять будетъ, а град возметь, да всю свою волю учинитъ…»[203]

В «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 3) достаточно много вставок из «Словес избранных…». Так, в состав данной повести включены послание Филиппа; рассказ о том, что Феофил пытался образумить новгородцем и из-за их непослушания хотел уйти в келью и там безмолвствовать; рассказ о том, как по Божьей воле высохли болота в Новгородской земле, что позволило войскам Ивана III пройти по этим землям; послание архиепископа Александрийского Афанасия Великого к монаху Аммуну о том, что «… чествованій великихъ достойни суть, иже во брани храбрствовавшеи и образы подобія ихъ поставляти лѣпо есть, проповѣдающихъ

---

[198] Там же.
[199] Там же.
[200] См.: Рождественская М.В. Иона // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. С. 426.
[201] Книга Степенная царского родословия // Полное собрание русских летописей. Т. XXI. Ч. 2. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1913. С. 530.
[202] Повесть об Ионе, архиепископе Новгородском (Подготовка текста, перевод и комментарии М.В. Рождественской) // Библиотека литературы Древней Руси. Т.7. СПб.: Наука, 1999. С. 246.
[203] Повесть о житии Михаила Клопского (Подготовка текста, перевод и комментарии Л.А. Дмитриева) // Библиотека литературы Древней Руси. Т.7. Вторая половина XV в. СПб.: Наука, 1999. С. 230.

храбрьство ихъ, яко убиваютъ противныя имъ за целомудріе и за благовѣрие»[204]. Следует оговориться, что текст Лицевого летописного свода ближе к «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 1), чем Степенная книга. В нем меньше вставок из «Словес избранных…» (нет, например, достаточно объемной характеристики Марфы Борецкой).

Интересна также отсылка к Житию Зосимы и Савватия Соловецких. О казненных Иваном III новгородцах говорится: «… бысть бо нѣкогда обѣдавшу ему у нихъ, и видѣ ихъ седящихъ на трапезе ихъ во время обѣда, а главъ на плещу ихъ не видѣ. И сія зря, преподобный плакашеся и не ядяше и ученикомъ своимъ извести, яко за гордыню ихъ отсѣчени имуть быти главы ихъ, еже и збысться»[205]. Отметим, что в Житии Зосимы и Савватия Соловецких нет сведений и оценок того, за что будут отсечены головы этих новгородцев. Редактор «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 3) добавляет оценочный элемент «за гордыню ихъ»[206], негативно характеризующий новгородцев и оправдывающий их казнь.

Характерным является описание в «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 3) возвращения Ивана III в Москву, который характеризуется такими эпитетами, как «богомудрый… благочестія ревнитель»[207], «достохвальный супостатомъ побѣдитель»[208], «собратель Богомъ дарованнаго ему отечества начальнѣйшаго», «всея Россіи самодерьжець»[209]. Это придает некоторую торжественность ситуации и подчеркивает идею объединения Руси.

Необходимо также отметить стилистическую правку «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 3), которая больше проявляется в тексте Степенной книги. Б.А. Успенский отмечает, что «специфически некнижная лексика заменяется на нейтральную (например,

---

[204] Книга Степенная царского родословия // Полное собрание русских летописей. Т. XXI. Ч.2. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1913. С. 539.
[205] Там же. С. 540.
[206] Там же.
[207] Там же. С. 541.
[208] Там же.
[209] Там же. С. 542.

мужыкъ на человѣкъ, чинити на содѣвати, наймиты на наемьницы), а нейтральная на специфически книжную (например, отьчина на отьчьство или на держава, зватися на именоватися, который на иже, нѣкоторые на нѣции)…»[210] Он связывает такую правку с формированием «риторически украшенного и грамматически нормированного «высокого» книжного языка»[211].

Таким образом, «Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 3) является более торжественной, насыщенной провиденциальными мотивами, чем редакция 1 данной повести. Такой эффект создается посредством стилистической правки, включения риторически украшенных и связанных с религиозным оправданием похода 1471 г. фрагментов «Словес избранных…», отсылок к житиям Ионы Новгородского, Михаила Клопского и Зосимы и Савватия Соловецких. Внимание «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 3) к религиозным источникам, актуализация связи самодержавия и православия, торжественной стиля обуславливаются идеологией второй половины XVI в.

Повесть «О брани на Новгород» находится в Типографской и Софийской II летописях. Типографская летопись представляет ростовское летописание XV в.[212] и датируется концом XV – началом XVI в.[213] Я.С. Лурье отмечал, что «составленный после смерти ростовского владыки Вассиана Рыло в 1481 г. свод, лежащий в основе Л.Т., был, очевидно, летописью, связанной с ростовской епархией, но имевшей неофициальный характер»[214].

Софийская II летопись является монастырским сводом 1518 г.[215] С точки зрения идеологии летопись устроена сложно. Так, Я.С. Лурье обнаружил

---

[210] Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI – XVII вв). 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 372.
[211] Там же. С. 373.
[212] См.: Клосс Б.М. Предисловие к изданию 2000 г. // Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. Изд. 2-е. М.: Языки русской культуры, 2000. С. V.
[213] См.: Лурье Я.С. Летопись Типографская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. С. 63.
[214] Там же. С. 64.
[215] Лурье Я.С. Летопись Софийская II // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. С. 60.

двуслойность Софийской II летописи: в основе Софийской II и Львовской летописей лежит свод 1518 г., который в свою очередь включает в себя переработанный независимый свод конца XV в. (1489–1490 гг.)[216]. Важным является то, что свод конца XV в. вышел «…из среды оппозиционного духовенства»[217], а в своде 1518 г. «…уже не было признаков оппозиции великокняжеской власти»[218]. По мнению Я.С. Лурье, повесть «О брани на Новгород» относится к независимому своду 1489–1490 гг., который отразился и в Типографской летописи[219].

Хотя ученые отмечают оппозиционность официальному летописанию некоторых записей этих летописей, относительно похода Ивана III на Новгород составители данных сводов придерживаются московской позиции.

Как писал Я.С. Лурье, рассказ «О брани на Новгород» по своему построению оказывается близким к рассказу великокняжеского свода, но не обнаруживает текстуальных совпадений с ним»[220].

Действительно, повесть «О брани на Новгород» так же, как и «Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород», враждебна по отношению к новгородцам. Новгородцы изображены возгордившимися и заносчивыми: они «на самого государя…словеса нѣкаа хулнаа глаголааху»[221]. Подчеркивается их религиозная неправота цитатами из священных текстов (например, «Господь гордымъ противится, смиренымъ же даеть благодать»[222] (Притч. 3:34)).

---

[216] См.: Лурье Я.С. Независимый летописный свод конца XV в. – источник Софийской II и Львовской летописей // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 27. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. С. 405–419.
[217] Там же. С. 418.
[218] Там же. С. 418–419.
[219] См. Лурье Я.С. Независимый летописный свод конца XV в. – источник Софийской II и Львовской летописей // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 27. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. С. 409–410.
[220] Лурье Я.С. Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 1994. С. 133.
[221]Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. Петроград: 2-я Государственная типография, 1921. С. 190.
[222] Там же.

На протяжении всей повести новгородцев характеризуют такие эпитеты, как «вѣчници»[223], «крамолници»[224], «соуровіи человѣци»[225] «окаанніи»[226], «отступници»[227], «измѣнници»[228]. Так же, как в великокняжеском летописании, указывается, что новгородцы обращаются к Казимиру и намереваются отступить от православной веры.

Победа московских войск так же, как и в «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород», имеет характер божественного чуда: «отъ таковаго множества людскаго Новогородцевъ единъ человѣкъ оу нашихъ оубьенъ бысть»[229].

Однако это произведение обладает определенной спецификой. Например, в повести «О брани на Новгород» не так заметен раскол новгородцев на литовскую и московскую партии, как в «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород». По версии этой повести, все новгородцы обращаются к «Латынину кралю Казимиру». По Типографской летописи, земские люди этого не хотят, то есть проводится некоторая сословная дифференциация.

Особенностью «О брани на Новгород» является то, что в ней на передний план выходят московские воеводы, а не Иван III (в «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» Иван III фигурирует значительно больше, а в «Словесах избранных от Святых Писаний...» – вообще является ключевым героем). Примечательна библейская аллюзия на битву Давида с Голиафом. Дело в том, что в повести «О брани на Новгород» она функционирует в молитве московских воевод (они молятся, чтобы Бог им помог в битве с новгородцами, как Давиду в борьбе с иноплеменником Голиафом). В «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» же эти слова включены в молитву Ивана III. Этот факт демонстрирует тонкие отличия точек зрения авторов «Московской

[223] Там же. С. 188.
[224] Там же.
[225] Там же.
[226] Там же. С. 189.
[227] Там же. С. 190.
[228] Там же.
[229] Там же.

повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» и повести «О брани на Новгород».

В данной повести московские воеводы охарактеризованы как защитники православия (они молятся, выступают против отступников от православной веры) и как верные вассалы великого князя Ивана III. Показательно обращение воевод к воинам: «Господине [і] братіа наша! Лутче намъ есть здѣ главы своя покласти за государя своего великого князя, нежели [с] срамомъ возвратитися»[230]. Заметим, что здесь показана не только их воинская честь (ср. обращение Игоря Святославича к дружине: «Братіе и дружино! Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти»[231]), но и преданность воевод великому князю.

К специфике повести «О брани на Новгород» относится то, что ее автор так сопереживает московским войскам, что последовательно называет их «наши» (например, «нашихъ же мало вельми»[232], «наши же погнаша…»[233] и т.д.).

Таким образом, повесть «О брани на Новгород» идеологически близка «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород», однако обладает определенной спецификой. В данной повести практически не уделено внимания внутриполитической борьбе в Новгороде, все новгородцы характеризуются как враги. События 1471 г. представлены с позиции московских воинов (книжник называет их «наши»), на передний план в повести выдвигаются московские воеводы.

«Словеса избранна от Святых Писаний…» (полное название «Словеса избрана от с(вя)тых писании, о правдѣ и о смиреном(у)дрии, еж(е) сотвори бл(а)гочестиа дѣлатель бл(а)говѣрныи великии кн(я)зь Иванъ Васильевичь всея Русии, ему ж(е) и похвала о бл(а)гочестии вѣры, даждь и о гордости величавых мужеи ноугородски, их же смири г(оспод)ь б(ог)ъ и покори ему под руку его, он

---

[230] Там же.
[231] Цитата из «Слова о полку Игореве» приводится по книге А.А. Зализняка (Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 336).
[232] Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. Петроград: 2-я Государственная типография, 1921. С. 190.
[233] Там же.

же, бл(а)гоч(е)стивый, смиловася о нихъ, г(оспод)а ради, и утиши землю ихъ»[234]) находятся в Софийской I, Софийской II, Львовской и списке Дубровского Новгородской IV летописи (Новгородской летописи Дубровского). Примечательно, что в основании Софийской II и Львовской летописей лежит свод 1518 г. При этом в 1989 г. Я.С. Лурье писал, что свод – «…не официально-митрополичий, а неофициальный (монастырский)»[235], но в книге 1994 г. он отмечал, что свод «…составлен при митрополичьем дворе»[236]. А.Н. Насонов обратил внимание на то, что текст общерусской московской Софийской I летописи был дополнен «…митрополичьим по содержанию материалом»[237]. Я.С. Лурье писал, что свод 1539 г., дошедший в Новгородской летописи Дубровского представляет собой «…компиляцию, соединяющую HIV второй редакции со сводом, состоящим частью из новгородских… частью из общерусских статей…»[238] (к общерусским относятся и «Словеса избранна от Святых Писаний…»). Так, «Словеса избранна от Святых Писаний…» имеют церковное происхождение и функционируют в общерусских летописях (летопись Дубровского стремится преодолеть местный характер).

Нельзя не отметить, что «Словеса избранна от Святых Писаний…» написаны в церковном риторически приподнятом стиле. В этом памятнике «…фактический материал в значительной мере тонет в выдержках из «Писания»[239]. Действительно, «Словеса избранна от Святых Писаний…» позиционируются как комментарий к событиям 1471 г. с точки зрения

---

[234] Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001. Стб. 177.

[235] Лурье Я.С. Летопись Софийская II // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2/ Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. С. 60.

[236] Лурье Я.С. Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 1994. С. 19.

[237] Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. М.: Наука, 1969. С. 254.

[238] Лурье Я.С. Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 1994. С. 19.

[239] Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. М.: Наука, 1969. С. 254.

Священного Писания, однако мы не можем согласиться с тем, что «воинские формулы отсутствуют совершенно…»[240]. Дело в том, что при описании битв автор «Словес избранных от Святых Писаний…» использует такие воинские формулы, как 1) «… а инѣх руками живых поимаша, а инии в водѣ истопоша, а инии во градъ убежаша…»[241], «… многи от них см(е)рти предаяху, а инѣх многих велми руками живых поимаша, а инии в судѣх в водѣ истопоша на рецѣ на Шелонѣ»[242], «… а побиша на том бою ноугородцов многих вел(ь)ми, а инѣх руками поимаша…»[243] (Об этой формуле А.С. Орлов писал: «Почти везде встречаются выражения: «иныхъ избиша, иныхъ живыхъ руками поимаша»[244]); 2) «воини ж(е) ставши на побоищи на костех их…»[245]; 3) «ч(е)стно вострубиша, радующес(я)»[246]; 4) «… от великиа истомы бою их, яко отклячевше сташа мужие ноугородстии, не могуще ни рукою двигнути, ни ж(е) главу обратити»[247](по А.С. Орлову, формула «выражения усталости, изнеможения и отчаяния»[248]). Однако описания сражений сопровождаются и библейскими цитатами (например, «здѣ ж(е) сбыс(ть)ся Д(а)в(и)дом прор(о)ком реченное: «Наутрие избивах вся грѣшныя земли, да потреблю отъ града г(оспод)ня вся творящая безаконие»[249] (Псалом 100:8), «и ту сбыстьс(я) реч(ен)ное прор(о)ком, гл(аголю)щим: «Възмятошас(ь) и восколебашас(ь), яко пьяни» ноугородци тѣ мужие, и «вся м(у)дрость их поглащена быс(ть)»[250] (Псалом 106:27) и т.д.).

---

[240] Комарович В. Л. Московское летописание и исторические повести конца XV – первой половины XVI в. // История русской литературы: В 10 т. Т. II. Ч. 1. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1945. С. 335.
[241] Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001. Стб. 196.
[242] Там же. Стб. 199–200.
[243] Там же. Стб. 206.
[244] Орлов А.С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те:, 1902. С. 4.
[245] Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001. Стб. 200.
[246] Там же.
[247] Там же. Стб. 206.
[248] Орлов А.С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те:, 1902. С. 26–27.
[249] Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001. Стб. 197.
[250] Там же. Стб. 198.

Цитаты и библейские сравнения могут вводиться с помощью глаголов речи «рече» и «глаголеть», союза «яко», оборотов «по реченому», «по реченному словеси», «о таковыхъ бо» и др. (эти средства помогают провести параллели к религиозной истории человечества). Интересно, что автор «Словес избранных от Святых Писаний…» иногда создает впечатление, что апостолы и святые выражают свое отношение непосредственно к новгородцам, и сам заголовок произведения использует такой прием: представляется, что в Священном Писании говорится именно о походе Ивана III на Новгород. Широко известно, что средневековый человек был склонен искать прообразы всех событий в Священной истории, однако автор «Словес избранных от Святых Писаний…» усиливает религиозный пафос за счет привязывания изречений из Писания непосредственно к описываемым событиям.

Анализируемый текст имеет сходство с ораторской прозой. В первую очередь, обращает на себя внимание заголовок произведения, который напоминает название публицистического произведения 60-х гг. XV в. «Слово избрано от Святых Писаний, еже на латыню…», «…направленное против Флорентийского собора, против унии восточно-христианской и римско-католической церквей…»[251]. «Словеса избранна от Святых Писаний…» отличаются от других текстов о присоединении Новгородской земли к Великому княжеству Московскому своей структурой: в начале текста вводится тезис о том, что власть дается от Бога, а затем приводится аргументация, в том числе цитируется Священое писание. При этом само повествование о походе 1471 г., завершившееся успехом для великого московского князя, выполняет в том числе функцию развернутого примера, иллюстрирующего этот же тезис.

Походу Ивана III в «Словесах избранных от Святых Писаний…» придается значение наказания за отступление от православной веры: Иван III в этом

[251] Дробленкова Н.Ф. «Слово избрано от святых писаний, еже на латыню» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. С. 401.

произведении наделяется положительными эпитетами[252] («бл(а)говѣрныи»[253], «бл(а)гоч(е)стивыи»[254], «бл(а)гоч(е)стиа делатель»[255], «исполнь всея м(у)дрости»[256], «б(о)горазумныи»[257] и т.д.), приводится его молитва. Великому князю противопоставляются новгородцы, которых характеризуют слова «каменносердѣчнии»[258], «лукавии»[259], «измѣнници»[260], «супостатнии врази»[261], «отступници»[262]. Отметим, что лексема «супостатъ» в древнерусской традиции часто связывалась с дьяволом и обозначала врагов иноверных. Употребление этого слова по отношению к новгородцам подчеркивает главное обвинение против новгородцев, выдвигаемое автором «Словес избранных от Святых Писаний…» – «отступление к латыньству». Среди новгородцев выделяются два ярких образа – Марфы Борецкой и ключника Пимена. Они вполне соответствуют образу традиционного «антигероя», о котором пишет А.А. Пауткин: «…это злодей, нравственное падение столь же глубоко, сколь высоки устремления выразителя идеальных воззрений эпохи»[263] (ср. противопоставление «благочестивого» Ивана III и «злых отступников» Марфу и Пимена). Немаловажно так же то, что у этих преступников «…есть имя и социальное положение…»[264] и что «…их поступки с самого начала понятны читателю…»[265]. Марфа и Пимен изображаются с помощью библейских аллюзий. Так, сравнение

---

[252] Пользуясь терминологией О.А. Туфановой, в данном случае можно говорить об использовании приема «лейтмотивной амплификации положительных эпитетов», с помощью которого создается «панегирический портрет» (См.: Туфанова О.А. Орнаментальные стилистические приемы создания художественного образа в «Повести известна о победах Московского государства» // Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов. М., 2011. С. 408-416).
[253] Там же. Стб. 178.
[254] Там же. Стб. 191.
[255] Там же. Стб. 179.
[256] Там же. Стб. 178.
[257] Там же. Стб. 204.
[258] Там же. Стб. 191.
[259] Там же. Стб. 192.
[260] Там же. Стб. 196.
[261] Там же. Стб. 200.
[262] Там же.
[263] Пауткин А.А. Беседы с летописцем: Поэтика раннего русского летописания. М.: Издательство МГУ, 2002. С. 164.
[264] Там же.
[265] Там же.

Марфы с Иезавелью, Иродиадой, Евдокией подчеркивает ее преступление против веры (по версии «Словес избранных…», она хочет весь Новгород сделать католическим), а сравнение с Далидой, возможно, еще и актуализует тему политического предательства (она хочет выйти замуж за литовского пана и править Новгородом, предав Ивана III). Образ Марфы Борецкой построен в традиции образа «злых жен»: «ничто ж(е) есть на земли подобна злои женѣ и язычнѣ, нѣкии же звѣр(ь) точен ес(ть) женѣ пронырлеве и гордѣ, и величавѣ»[266] (ср. в «Измарагде»: «никоторыи бо звѣрь подѡбенъ женѣ злѣ и злозычне»[267], «ничтоже бо есть злѣе жены злоязычны»[268]), «нѣс(ть) злобы противу злобе женстеи, лучше бо ес(ть) жити со л(ь)вом и со змиемъ в пустыни, нежели со злою женою»[269] (ср.: Сир. 25:18, Притч. 21:19; также в «Пчеле»[270]). Сопоставление Пимена с еретиками Фармосом и Петром Гугнивым, с Исидором и его учеником Григорием (сторонники Флорентийской унии) характеризует его как отступника от веры.

По версии «Словес избранных…», новгородцы хотели принять католицизм и перейти к литовскому королю Казимиру. В тексте говорится о том, что после победы москвичи якобы нашли «докончальную грамоту» с Казимиром. Вероятно, это является результатом «литературной» обработки сюжета и не соответствует исторической действительности (Я.С. Лурье обратил внимание на то, что этот мотив встречался и ранее в «Повести о битве на Липице» 1216 г.[271]). Возможно, сам факт заключения новгородцами договора с Казимиром и имел место. Так, в сборнике 0-IV-№14, хранящемся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, находится некая договорная грамота Казимира IV с Новгородом

---

[266] Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001. Стб. 187.
[267] ОР РГБ. Ф. 304.I. Троице-Сергиева лавра. № 202. Л. 71.
[268] Там же. Л. 72.
[269] Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001. Стб. 187–188.
[270] Пчела // Библиотека литературы Древней Руси. Т.5. СПб.: Наука, 1997. С. 414–447.
[271] Лурье Я.С. Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 1994. С. 141.

начала 70-х годов XV в.[272] Даже если допустить, что данный документ не подделка, то важно отметить, что датировка договора не является точной. Вполне может оказаться, что документ был создан после начала новгородского похода Ивана III и поэтому не мог быть его причиной. Кроме того, если принять за факт заключение этого договора с Казимиром, то интерпретация событий «Словесами избранными от Святых Писаний…» не соответствует действительности. Дело в том, что «…одним из условий этого договора было сохранение в Новгородской земле православия…»[273], поэтому обвинение новгородцев в «отступлении к латыньству» было несправедливым. Упомянутый эпизод служит для религиозного оправдания похода 1471 г.

Получается, в вину новгородцам ставится измена и политическая, и религиозная, а реакцией на нее является поход 1471 г. Средством юридического обоснования новгородского похода является укор новгородцам в отступлении от «старины» и номинация Новгорода в качестве «отчины» Ивана III. По мнению Я.С. Лурье, противоречия и споры между Москвой и Новгородом «менее всего… были связаны с Литвой и «латинством»[274], историк видел причину разногласий в нарушении великокняжеской властью условий Яжелбицкого мира 1456 г. Так, автор «Словес избранных от Святых Писаний…» оправдывает поход московского князя недостойным поведением новгородцев и ни словом не упоминает об отце Ивана III Василии Темном, совершившем поход на Новгород в 1456 г., так как это невыгодный факт для политической концепции автора «Словес избранных…».

Церковный характер памятника проявляется на композиционном уровне. В тексте «Словес избранных от Святых Писаний…» приводится грамота митрополита Филиппа новгородцам, в которой осуждается отступление от православной веры. Это позволяет А.Н. Насонову предположить, что «Словеса избранна от Святых Писаний…» «…вышли из среды, близкой к митрополиту

---

[272] Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 292–293.
[273] Там же. С. 322.
[274] Лурье Я.С. Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 141.

Филиппу»[275]. Показательным является эпизод с пересыханием болот: в лето 1471 г. не было дождей и пересохли болота, что позволило войскам великого князя пройти в новгородские земли. Важно то, что это обосновывается с провиденциальной точки зрения[276].

Показательным является то, как в «Словесах избранных от Святых Писаний…» подается гибель новгородцев на озере Ильмень. Если в «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» об этом событии говорится достаточно кратко и беспристрастно, то в «Словесах избранных от Святых Писаний…» мы видим экспрессивное изображение, при создании которого используется нанизывание однородных членов: «… гром страшен, и дождь силенъ со градом великым, и волны, страшны волны страшны воставающе… И быс(ть) в том часѣ велиа стр(а)сть неутомима и гроза неудержима, и крик, и вопль неутишим…»[277]. Важно также, что автор «Словес избранных от Святых Писаний…» акцентирует внимание на связи между отступлением от православия и крушении новгородских судов на Ильмене: «Так богъ показни люди своя Ноугородския земли за лукавая мысли злурадих ч(е)л(о)в(е)къ, даждь и за их отступлениа к латыньству»[278].

Таким образом, «Словеса избранна от Святых Писаний» в идеологическом плане похожи на «Московскую повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород»: в них так же дается политическое и юридическое обоснование похода 1471 г. Однако особенностью данного является церковный характер, для усиления которого служат композиция, образный мир и стиль произведения.

Походы Ивана III 1471 г. нашли отражение также отражение в трех кратких промосковских повестях, а именно: в Краткой промосковской повести о походе

---

[275] Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. М.: Наука, 1969. С. 255.

[276] См. следующие цитаты: «…по б(о)жией бл(а)г(о)д(а)ти свыше от б(о)га даннѣй бл(а)гоч(е)стивому великому кн(я)зю Ивану Васильевич(ю) всея Русии на их пагубы Ноугородские земли…» (Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001. Стб. 195); «… тако г(оспод)ь на них изсохновение земли наведе им неправды их ради…» (Там же. Стб. 196).

[277] Там же. Стб. 207.

[278] Там же.

1471 г. (по Сокращенным летописным сводам 1493 и 1495 гг. и Ермолинской летописи), в Краткой промосковской повести о походе 1471 г. (по списку Мациевича Устюжской летописи и Архангелогородскому летописцу), Краткой промосковской повести о походе 1471 г. (по Мазуринскому летописцу).

Проанализируем отражение похода Ивана III 1471 г. в Краткой промосковской повести о походе 1471 г. (по Сокращенным летописным сводам 1493 и 1495 гг. и Ермолинской летописи).

Сокращенные летописные своды 1493 и 1495 гг. являются видами Сокращенного летописного свода конца XV в.[279] С Сокращенным летописным сводом конца XV в. совпадает текст Ермолинской летописи за 1428–1472 гг.[280], что говорит об их общем источнике – Кирилло-Белозерском своде начала 70-х гг., независимом «…от великокняжеской власти и позволявший себе довольно смелые суждения о ее политике»[281].

Особенностью Краткой промосковской повести о походе 1471 г. (по Сокращенным летописным сводам 1493 и 1495 гг. и Ермолинской летописи) является отсутствие предыстории похода – утверждения Иваном III нового архиепископа после смерти Ионы, противостояния московской и литовской партий в Новгороде. Повествование о походе 1471 г. начинается с фразы «…князь великии съ братиею и съ силою поиде к Новугороду Великому, съ всѣ стороны воюючи и плѣняючи»[282]. В Ермолинской летописи дается мотивировка похода: «…за ихъ измѣну и неисправление…»[283], однако никак не комментируется, в чем суть измены новгородцев (нет никаких упоминаний о желании новгородцев перейти под власть Литвы и католической церкви).

---

[279] См.: Лурье Я.С. Летописный свод Сокращенный // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. С. 34–35.
[280] См.: Лурье Я.С. Летопись Ермолинская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. С. 42.
[281] См. там же. С. 43.
[282] Сокращенный летописный свод 1493 г. // Полное собрание русских летописей. Т. 27. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1962. С. 277.
[283] Ермолинская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXIII. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 159.

В отличие от «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород», повести «О брани на Новгород», «Словес избранных от Святых Писаний…», Иван III в Краткой промосковской повести о походе 1471 г. (по Сокращенным летописным сводам 1493 и 1495 гг. и Ермолинской летописи) не наделяется положительными характеристиками, а новгородцы не характеризуются негативными эпитетами.

В данной повести достаточно лаконично и спокойно описываются события Шелонской битвы и битвы с двинянами. Московская позиция автора этого произведения, по сути, отражается только в заключительной формуле: «…везде бо помогаша богъ государю великомому князю за его правду»[284].

Таким образом, Краткая промосковская повесть о походе 1471 г. (по Сокращенным летописным сводам 1493 и 1495 гг. и Ермолинской летописи) отражает московскую точку зрения на поход 1471 г., но отличается от московских текстов лаконичностью, отсутствием композиционных элементов и мотивов, связанных с оправданием новгородского похода Ивана III.

Рассмотрим краткую промосковскую повесть о походе 1471 г. (по списку Мациевича Устюжской летописи и Архангелогородскому летописцу). Список Мациевича и Архангелогородский летописец – две редакции Устюжской летописи первой четверти XVI в., которая содержит и местные, и общерусские известия[285].

Начало Краткой промосковской повести о походе 1471 г. (по списку Мациевича Устюжской летописи и Архангелогородскому летописцу) и описание Шелонской битвы генетически связаны с Краткой промосковской повестью о походе 1471 г. (по Сокращенным летописным сводам 1493 и 1495 гг. и Ермолинской летописи).

---

[284] Сокращенный летописный свод 1493 г. // Полное собрание русских летописей. Т. 27. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1962. С. 277.

[285] См.: Сербина К.Н. Предисловие // Полное собрание русских летописей. Т. XXXVII. Устюжские и Вологодские летописи XVI – XVIII вв. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1982. С. 3.

Важным эпизодом Краткой промосковской повести о походе 1471 г. (по списку Мациевича Устюжской летописи и Архангелогородскому летописцу) является рассказ о том, что новгородцы послали посла в Литву, чтобы Казимир выступил против Ивана III, но новгородский посол не был пропущен через «немецкую» землю. Стоит отметить, что описание этого события есть в «Новгородской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» и, возможно, именно оно повлияло на упомянутый рассказ. Обратим внимание на то, что в Краткой промосковской повести о походе 1471 г. (по списку Мациевича Устюжской летописи и Архангелогородскому летописцу) данный эпизод так же, как и в «Новгородской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород», расположен после Шелонской битвы и не называется причиной похода 1471 г. Однако этот фрагмент обосновывает гнев Ивана III на новгородцев и его расправу с боярами[286].

В Архангелогородском летописце есть заимствования из «Новгородской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород», которых нет в Списке Мациевича. Так, рассказ о расправе с боярами[287] текстуально близок к «Новгородской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород». Рассказ о раздорах в Новгороде и проблемах с провизией[288] также заимствован из «Новгородской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород».

Московская позиция создателя Краткой промосковской повести о походе 1471 г. (по списку Мациевича Устюжской летописи и Архангелогородскому

---

[286] См. об этом следующую цитату из летописи: «И слышав то князь великии, что новогородцы посла посылали в Литву, а задаются за короля, и разгневась больши на Новград. И князь великии посадников велел казнити смертною казнию…» (Устюжская летопись. Список Мациевича // Полное собрание русских летописей. Т. XXXVII. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1982. С. 47).

[287] См. об этом следующую цитату из летописи: «и отсекоша голову Дмитрею Исаковичю, да Василью Ивановичю, да Киприяну Сергеивичю, да Еремею, владычню чашнику, глаголющи, яко вы за короля задати хотесте Новъгород» (Устюжская летопись. Архангелогородский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. XXXVII. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1982. С. 92).

[288] См. следующую цитату: «И бысть на лучших людеи молва, яко вы приведосте на Новъгород великого князя. И бысть дороготня хлебу в Новегороде» (Устюжская летопись. Архангелогородский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. XXXVII. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1982. С. 92).

летописцу) проявляется в формуле «…поможе бог воиводе великого князя…»[289] при описании битвы с двинянами.

Таким образом, Краткая промосковская повесть о походе 1471 г. (по списку Мациевича Устюжской летописи и Архангелогородскому летописцу) отражает московскую точку зрения на события 1471 г. Однако спокойная манера изложения и заимствования из «Новгородской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» придают данному произведению объективности при описании похода 1471 г.

Рассмотрим Краткую промосковскую повесть о походе 1471 г. (по Мазуринскому летописцу). Мазуринский летописец, дошедший в единственном списке, составлен в последней четверти XVII в., имеет такие источники, как святцы, прологи, Четьи-Минеи, Никоновская, Софийская I, Новгородская III летописи и т.д.[290]

Краткая промосковская повесть о походе 1471 г. (по Мазуринскому летописцу) генетически связана с повестью «О брани на Новгород» (см. Приложение 2, таблица 3) и «Московской повестью о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 3), что обусловливает ее яркую московскую позицию.

Краткая промосковская повесть о походе 1471 г. (по Мазуринскому летописцу) начинается с рассказа о знамениях в Новгороде. Мы не можем согласиться с О.Ю. Чирейкиной в том, что это является особенностью данного текста и «…ни в каких летописных повестях о новгородских походах великого князя такого материала больше не встретилось»[291]. Рассказ о знамениях в Новгороде является важным элементом «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 1), содержащейся более чем в 10 летописях. Более того, мы можем утверждать, что в Краткой промосковской повести

---

[289] Устюжская летопись. Список Мациевича // Полное собрание русских летописей. Т. XXXVII. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1982. С. 47.

[290] См.: Буганов В.И. Предисловие // Полное собрание русских летописей. Т.XXXI. Летописцы последней четверти XVII в. М.: Наука, 1968. С. 3

[291] Чирейкина О.Ю. Повести о присоединении Новгорода к Москве в летописях XV – XVII вв. и литературных сборниках: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Барнаул, 2001. С. 83.

о походе 1471 г. (по Мазуринскому летописцу) находится рассказ о знамениях в Новгороде в редакции Степенной книги, где он помещен в отдельную главу «Сказанiе о знаменiихъ различьныхъ»[292] (см. Приложение 2, таблица 4).

Рассказ о знамениях в редакции Степенной книги завершается провиденциальной мотивировкой похода 1471 г. и задает тенденциозность Краткой промосковской повести о походе 1471 г. (по Мазуринскому летописцу): «…новгородцы начаша сугубо лукавновати великому князю, ему же и предаст их господь во всю волю его»[293].

К сообщению о пророчестве Михаила Клопского из «Московской повестью о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 3) автор Краткой промосковской повести о походе 1471 г. (по Мазуринскому летописцу) добавляет: «…много новгородцы великому князю изменяше и зло делаша и многия на себя от великого князя казни и победы и разорение приимаше и ему, великому государю, добиваше челом»[294]. В этом высказывании противопоставляются литовская и московская партии в Новгороде, причем действия литовской партии явно осуждаются.

В данном произведении (как и в «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород», в «Словесах избранных…», повести «О брани на Новгород) акцентируется внимание на политическом и религиозном предательстве новгородцев: они хотят перейти под власть Казимира и принять католичество. Литовская партия характеризуется негативным эпитетом «крамолницы»[295].

Шелонская битва в Краткой промосковской повести о походе 1471 г. (по Мазуринскому летописцу) описана достаточно кратко, что придает тексту динамичности. Отметим, что это описание не сопровождается цитатами из Священного Писания и мотивом Божьей помощи. Достаточно отстраненно

---

[292] Книга Степенная царского родословия // Полное собрание русских летописей. Т. XXI. Ч. 2. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1913. С. 579.
[293] Мазуринский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. XXXI. М.: Наука, 1968. С. 111.
[294] Там же.
[295] Там же.

в данном тексте рассказывается о расправе над новгородцами и окончании похода 1471 г. Здесь нет никакой риторичности.

Обратим внимание на то, что под 6980 г. в Краткой промосковской повести о походе 1471 г. (по Мазуринскому летописцу) помещен тенденциозный и риторически украшенный рассказ о возвращении Ивана III в Москву, взятый из «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 3). В ней Ивана III идеализируется и предстает в роли благочестивого князя, борющегося за объединение Руси и православную веру,

Таким образом, Краткая промосковская повесть о походе 1471 г. (по Мазуринскому летописцу) отражает московскую точку зрения на новгородский поход 1471 г. Ивана III. Новгородцы здесь изображаются как отступники от православной веры и изменники. Данная повесть отличается стилистической неоднородностью: события самого похода излагаются в достаточно спокойном стиле (отсутствуют похвалы Ивану III, мало ругательств по отношению к новгородцам, нет провиденциальных мотивов, цитат из Священного Писания), однако фрагменты, заимствованные из Степенной книги, тенденциозны и риторически украшены.

Новгородская точка зрения на поход Ивана III 1471 г. отражена в «Новгородской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород», находящейся в Строевском и Синодальном списках Новгородской IV летописи.

Многие ученые считали, что эта летопись имеет общий источник с Софийской I, которая «…может без преувеличения быть названа основой всего общерусского московского летописания второй половины XV и XVI в.»[296]. По этой причине закономерно ставился вопрос о новгородском или московском происхождении Новгородской IV летописи. Соглашаясь с точкой зрения Г.М. Прохорова о том, что Софийская I и Новгородская IV летописи являются соответственно московским и новгородским вариантами общерусского свода,

[296] Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV – XV вв. Л.: Наука, 1976. С. 67.

Т.Ю. Фомина считает целесообразным рассматривать Новгородскую IV летопись «…в числе памятников новгородского летописания»[297].

И Строевский, и Синодальный списки относятся к Младшей редакции Новгородской IV летописи, доходящей до 1447 г. При этом сами списки доведены до 1476 г.[298] Отметим, что дополнения Строевского и Синодального списков по своему характеру отличаются от промосковского списка Дубровского, который «…помимо обилия… московских и общерусских известий… включил в свой состав такие направленные против новгородской независимости произведения как «Словеса избранна от святых писаний» на новгородцев, «Послание митрополичье» против них же, московский рассказ о присоединении Новгорода, с резкими выпадами против новгородцев…»[299]. Такие идеологические различия внутри новгородского летописания Д.С. Лихачев объяснял тем, что «…летопись велась по инициативе представителей обеих враждующих партий, дополнявших и расширявших списки, начатые их предшественниками»[300].

«Новгородская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород» отличается от других текстов, повествующих о походе 1471 г., тем, что отражает взгляд новгородца на события. В данном произведении Иван III не предстает поборником благочестия и защитником православия, как в «Словесах избранных…», повести «О брани на Новгород» и «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород». Его действия «…не соответствуют христианским образцам поведения благого правителя»[301]. Действительно, в тексте

---

[297] См.: Фомина Т.Ю. Новгородское летописание XI – XVII вв.: отечественная историография. М.: Университетская книга, 2008. С. 17.

[298] См.: Клосс Б.М. Второе предисловие к изданию 2000 г. // Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. 1. Издание 3-е. Новгородская четвертая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. С. XI–XX.

[299] Лихачев Д.С. Литература периода новгородских походов Ивана III // История русской литературы: В 10 т. Т. II. Ч. 1. Литература 1220-х – 1580-х гг. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1945. С. 371.

[300] Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л. Издательство Академии наук СССР, 1947. С. 318.

[301] Михайлова Т.В., Михайлов. А.В. Древнерусские текстуальные средства воздействия на общественное сознание в аспекте отношения к царской власти (XV – XVII вв.) // Paradeigma/Парадигма. 1999. № 3. URL: http://krotov.info/libr_min/13_m/ih/aylova.htm (дата обращения: 31.07.2020).

не мотивировано, почему великий князь решил пойти на Новгород, говорится только: «вверже… нелюбие»[302]. Как отмечают Т.В. Михайлова и А.В. Михайлов, «…если уж князю "разрешалось" (или "допускалось") впадать во гнев против своих врагов, то враги эти были во всяком случае нехристиане, а не свои, православные, какими были новгородцы»[303].

Обращает на себя внимание и выбор отражаемых событий. Так, об Иване III и его войске говорится, что они «…святыя церкви пожгоша, и всю Русу выжгоша…»[304]: подобные действия не были отражены в московских текстах (это могло быть связано с тем, что они не соответствовали бы облику христолюбивого князя). Заметим только, что о сожжении церквей в летописях говорится обычно в связи с нападениями язычников: половцев и татар[305].

Однако в «Новгородской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» говорится, что новгородцы сами стали причиной сожжения некоторых церквей и монастырей: «И пожгоша новгородци вси посады около Новагорода, и въ Звѣринцах церковь новаа святый Семионъ огорѣ, и Онтоновъ манастырь, и Полянку всю, и Юрьев манастырь, и Городище все, и Рожественый

---

[302] Новгородская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород (Подготовка текста В.П. Бударагина, перевод В.В. Колесова, комментарии Я.С. Лурье) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. СПб.: Наука, 1999. С. 312.

[303] Михайлова Т.В., Михайлов. А.В. Древнерусские текстуальные средства воздействия на общественное сознание в аспекте отношения к царской власти (XV – XVII вв.) // Paradeigma/Парадигма. № 3. 1999-а. URL: http://krotov.info/libr_min/13_m/ih/aylova.htm (дата обращения: 21.04.2020)

[304] Новгородская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород (Подготовка текста В.П. Бударагина, перевод В.В. Колесова, комментарии Я.С. Лурье) // Библиотека литературы Древней Руси. Т.7. Вторая половина XV в. СПб.: Наука, 1999. С. 312.

[305] См. следующие контексты: «…и мало въ градъ не въѣхаша Половци, и зажгоша болонье около града, и възвратишася въ манастырь, и възгоша Стефанечь манастырь, и деревнѣ, и Германечь» (Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. 4-е изд. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 99); «Тогда же много зла створиша Половци около Переславля: пожгоша бо села вся, и Летьскую божницю святою Мученику зажгоша» (Там же. С. 147); «Много же святыхъ церквій огневи предаша, и манастырѣ и села пожгоша» – о татарах (Там же. С. 196), «И манастырь святаго Дмитрія пожгоша…» – о татарах (Там же. С. 197, 223), «Ковадый, Алчедай пришедъ къ Переяславлю, князя не обрѣтшн, градъ т церкви пожгоша…» (Там же. С. 227).

манастырь и церковь огори»[306]. В Новгородской I летописи зафиксирован эпизод, где новгородцы сожгли Прусскую улицу, в результате чего «…церковь святыя Богородица сгорѣ»[307]. Примечательно, что, когда новгородцы сами разрушают церкви и монастыри, используются глаголы «сгорѣ», «огорѣ» (субъект убирается), а когда действуют половцы, татары и рать Ивана III, то используются каузативы «възжгоша», «огневи предаша», «пожгоша». Так, акцентируется внимание на том, что именно язычники и рать Ивана III наносят вред святым церквям. Очевидно, что великий князь и его войска воспринимаются как враждебная Новгороду сила: присутствуют формулы «...много зла учиниша»[308], «…болши зла учинишася»[309].

Несмотря на такое сближение войск Ивана III с языческими захватчиками, никакими негативными эпитетами и характеристиками Иван III не наделяется; описывая его действия, книжник старается фиксировать факты, не эксплицируя свою оценку.

Такое противоречие приводит к мысли, что возможна несколько иная интерпретация описания поведения Ивана III, чем приравнивание его к языческим врагам. Так, И.Н. Данилевский отметил, что в летописях есть текстуально схожие «…сообщения о зверствах, совершаемых отрядами сначала Олега, затем Игоря и, наконец, монголов под стенами осажденных городов»[310] (среди «зверств» неизменно фигурирует сожжение церквей). Историк объясняет этот факт тем, что «…действия Руси здесь соответствуют представлениям о том, как должны себя вести с христианами народы, появляющиеся в последние времена и

---

[306] Новгородская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород (Подготовка текста В.П. Бударагина, перевод В.В. Колесова, комментарии Я.С. Лурье) // Библиотека литературы Древней Руси. Т.7. Вторая половина XV в. СПб.: Наука, 1999. С. 314.

[307] Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. С. 326.

[308] Новгородская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород (Подготовка текста В.П. Бударагина, перевод В.В. Колесова, комментарии Я.С. Лурье) // Библиотека литературы Древней Руси. Т.7. Вторая половина XV в. СПб.: Наука, 1999. С. 312.

[309] Там же.

[310] Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. С. 52.

наказывающие христиан за грехи…»[311], и связывает данный мотив с эсхатологической традицией. Мы считаем важным, что события новгородского похода происходят в 6979 году от сотворения мира. Дело в том, что в Древней Руси ждали конца света в 7000 году; вполне вероятно, что новгородцы могли осмыслить поход Ивана III в эсхатологическом ключе (поэтому и войска московского великого князя оказываются в одном ряду с половцами и татарами, которые, как известно, раньше тоже считались на Руси предвестниками конца света).

Предположение об эсхатологической направленности «Новгородской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» подтверждается наличием мотива наказания за грехи и необходимости покаяния: «…а все то Богу попущающу грѣх ради наших»[312], «Клятвы убоявшеся, братие, плоды покаания принесем»[313]. Интересен также финальный пассаж, в котором летописец просит Бога о милости. Завершается повесть фразой «Христос – зачало спасению, конець пагубѣ»[314]. Нам удалось установить, что данная фраза является цитатой из переводного апокрифа «Сказание Афродитиана», очень популярного в исследуемый период. Как указывает А.Г. Бобров, «абсолютное большинство древнерусских списков СА, основные этапы его литературной судьбы (редакции, включение в различные контексты и т.д.) относятся к концу XIV – середине XVI вв.»[315] Отметим, что данная фраза может иметь и эсхатологический смысл (ср. «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был и грядет, Вседержитель» (Откр. 1:8); «Се, гряду скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его. Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний» (Откр. 22:12-13)).

---

[311] Там же. С. 158.
[312] Новгородская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород (Подготовка текста В.П. Бударагина, перевод В.В. Колесова, комментарии Я.С. Лурье) // Библиотека литературы Древней Руси. Т.7. Вторая половина XV в. СПб.: Наука, 1999. С. 314.
[313] Там же. С. 316.
[314] Там же.
[315] Бобров А.Г. Апокрифическое «Сказание Афродитиана» в литературе и книжности Древней Руси: Исследование и тексты. СПб.: Наука, 1994. С. 77.

Еще одной важной особенностью «Новгородской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» является отношение автора к новгородцам. В ней новгородцы не изображаются, как в других текстах, в качестве преступников. В данном произведении показаны внутренние противоречия в Новгороде: «И бысть в Новѣгороди молва велика, и мятеж мног, и многа лжа неприазнена…»[316] Так, противопоставлены образы меньших и больших людей (вторые не хотят помочь в битве первым, объясняя это так: «испротеряхся конемъ и доспѣхом»[317]), простых воинов и воинов архиепископа, который ведет свою промосковскую политику. Хотя по подбору событий чувствуется, что автору ближе позиция меньших людей, но уверенно утверждать, как Я.С. Лурье[318], о принадлежности автора к меньшим людям мы бы не стали. Дело в том, что для Я.С. Лурье ярким доказательством является фраза: «И бысть на лутьшии люди молва, яко тѣ приведоша великого князя на Новогород, а то Богъ сердевицедь и суди им, зачинающим рать и обидящим нас»[319]. Однако нам не представляется настолько очевидной самоидентификация автора как меньшего человека. Во-первых, здесь оформлена косвенная речь «…молва, яко…», не исключена вероятность того, что с косвенной речи могло произойти «переключение» на прямую речь, повлекшее за собой употребление местоимения первого лица. Во-вторых, синтагма «обидящим нас» может представлять собой устойчивое словосочетании (существует молитва «О ненавидящих и обидящих нас», причем встречается «обидящих нас» в Тропаре, гласе 4-м и Кондаке, гласе 5-м).

Отметим, что автор стремится показать события максимально объективно. Так, раскол на литовскую и московскую партии здесь констатируется без политических и религиозных оценок. Даются только негативные последствия

---

[316] Новгородская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород (Подготовка текста В.П. Бударагина, перевод В.В. Колесова, комментарии Я.С. Лурье) // Библиотека литературы Древней Руси. Т.7. СПб.: Наука, 1999. С. 312.
[317] Там же.
[318] См.: Новгородская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород (Подготовка текста В.П. Бударагина, перевод В.В. Колесова, комментарии Я.С. Лурье) // Библиотека литературы Древней Руси. Т.7. Вторая половина XV в. СПб.: Наука, 1999. С. 530.
[319] Там же. С. 314.

этого раскола для Новгорода. Эпизод с обращением новгородцев к Литве отнесен ко времени более позднему, чем вторжение московских войск и соответственно не называется причиной похода 1471 г. (такое изложение событий, судя по всему, ближе к исторической действительности, чем заявления автора «Словес избранных…» о том, что у новгородцев нашли докончальную грамоту с Казимиром, подписанную до похода Ивана III).

Установка на достоверность видна и при описании сражений. В «Новгородской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» в столкновениях погибают воины с обеих сторон, что весьма реалистично. Здесь нет провиденциальных мотивов, как в «О брани на Новгород» («…от такаваг(о) множества людскаго новогородцев един ч(е)л(о)в(е)къ у наших убиен быс(ть)»[320]) и в «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (московские войска перешли реку без брода и остались «…вси цѣли и здрави»[321]).

Несмотря на то, что автор повести осторожен в оценке противостояния Москвы и Новгорода, очевидно, что он сочувствует Новгороду. Так, отмечается, что новгородского воеводу Василия Васильевича и новгородца Василия Никифировича «…Богъ ублюде…»[322] (ясно, что, если бы автора не радовало спасение новгородских воевод, он бы не говорил о них, как спасенных Богом). Противопоставление новгородских воевод и Ивана III видно на уровне упоминания о величине их войска. Московский князь пришел «…со всѣми силами…»[323], а новгородские воеводы были «…в малѣ дружинѣ…»[324] (в воинских повестях традиционно врагам приписываются большие войска, а своему князю – малые; в «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» и

---

[320] Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. Петроград: 2-я Государственная типография, 1921. С. 190.
[321] Московский летописный свод конца XV в. // Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 289.
[322] Новгородская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород (Подготовка текста В.П. Бударагина, перевод В.В. Колесова, комментарии Я.С. Лурье) // Библиотека литературы Древней Руси. Т.7. Вторая половина XV в. СПб.: Наука, 1999. С. 314.
[323] Там же. С. 312.
[324] Там же. С. 314.

повести «О брани на Новгород» отмечается в свою очередь большое количество новгородцев – около 40 тысяч).

Яркое эмоциональное и риторическое начало «Новгородской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» представлено в обращении к предателю Упадышу. Активно используются риторические вопросы и восклицания (например, «Како не вострепета, зло мысля на Великий Новъгород, не сытый лукавъства?»[325], «О, колика блага не памятивъ, недостаточное ума достиглъ еси!»[326]). Упадыша характеризуют такие слова, как «лукаво зломыслие»[327], «кознь нечтивая»[328], «не сытый лукавъства»[329], «злочтивый»[330], «предатель Новугороду»[331] и т.д. Автор использует такие приемы, как повторение в данном фрагменте текста слов с корнем зъл- («зла»[332], «злоначалного»[333], «зло»[334], «зло»[335], «зломыслие»[336], «злочтивому»[337] «злочтива»[338], «злоимьство»[339], «незлобивое»[340]), figura etymologica («язвами уязвити»[341]). При обличении Упадыша также цитируется Священное писание, чтобы соотнести преступление Упадыша с Библейской историей.

Таким образом, «Новгородская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород» сильно отличается от других текстов, отражающих поход 1471 г. Здесь нет политического и религиозного оправдания действиям Ивана III, напротив, они предстают немотивированными, что сближает их с летописными

---

[325] Там же.
[326] Там же.
[327] Там же.
[328] Там же.
[329] Там же.
[330] Там же.
[331] Там же.
[332] Там же.
[333] Там же.
[334] Там же.
[335] Там же.
[336] Там же.
[337] Там же.
[338] Там же.
[339] Там же. С. 316.
[340] Там же.
[341] Там же. С. 314.

образами половецких и татарских набегов. Такое описание поведения московского войска может, на наш взгляд, объясняться эсхатологической направленностью произведения, которая подкрепляется мотивами наказания за грехи и покаяния. В «Новгородской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» отражены социальные и политические противоречия в Новгороде, но автор специально не выражает свою позицию, старается бесстрастно излагать события. Однако автор сочувствует новгородским воеводам и эмоционально выказывает свое отношение к предательству Упадыша, используя риторические вопросы и восклицания, повторение в небольшом фрагменте много раз слова с корнем зъл- и т.д.

Псковская точка зрения на поход Ивана III 1471 г. нашла отражение в двух псковских повестях: в «Псковской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (по Псковской II летописи) и в «Псковской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (по Псковской III летописи).

Остановимся на анализе «Псковской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (по Псковской II летописи). Псковская II летопись – свод конца 80-х годов XV в., основанный на недошедшем до нас Псковском летописном своде 50-х – 60-х гг. XV в. и сохранившийся в Синодальном списке[342].

А.Н. Насонов отмечал, что Синодальный список существенно отличается от других в том числе тем, что в нем с большей подробностью излагаются события 80-х годов XV в. Исследователь считает эту особенность свидетельством обострения классовой борьбы в указанное время[343].

«Псковская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (по Псковской II летописи) обладает небольшим объемом, но содержит значимые в идеологическом плане элементы. Так, в ней, в отличие от «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород», отсутствует связь между смертью новгородского архиепископа Ионы и походом Ивана III.

---

[342] См.: Насонов А.Н. Предисловие // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 6.
[343] Там же.

В начале «Псковской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (по Псковской II летописи) нет мотивировки похода 1471 г., сразу говорится «Князь великий Иванъ Васильевич разверже миръ с Великымъ Новымъгородом…»[344]. Примечательно также, что в данной повести отсутствует такое религиозное и политическое оправдания, как в московских текстах: отступление новгородцев к латыньству, их переход под власть Казимира, обнаружение докончальной грамота с Казимиром, мотивы Божьей помощи войскам Ивана III. Все это сближает «Псковскую повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (по Псковской II летописи) с «Новгородской повестью о походе Ивана III Васильевича на Новгород»

Однако в данной повести дается некоторое обоснование похода 1471 г. в промосковском духе: «…нача искати на новгородцех своих прародителеи старинъ земли и водѣ и всѣх пошлинъ, как пошло от великого князя Ярослава Володимировича, и хотя отмстити Великому Новугородоу древняя нечьсти и многиа грубости бывшиа от них великымъ княземь»[345]. Подобная мотивировка есть и в «Словесах избранных от Святых Писаний…»: новгородцы забыли старину, пошлин не отдают и т.д.

Интересно, что в «Псковской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (по Псковской II летописи) не описываются ни приготовления великого московского князя к походу, ни внутренние разногласия между новгородцами. Автор данного произведения концентрирует внимание на том, что связано непосредственно со Псковом. Важное место в повести занимает рассказ о посольстве Ивана III во Псков, который велел «…псковичамъ възсѣсти на кони на своего брата на Великий Новгородъ…»[346]. Интересно, как псковский летописец оправдывает предательство Псковом Новгорода: Иван III берет на себя ответственность за нарушение псковичами мирного договора («… а что вамъ с Новымъгородом миръ и крестное целование, то яз буду пред богомъ в том

[344] Псковская 2-я летопись // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 54.
[345] Там же.
[346] Там же.

грѣсѣ…»[347]). Маловероятно, что Иван III действительно так сказал (в других текстах о походе 1471 г. ничего подобного не зафиксировано), скорее всего, это прием, оправдывающий участие псковичей в событиях 1471 г.

Далее в «Псковской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (по Псковской II летописи) рассказывается о посольстве Новгорода к Пскову. При этом, новгородцам дается негативная характеристика «…не с поклономъ, ни с чолобитьем, ни с молением, но з гордынею…»[348].

По версии данной повести, и Новгород, и Москва стремятся привлечь псковичей на свою сторону. Действительно, Псков занимал интересное положение в политической системе конца XV – начала XVI в. Считается, что в это время он уже не зависит от Новгорода, но, с другой стороны, остается его «младшим братом». Л.В. Черепнин отметил, что в 60-е гг. отношения между Новгородом и Псковом были весьма напряженные (новгородцы не оказали помощи псковичам во время их войны с Орденом; псковичи захватили земли новгородского дома св. Софии; Пскова стремился добиться церковной независимости от Новгорода)[349]. В то же время Псков нуждался в поддержке Москвы для обороны границ (к началу 70-х гг. сложилась непростая для Пскова внешнеполитическая ситуация). Отчасти поэтому псковичи соглашаются выступить против Новгорода[350].

В «Псковской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (по Псковской II летописи) описывается военном участии псковичей в московской кампании. Шелонская битва – центральная битва новгородского похода Ивана III 1471 г. – изображена как бы со стороны. При описании этого ключевого для московских текстов события не используется мотив Божьей помощи.

---

[347] Там же.
[348] Там же. С. 55.
[349] См.: Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV – XV вв. Очерки по социально-экономической и политической истории Руси. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. С. 845.
[350] См. Там же. С. 850–851.

В тексте упоминается жестокая расправа с пленными: «…и секирою отсѣкоша имъ главы, к колоде прикладая»[351]. Псковский книжник не стремится показать христолюбие Ивана III и его нежелание проливать кровь (в отличие от «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» и в «Словесах избранных от Святых Писаний…»).

Хотя А.С. Демин и отмечает особую эмоциональность Псковской II летописи в целом[352], для «Псковской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (по Псковской II летописи) характерна сдержанность оценок. В данном произведении нет изощренных ругательств по отношению к новгородцам и витиеватых похвал благочестию Ивану III (как, например, в «Словесах избранных от Святых Писаний…»).

Таким образом, можно говорить об особой псковской точке зрения на поход 1471 г. В «Псковской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (по Псковской II летописи) внимание концентрируется на том, что происходит с Псковом и псковичами. Это выражается в отборе событий и сдержанности оценок. Именно поэтому центральным эпизодом становится повествование о посольстве Москвы и Новгорода во Псков. Хотя псковичи и выступают на стороне Москвы, они стараются сохранить хорошие отношения с Новгородом, поэтому псковские авторы стараются придерживаться относительно нейтральной и отстраненной манеры, не восхваляя великого князя и не очерняя новгородцев (как это делается в московских текстах).

Рассмотрим вторую повесть, отражающую псковскую точку зрения на поход 1471 г., – «Псковскую повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (по Псковской III летописи).

---

[351] Псковская 2-я летопись // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 55.

[352] «…«Псковская вторая летопись», пожалуй, усилила экспрессию: в ней последовательно сокращались тексты протографа, но зато последовательно же вставлялись новые, более яркие упоминания чувств, как правило, отрицательных» (Демин А.С. Древнерусская литература: Опыт типологии с XI по середину XVIII вв. от Илариона до Ломоносова. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 224).

Псковская III летопись – свод 1567 г., созданный игуменом Псково-Печерского монастыря Корнилием[353]. Источники, из которых взяты сведения до 80-х гг. XV в., до нас не дошли, однако А.Н. Насонов реконструирует свод 1481 г. и некий второй источник протографа Строевского списка как основу Псковской III летописи[354]. Так, «Псковская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (по Псковской III летописи) не связана генетически с «Псковской повестью о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (по Псковской II летописи).

Текст летописной статьи 6979 г. в Псковской III летописи достаточно объемный, однако в нем не выделяется единая повесть о походе 1471 г. на Новгород. Описание событий данного похода перемежается с повествованиями о внешнеполитических взаимодействиях Пскова (приезд посла рижского магистра, его претензии на некоторые псковские земли) и о внутренних псковских проблемах (насыщенный риторикой, ссылками на Священное писание рассказ о «крамоле» в Пскове).

Идеологически «Псковская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (по Псковской III летописи) близка «Псковской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (по Псковской II летописи). В ней так же не комментируется преставление Ионы, поход 1471 г. мотивируется тем, что «…не добиеть челом Великои Новъгород о моих старинах…»[355], ключевым эпизодом новгородского похода Ивана III изображается борьба Москвы и Новгорода за то, чтобы склонить на свою сторону Псков.

В «Псковской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (по Псковской III летописи) о князе Михаиле Олельковиче, приехавшем в Новгород, говорится, что он «… ис королевы роукы новогородци

---

[353] См.: Насонов А.Н. Предисловие // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 6.

[354] См.: Насонов А.Н. Приложение. Схематическое изображение генезиса летописных памятников Пскова // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. LXIII.

[355] Псковская 3-я летопись // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 173.

испросенъ…»[356]. Это высказывание отражает московский взгляд на события 1471 г. (в московских текстах тоже говорится, что приезд Михаила Олельковича – результат просьбы новгородцев к Казимиру властвовать над ними). Однако прямого обвинения новгородцев в исследуемой повести предательстве Ивана III нет. Автор данного текста старается занять нейтральную позицию.

В «Псковской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (по Псковской III летописи) есть уникальные сведения о выборе новгородского архиепископа и расправе новгородцев над одним из кандидатов в архиепископы[357]). Интересным также является рассказ о том, как на вече псковичи, которые до этого были незаконно заключены в Новгороде на полгода и лишены своего имущества[358], потребовали с новгородского посла компенсировать имущество. Так, в повести больше внимания уделяется внимания интересам Пскова, чем конфликту Москвы и Новгорода.

Много внимания уделяется в данной повести участию в походе 1471 г. в московской кампании псковичей. В этом плане показательно то, что повествование о новгородском походе Ивана III заканчивается фразой: «вся сила псковская поидоша къ Псковоу добри здорови, с велико честью и со многим добытком»[359] (московские повести обычно завершаются возвращением Ивана III в Москву).

Таким образом, «Псковская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (по Псковской III летописи) выделяется весьма условно, так как описание событий похода 1471 г. перемежается с повествованиями о других событиях, связанных с Псковом. В центре внимания данной повести находятся

---

[356] Там же. С. 172.

[357] В летописи приводится достаточно эмоциональное описание сцены расправ: «…великим, силным избещестовавъ бесчестиемъ, на крѣпости издержавъ, самого измоучивъ, и кажноу вшоу в него розграбили, и кончее самого на 1000 роублевъ тѣлом его продали…» (Псковская 3-я летопись // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 172).

[358] См. цитату: «…были в Новѣгородѣ в порубах приобижени и измучени… сами полоу году сѣдели на крѣпости измоучени в железахъ…» (Псковская 3-я летопись // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 174).

[359] Там же. С. 185.

борьба Москвы и Новгорода за то, чтобы Псков выступил на их стороне, и участие псковичей в походе 1471 г.

2.2. Новгородский поход Ивана III 1475–1476 гг. по летописям XV – XVI вв.[360]

Новгородский поход Ивана III 1475–1476 гг. отразился в меньшем количестве летописей, чем поход 1471 г. Тексты об этом походе меньше по объему и менее художественны, чем произведения о первом походе Ивана III. Они больше ориентированы на документальное изложение фактов. Несмотря на это, идеологические позиции этих текстов достаточно хорошо определяются.

Московскую точку зрения на поход 1475–1476 гг. отражают повесть «О поезде великого князя в Новгород», Московские рассказы о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III (по Воскресенской летописи, Степенной книге и Мазуринскому летописцу), Краткие московские рассказы о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III. Их объединяет то, что в них поход 1475–1476 гг. представлен как мирное мероприятие.

Наиболее распространена в русском летописании повести «О поезде великого князя в Новгород», которая, по нашему мнению, существует в двух редакциях. Повесть «О поезде великого князя в Новгород» (редакция 1) находится в Московском своде конца XV в., Симеоновской, Львовской, Софийской II, Иоасафовской, Никоновской летописях, Лицевом летописном своде.

Данный текст по происхождению связан с московским великокняжеским летописанием. Напомним, что Московский свод конца XV в. –

---

[360] При написании данного параграфа были использованыследующие работы автора: Демичева Н.А. Легитимизация присоединения Новгородской земли к Москве в московском летописании XV – XVI вв. // История государства и права. М., 2014. № 17. С. 16–22; Демичева Н.А. Московские летописные произведения о новгородском походе 1475–1476 гг. (проблематика и текстология) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. М., 2018. № 1. С. 179–189; Демичева Н.А. Повествования о новгородских походах Ивана III в контексте Софийской II летописи // Студенческий гений – 2014: сборник статей по материалам XII Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (22 мая 2014 г.). Н. Новгород: Гладкова О.В., 2014. С. 223–227.

«…великокняжеская летопись в редакции 1-й пол. 1490-х гг.»[361] Известия с 1410 по 1493 г. в Симеоновской летописи излагаются по Московскому своду конца XV в.[362] Иоасафовская летопись сохранила «…в своем составе части московского летописания XV – начала XVI в.»[363] Иоасафовская летопись в свою очередь является «…одним из основных источников грандиозного Никоновского летописного свода…»[364]. К тому же, Никоновская летопись была создана и функционировала при московской митрополичьей кафедре[365]. Лицевой летописный свод создавался в период 1568–1576 гг. по заказу Ивана IV[366] и основывался на таких источниках, как Никоновская летопись, Воскресенская летопись третьей редакции, Летописные своды 1518 г. и 1560 г., Новгородский свод 1538 г., Степенная книга первой редакции, Летописец начала царства поздней редакции, Постниковский летописец и др.[367]

В основе Софийской II и Львовской летописей лежит свод 1518 г., который в свою очередь включает в себя переработанный независимый свод конца XV в. (1489–1490 гг.)[368]. Важным является то, что свод конца XV в. вышел «…из среды оппозиционного духовенства»[369], а в своде 1518 г. «…уже не было признаков оппозиции великокняжеской власти»[370]. Повесть о походе 1475–1476 гг. также является вставкой составителя свода 1518 г. Дело в том, что

---

[361] Лурье Я.С. Летописный свод Московский великокняжеский кон. XV в. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. С. 34.
[362] См.: Клосс Б.М. Предисловие с изданию 2007 г. // Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. Изд. 2-е. Симеоновская летопись. М.: Знак, 2007. С. V.
[363] Зимин А.А. Предисловие. // Иоасафовская летопись / Под редакцией А. А. Зимина. М., Издательство Академии наук СССР, 1957. С. 3.
[364] Там же.
[365]См.: Клосс Б.М. Летопись Никоновская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XIV—XVI в. Вып. 2. Ч. 2. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. С. 50–51.
[366] См.: Клосс Б.М. Летописный свод Лицевой // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XIV—XVI в. Вып. 2. Ч. 2. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. С. 30.
[367] См.: Морозов В.В. От Никоновской летописи к Лицевому летописному своду (Развитие жанра и эволюция концепции) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т.44. Л.: Наука, 1990. С. 247.
[368] См.: Лурье Я.С. Независимый летописный свод конца XV в. – источник Софийской II и Львовской летописей // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 27. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. С. 405–419.
[369] Там же. С. 418.
[370] Там же. С. 418–419.

в Софийской II летописи под 1474 г. (видимо, дата ошибочна и речь идет о том же самом походе) говорится: «Тое ж(е) осени м(е)с(я)ца октебря 2 ездилъ княз(ь) велики во свою отчину, а тамо ноугородци не дашас(ь) ему в суд. Кн(я)зь велики поимав их и посади в Переславли»[371]. Эту летописную запись Лурье считает первичной, а статью «О поезде великого князя в Новгород» (редакция 1) – поздней вставкой из великокняжеского свода[372]. Это подтверждается тем, что повесть «О поезде великого князя в Новгород» (редакция 1) по своей тенденциозности схожа с повестью «О осьмом соборе», «Словесами избранными от Святых Писаний…» и другими вставками составителя свода 1518 г. Вероятно, это произведение было заимствовано из Московского летописного свода конца XV века.

Повесть «О поезде великого князя в Новгород» (редакция 1) является самым большим по объему и подробным текстом о новгородском походе Ивана III 1475–1476 гг. Сюжет этого произведения состоит из череды встреч Ивана III со знатными новгородцами, принятия от них даров, пиров с новгородцами и решения их споров. Возможно, такой принцип изложения связан с тем, что в основу данного текста положен великокняжеский итинерарий, однако четких доказательств этому нет. Можно сказать только, что стиль повести близок стилю деловых документов. Так, О.Ю. Чирейкина рассмотрела шаблон, по которому описываются встречи Ивана III с новгородцами, и выявила сходство таких описаний с описаниями в разрядных книгах[373].

Важно, что в отличие от похода 1471 г., во время похода 1475–1476 гг. Иван III, в изложении повести «О поезде великого князя в Новгород» (редакция 1), не предпринимал военного вторжения. Эту особенность отмечал еще Л.В. Черепнин: «Хотя Иван III отправился в Новгород в сопровождении

---

[371] Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 221.

[372] См.: Лурье Я.С. Независимый летописный свод конца XV в. – источник Софийской II и Львовской летописей // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 27. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. С. 413–414.

[373] Чирейкина О.Ю. Повести о присоединении Новгорода к Москве в летописях XV – XVII вв. и литературных сборниках: дис. ... канд. филолог. Наук: 10.01.01. Барнаул, 2001. С. 94–95.

большой военной силы, его поездке был придан характер мирного акта («пошел… миром»)»[374]. Интересна также трактовка историка этой ключевой фразы: «Выражение «пошел… миром» – это переделка московскими летописцами слов новгородских летописей: «приехал… на миру». В результате такой переделки смысл текста в корне изменился. В первом случае речь шла нарушении московским правительством мира с Новгородом. Во втором – о мирном правительственном визите в Новгород»[375].

В повести «О поезде великого князя в Новгород» (редакция 1) Иван III охарактеризован положительно («… а кн(я)зь велики стояше на службе тъи умилнѣ и бл(а)гочиннѣ…»[376]). Изображается, как великий князь молится. Так создается образ благочестивого правителя, в этом плане повесть «О поезде великого князя в Новгород» (редакция 1) сближается с «Московской повестью о походе Ивана III Васильевича на Новгород» и «Словесами избранными…».

Особенностью данного текста является то, что новгородцы изображаются там как благосклонно относящиеся к походу Ивана III: «… и вес(ь) Великии Новгород с великою любовию срѣтоша…»[377], «… да вси без омѣнки обратишас(ь) к нему с любовию…»[378]. Интересно, что в Московском своде конца XV в. вместо «… и вес(ь) Великии Новгород с великою любовию срѣтоша…»[379] читается «…и весь Великий Новгород, государь их невѣгласов, непоставнии людие»[380]. По мнению О.В. Чирейкиной, таким образом создатель данного свода выразил саркастическое отношение к «республиканской» форме организации социально-политической жизни Новгорода, в то время как в Софийской II, Львовской и Никоновской летописях выбрана более корректная формулировка с целью

---

[374] Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV – XV вв. Очерки по социально-экономической и политической истории Руси. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. С. 863.
[375] Там же. С. 863–864.
[376] Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 245.
[377] Там же.
[378] Там же. С. 246.
[379] Там же. С. 245.
[380] Московский летописный свод конца XV в. // Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 305.

не задеть чувства новгородцев[381]. На наш взгляд, правка этой фразы могла и не иметь столь важного идеологического значения. Ведь новгородское самоуправление напрямую критикуется в другом месте повести «О поезде великого князя в Новгород» (редакция 1), которое читается в указанных летописях без существенных разночтений. К тому же, вряд ли для книжника было важным пощадить чувства новгородцев (в «Словесах избранных от Святых Писаний…», включенных в Софийскую II и Львовскую летописи, о новгородцах говорятся намного более резкие слова).

Постоянно акцентируется внимание на том, что новгородцы жалуются на своих же сограждан. Причину этого автор видит в новгородском самоуправлении[382]. Иван III, по свидетельству этой повести, успешно решал споры новгородцев и наказывал виновных. Автор повести таким образом показывает, что Новгород должен подчиниться Ивану III, чтобы тот навел там порядок.

Ключевым судебным делом представлена жалоба новгородцев Славковой и Микитиной улиц на новгородских бояр и посадника за грабежи и убийства. Последние были признаны виновными. Интересно, что Иван III сразу после этого велел некоторых из этих людей лишить свободы за что «…мыслили Великому Новугороду датися за короля»[383]. Несмотря на просьбы новгородского архиепископа, «… не отпустил княз(ь) велики ни единог(о)»[384]. При отказе Иван III приводит следующий аргумент: «Вѣдомо тебе, б(о)гомолцу нашему,

---

[381] Свою мысль О.Ю. Чирейкина сформулировала следующим образом: «Летописец МС 1479 г. не скрыл сарказма в отношении легитимности новгородского органа самоуправления, тогда как в С II, Льв. и Ник. ему дана совершенно другая обтекаемая дипломатичная формулировка, не оскорбляющая чувств новгородцев, а наоборот, подчеркивающая отсутствие противоречий между Москвой и Новгородом. Вероятно, по прошествии времени, когда спала острота проблемы, и была подправлена эта фраза» (Чирейкина О.Ю. Повести о присоединении Новгорода к Москве в летописях XV – XVII вв. и литературных сборниках: дис. ... канд. филол. Наук: 10.01.01. Барнаул, 2001. С. 92).

[382] См. об этом следующий фрагмент: «Понеж(е) бо земля она от многа лѣтъ въ своеи воли живяху, а о великих князех, отчине своеи, небрежаху и не послушаху их. И мног(о) зла бѣ в земли тъи, межи себе убииства и грабежи, и домом разорение от них напрасно, кои с котораго сможаше» (Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 244 – 245).

[383] Там же. С. 248.

[384] Там же. С. 252.

и всему Новугороду, отчине нашеи, колико от тѣх бояр и наперед сего лихо чинилос(ь). А и нынѣчя, что ни есть лиха в нашей отчинѣ, то все от них чинится. Ино како ми за то их лихо жаловати?»[385] Получается, что оппозиционные (выступающие в 1471 г. за то, чтобы подчиниться Казимиру IV) бояре дискредитированы: они понесли наказание как грабители и убийцы.

Акцент делается на том, что Новгород – отчина великого московского князя и все действия Ивана III во время похода 1475–1476 гг. легитимны. Показательным является эпизод, в котором посол «от короля свиискаго от Герстура» (речь идет о Стене Стуре Старшем, который в то время был регентом Швеции) просил у великого князя, чтобы тот разрешил Новгороду продлить перемирие со шведским королем.

Таким образом, в данной повести идеологически ситуация представлена так: новгородцы «с любовию» встречают Ивана III, как бы отказываясь от сопротивления, которое они пытались оказать в 1471 г; они позволяют великому князю разбирать их внутренние судебные дела и заключают внешнеполитический договор только с его позволения. Все поступки Ивана III показаны как легитимные действия князя по отношению к своей отчине. Немаловажными также являются черты христолюбивого князя в образе Ивана III. Повесть «О поезде великого князя в Новгород» (редакция 1) написана стилем, близким к документам, ориентирована на достаточно сухое изложение фактов, в ней нет таких ярких образов и средств художественной выразительности, как в «Словесах избранных от Святых Писаний…» и «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород».

Повесть «О поезде великого князя в Новгород» (редакция 2) читается в дополнительной тетради к Бальзеровскому списку Софийской I летописи младшей редакции, в Новгородской II, Новгородской летописи Дубровского и дополнительной статье в Новгородской Большаковской летописи. Оговоримся,

[385] Там же. С. 248.

что, возможно, этот текст не является непосредственно редакцией повести «О поезде великого князя в Новгород», а имеет с ней общий источник[386].

Эта редакция, вероятно, относится к первой трети XVI в. Так, дополнительная тетрадь к Бальзеровскому списку Софийской I летописи содержит информацию о событиях 1472–1518 гг. Я.С. Лурье писал, что свод 1539 г., дошедший в Новгородской летописи Дубровского представляет собой «…компиляцию, соединяющую HIV второй редакции со сводом, состоящим частью из новгородских… частью из общерусских статей…»[387] (к общерусским относится и летописная статья о походе 1475–1476 гг.). Исследователями отмечалось, что составитель данного свода был сторонником присоединения Новгородской земли к Великому княжеству Московскому[388]. Новгородская II (Архивская) летопись представляет конволют из летописных текстов, в том числе XVI в.[389]. В Новгородской Большаковской летописи XVI в. со статьи 6984 г. до 7002 г. московский великокняжеский материал, близкий Сокращенному своду 1495 г., сочетается с новгородскими текстами[390].

В второй редакции повести «О поезде великого князя в Новгород», так же как и в первой редакции, указывается, что великий князь «…поиде… миромъ»[391], и представляется череда встреч Ивана III с новгородцами с указанием дат

---

[386] См.: Лурье Я.С. Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 1994. С. 153.

[387] Там же. С. 19.

[388]См.: Азбелев С.Н. Две редакции новгородской летописи Дубровского//Новгородский исторический сборник. Вып. 9. Новгород, 1959. С. 220.

[389] О.Л. Новикова писала об Архивской летописи следующее: «…никогда не существовала в действительности и является плодом совместного труда архивистов XIX в., переплетчиков, издателей и исследователей, а летописные тексты, сохранившееся в составе конвоюта, остаются одним из важнейших источников по истории Новгородской земли XVI столетия» (Новикова О.Л. Предисловие к изданию 2009 г. // Полное собрание русских летописей. Т. XXX. Изд. 2-е. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. С. XX).

[390] См.: Конявская Е.Л. Эпоха Ивана III в Новгородской Большаковской летописи XVI в. // Труды Кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. 1: (Материалы международной научной конференции «Иван III и проблемы российской государственности: к 500-летию со дня смерти Ивана III (1505–2005)», 25–26 ноября 2005 г.). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета (СПбГУ), 2006. С. 76.

[391] Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001.С. 16.

и перечислением подарков. Однако не все встречи, которые есть в повести «О поезде великого князя в Новгород» (редакция 1), отражены в этой редакции. Отметим, что в летописях, содержащих вторую редакцию, также имеются разночтения при описании событий 1475-1476 гг. При этом текст повести в Большаковской летописи ближе к тексту в Новгородской II, чем в летописи Дубровского (см. Приложение 2, таблица 5).

Во второй редакции также есть сообщение, отсутствующее в первоначальной повести: «Того же мѣсяца въ 16 пріѣхалъ владыка Феофилъ къ великому князю съ челобитьемъ, съ половиною волостей владычнихъ да съ половиною земли отъ шти монастырей: Юрьева монастыря, Антоньева монастыря, Аркажского монастыря, Благовѣщенского монастыря, Николского монастыря, Сковородки въ Неревскомъ концы Михаиловского монастыря»[392] (далее идет перечисление того, какие волости взял у монастырей и сколько в них обеж). Это сообщение относится к повести о новгородском походе Ивана III 1477–1478 гг.[393], при этом изложения эпизода совпадают не полностью, в том числе указывается различная площадь монастырских земель.

Однако более существенным является отсутствие в данном тексте важных идеологических элементов: 1) указания на то, что новгородцы встречают великого князя «с любовию»; 2) эпизода с судом Ивана III над посадником и боярами; 3) эпизода с заключением внешнеполитического договора Новгорода с разрешения Ивана III. О пойманных посадниках и боярах и их ссылке по другим городам говорится уже после логического завершения повести – сообщения об отъезде великого князя из Новгорода, обоснование их ареста отсутствует.

Таким образом, вторая редакция повести «О поезде великого князя в Новгород» значительно меньшего объема, чем первая. В ней отсутствует часть описаний встреч и пиров. В данный текст включен элемент повести о походе 1477–1478 гг. Этот текст характеризуется отсутствием важных идеологических

---

[392] Там же. С. 17.

[393] См.: Московский летописный свод конца XV в. // Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 319.

элементов, связанных с изображением законности власти великого князя в Новгороде, добровольного подчинения новгородцев Ивана III.

Поход Ивана III 1475–1476 гг. также отразился в московских рассказах о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III (по Воскресенской летописи, Степенной книге и Мазуринскому летописцу) и в кратких летописных рассказах о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III.

Рассказ о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III (по Воскресенской летописи) и Рассказ о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III (по Степенной книге и Мазуринскому летописцу) настолько малы, что сложно сказать, являются ли разночтения свидетельством того, что это разные редакции одного текста, или того, что это разные тексты, имеющие общий источник. В любом случае их можно рассматривать вместе.

Московские рассказы о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III (или их общий источник), судя по всему, следует датировать первой половиной XVI в. Дело в том, что «…1) дошедший до нас текст Воскресенской летописи оканчивался изложением событий августа 1541 года; 2) Воскресенская летопись была составлена между 19 марта 1542 и 8 октября 1544 года…»[394] Степенная книга, вероятно, создана московским митрополитом Афанасием в 1560–1563 гг.[395] Мазуринский летописец составлен в последней четверти XVII века («Заканчивается летописец большой повестью о Московском восстании 1682 г. …»[396]).

Уже на основании этих текстологических фактов мы не можем согласиться с утверждениями О.Ю. Чирейкиной о том, что в рассказе Мазуринского летописца отражена позиция книжника XVII в., которого в меньшей степени

---

[394] Левина С.А. О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI века // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 11. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 379.

[395] См.: Покровский Н.Н. Афанасий (в миру Андрей) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. С. 74–75.

[396] Буганов В.И. Предисловие // Полное собрание русских летописей. Т.XXXI. М.: Наука, 1968. С. 3.

волновали события конца XV в.[397]. Отметим, что рассказ в Мазуринском летописце не может отражать взгляд человека XVII в., так как он идентичен рассказу в Степенной книге 60-х гг. XVI в. и явно был из нее заимствован. К тому же, мы склонны считать, что Рассказ о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III (по Степенной книге и Мазуринскому летописцу) является редакцией Рассказа о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III (по Воскресенской летописи).

Данные тексты имеют схожую структуру: отправление Ивана III в поход 22 октября; встреча великого князя с новгородским архиепископом, посадниками и боярами, земскими людьми, чернью; жалоба земских людей и черни на посадников и бояр; арест и ссылка в другие города других виновных бояр; выезд из Новгорода 26 января; приезд в Москву 8 февраля.

Отметим, что в рассказе по Воскресенской летописи больше деталей. Так, в нем, в отличие от рассказа Мазуринского летописца, 1) указано название реки, на которой новгородцы встретили Ивана III, («… на рѣцѣ Холовѣ…»[398]), 2) дан список бояр и посадников, которых Иван III велел оковать и разослать по другим городам.

В рассказе о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III (по Степенной книге и Мазуринскому летописцу) присутствуют 1) мотивировка похода («…хотя миромъ и любовію исправити непостоянный нравъ жестосердных тамошьнихъ людей»[399]), 2) оценка суда Ивана III («...по праведному суду…»[400]). Так, редакция рассказа в Степенной книге ярче отражает московскую точку зрения на события

---

[397] О.Ю. Чирейкина формулирует этот тезис таким образом: «Это изложение – как бы взгляд постороннего наблюдателя. Вероятно, летописателя XVII в. не волновали в такой степени, как современников, московско-новгородские отношения конца XV в., отсюда и обтекаемый стиль повествования. Но вполне возможно, что здесь нашла отражение политическая позиция XVII в. по вопросу объединения русских земель вокруг Москвы»Чирейкина О.Ю. Повести о присоединении Новгорода к Москве в летописях XV – XVII вв. и литературных сборниках: Дис. ... канд. филолог. наук. Барнаул, 2001. С. 99–100.

[398] Продолжение летописи по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. VIII. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1859. С. 181.

[399] Книга Степенная царского родословия // Полное собрание русских летописей. Т. XXI. Ч. 2. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1913. С. 543.

[400] Там же.

1475–1476 гг., противопоставляя образ праведного и мирного Ивана III образу жестокосердных новгородцев.

Таким образом, тексты о походе 1475–1476 гг. (по Воскресенской летописи, Степенной книге и Мазуринскому летописцу) отражают московскую точку зрения. К тому же, авторы этих текстов воспринимают события конца XV в. отнюдь не отстраненно, и их идеологическая позиция хорошо соотносится с московской великокняжеской повестью «О поезде великого князя в Новгород».

Краткие летописные рассказы о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III присутствуют в Типографской, Вологодско-Пермской, Ермолинской летописях, в Сокращенных сводах 1493 и 1495 гг., в Летописных сводах 1497, 1518 гг. Отметим, что все перечисленные летописи испытали влияние великокняжеского летописания и при изложении событий новгородского похода 1475–1476 гг. придерживаются московской точки зрения. Так во всех этих кратких рассказах есть указание на «мирность» похода (в Типографской летописи и Летописном своде 1497 г.: «… поиде князь Иванъ Васильевичь к Новугороду, на свою отчиноу, добровольно…»[401], в остальных: «…поиде… миромъ»).

В Сокращенном своде 1495 г. и Вологодско-Пермской летописи краткий рассказ состоит из двух предложений, повествующих об отправлении в Новгород и возвращении в Москву. В Сокращенном своде 1493 г. имеется еще один структурный элемент – информация об аресте 6 посадников и бояр (с перечислением имен).

Рассказ Типографской летописи и Летописного свода 1497 г. имеет специфику: 1) добавляется: «… и дасть оуправу Великомоу Новугороду, приведе ихъ во всю свою волю…»[402]; 2) отмечается, что Иван III получил много имущества; 3) возвращение великого князя в Москву охарактеризовано формулой «…с великою честію…»[403]. Эти особенности отражают московскую точку зрения.

---

[401] Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. Петроград: 2-я Государственная типография, 1921. С. 195.
[402] Там же.
[403] Там же.

Таким образом, краткие летописные рассказы о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III отражают московскую точку зрения.

Рассказ о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III, отражающий **новгородскую точку зрения** на события 1475–1476 гг., читается в Строевском списке Новгородской IV летописи, списке Мациевича Устюжской летописи и Архангелогородском летописце.

Как уже говорилось, по мнению многих ученых, Новгородская IV летопись имеет общий источник с Софийской I, которая «…может без преувеличения быть названа основой всего общерусского московского летописания второй половины XV и XVI в.»[404]. По этой причине закономерно ставился вопрос о новгородском или московском происхождении Новгородской IV летописи. Соглашаясь с точкой зрения Г.М. Прохорова о том, что Софийская I и Новгородская IV летописи являются соответственно московским и новгородским вариантами общерусского свода, Т. Ю. Фомина считает целесообразным рассматривать Новгородскую IV летопись «…в числе памятников новгородского летописания»[405].

Список Мациевича и Архангелогородский летописец созданы в начале XVI в. на севере Русского государства, но имеют общерусский характер[406]. Однако они содержат элементы новгородского летописания.

Новгородский рассказ о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III отличается от рассмотренных ранее текстов тем, что поход не рассматривается как мирный («…в силѣ велицѣ, на миру…»[407]). В нем говорится о том, что великий князь оккупировал все монастыри и дворы, что характеризует Ивана III отнюдь не положительно. В конце рассказа (по Строевскому списку Новгородской IV летописи) «…а в то время Новгородцкои области оубытка много

---

[404] Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV – XV вв. Л.: Наука, 1976. С. 67.
[405] См.: Фомина Т.Ю. Новгородское летописание XI – XVII вв.: отечественная историография. М.: Университетская книга, 2008. С. 17.
[406] Лурье Я. С. Летопись Устюжская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.2. Ч. 2. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. С. 67.
[407] Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1925. С. 449.

с кровью»[408], что подчеркивает военный характер похода и тяжелые последствия для новгородцев.

Таким образом, новгородский рассказ о походе 1475–1476 гг. Ивана III отражает новгородскую точку зрения. Поход Ивана III представляется не как мирная акция, а как оккупация: говорится о том, что было много крови, акцентируется внимание на том, что это все происходило во время мира между Новгородом и Москвой.

Псковскую позицию отражает Псковская повесть о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III, находящаяся в Псковской III летописи – своде 1567 г., созданном игуменом Псково-Печерского монастыря Корнилием[409]. Источники, из которых взяты сведения до 80-х гг. XV в., до нас не дошли, однако А.Н. Насонов реконструирует свод 1481 г. и некий второй источник протографа Строевского списка как основу Псковской III летописи[410].

Псковская повесть о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III отличается от других рассмотренных текстов о походе 1475–1476 гг. тем, что в ней больше внимания уделяется описанию не самих событий похода, а взаимоотношений Пскова и великого московского князя. Ключевым эпизодом произведения является посольство псковичей к Ивану III в Новгород, «…чтобы князь великои держалъ Псковъ свою вотчиноу в старине…»[411]. Новгородско-московские же отношения представляются в изображении Псковской повести о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III как фоновые события псковского посольства к великому московскому князю, разрешения конфликта псковичей с наместником Ивана III князем Ярославом. Рассказ о действиях Ивана III является своеобразной композиционной рамкой, обрамляющей повествование о псковско-московских отношениях.

---

[408] Там же.

[409] См.: Насонов А.Н. Предисловие // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 6.

[410] См.: Насонов А.Н. Приложение. Схематическое изображение генезиса летописных памятников Пскова // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. LXIII.

[411] Псковская 3-я летопись // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 200.

В отличие от московских текстов, в Псковской повести о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III нет формулы «поиде миромъ», но есть указание на то, что великий московский князь был «…со многою силою…»[412], что сближает данное произведение с Новгородским рассказом о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III. Мотивировкой похода выступает то, что часть населения обратилась к великому московскому князю с просьбой защитить ее от притеснений боярства[413]. Так, псковский летописец не подвергает сомнению право Ивана III судить новгородцев и арестовывать посадников и бояр. Однако в Псковской повести о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III, в отличие от повести «О поезде великого князя в Новгород» (редакция 1), не создается образ христолюбивого князя (нет положительных эпитетов, не показаны сцены молитвы великого московского князя), не дается указание на то, что арестованные новгородцы поплатились за то, что «…мыслили Великому Новугороду датися за короля»[414].

С Новгородским рассказом о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III данную повесть сближает подчеркивание военного характера похода и тяжелых последствий для новгородцев: «…было от нихъ силно, много христианъ пограблено по дорогам и по селомъ и по монастыремъ и числа краа нѣт, тако же и владыке и посадникомъ и всемоу Новугородоу кормом и даровы и всемоу сполоу числа краа нетъ колко золота и серобра вывеже от них»[415]. В этом пассаже обнаруживается эмоциональное восприятие псковским книжником событий в Новгороде 1475–1476 гг. Оно выражено с помощью синтаксического параллелизма, подкрепленного повторением выражения «числа краа нѣт»[416],

---

[412] Там же.

[413] См. цитату: «… люди житии и моложьшии сами его [*НД*: Ивана III] призвали на тыя оуправи, что на нихъ насилье держать какъ посадники и великыя бояри, никомоу их соудити не мочи, тии насильники творили, то их тако же иметь князь великои соудом по их насилствоу по мздѣ соудити» (Псковская 3-я летопись // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 200).

[414] Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 248.

[415] Псковская 3-я летопись // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 202.

[416] Там же.

рядов однородных членов («…силно, много…»[417], «…по дорогам и по селомъ и по монастыремъ…»[418], «…и владыке и посадникомъ и всемоу Новугородоу…»[419]).

Таким образом, Псковская повесть о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III отражает псковскую точку зрения на события 1475–1476 гг. В отличие от других текстов о новгородском походе Ивана III 1475–1476 гг., композиционным центром данной повести является эпизод, связанный с посольством псковичей к Ивану III в Новгород. Особенность Псковской повести о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III – отсутствие легитимизации похода, указание на его немирный характер, сочувствие к пострадавшему от грабежей и поборов московских войск Новгороду. Псковский книжник достаточно эмоционально показывает свое отношение к событиям в Новгороде 1475–1476 гг. с помощью особых синтаксических построений.

2.3. Летописные произведения XV – XVI вв. о новгородском походе Ивана III 1477–1478 гг.[420]

Третий поход (1477–1478 гг.) Ивана III является завершающим этапом присоединения Новгородской земли к Великому княжеству Московскому и разрушения новгородской государственности. В летописании XV – XVII вв. представлены две точки зрения на события 1477–1478 гг.: московская и псковская.

---

[417] Там же.
[418] Там же.
[419] Там же.
[420] При написании данного параграфа были использованы следующие работы автора: Демичева Н.А. Легитимизация присоединения Новгородской земли к Москве в московском летописании XV – XVI вв. // История государства и права. М., 2014. № 17. С. 16–22; Демичева Н.А. Повествования о новгородских походах Ивана III в контексте Софийской II летописи // Студенческий гений – 2014: сборник статей по материалам XII Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (22 мая 2014 г.). Н. Новгород: Гладкова О.В., 2014. С. 223–227; Демичева Н.А. Специфика «Великокняжеской повести о походе Ивана III 1477–1478 гг.» // Человек и общество в противоречиях и согласии: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Н. Новгород: Гладкова О.В., 2014. С. 47–51.

Московская точка зрения отражена в Московской повести о новгородском походе Ивана III 1477–1478 гг., в повести «О войне на Новгород», в Краткой московской повести о походе 1477–1478 гг. (по Мазуринскому летописцу). Отметим, что авторы повестей о походе 1477–1478 гг. использовали художественные приемы повестей о первом и втором походах Ивана III. Так, в Московской повести о новгородском походе Ивана III 1477–1478 гг. (редакция 1) создается негативный образ новгородцев: их называют отступниками, изменниками и преступниками крестного целования, как в московских повестях о походе 1471 г. Раскол новгородцев так же описывается в тех же выражениях, что и московских произведениях о походе 1471 г. В этом произведении создается положительный образ Ивана III, который похож на изображение этого великого князя в «Словесах избранных от Святых Писаний…». Московская повесть «О войне на Новгород» имеет больше черт, позволяющих ее относить к воинским повестям: в ней больше внимания уделяется описанию военных действий, а не оправданию новгородского похода 1477–1478 гг. Однако московская позиция автора выражена четко.

Текст Московской повести о походе 1477–1478 гг. (редакция 1) содержится в Московском своде конца XV в., Симеоновской, Львовской, Софийской I, Софийской II, Иоасафовской, Никоновской, Воскресенской летописях, Степенной книге. Как уже отмечалось, эти летописи связаны с московским великокняжеским летописанием.

Важной идеологической особенностью Московской повести о походе Ивана III 1477–1478 гг. (редакция 1) является то, что делается акцент на причине похода. В начале летописной статьи 1477 г. сообщается, что новгородский архиепископ Феофил и весь Великий Новгород послали к великому князю послов Назара и Захария «…бити челом и называти себѣ их государи…»[421]. В повести акцентируется внимание на том, что такая номинация используется по отношению к великому московскому князю впервые: «…никоторого великого

[421] Московский летописный свод конца XV в. // Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 309.

князя государемъ не зывали, но господином»[422]. Отметим, что автор выбирает форму итератива «не зывали», чтобы подчеркнуть, что этого действия не было никогда. Интересно, что повесть завершается фразой «А как и стал Новгород, Русская земля, таково изволенье на них не бывало ни от которого великого князя, да ни от иного ни от кого»[423]. Итератив «не бывало» подчеркивает беспрецедентность данного события, и получается, что текст имеет своеобразную кольцевую композицию.

Причина похода излагается в данном тексте следующим образом: в ответ на признание его государем Иван III послал послов в Новгород «…покрепити того, какова хотят государьства их отчина их Великы Новгород»[424], новгородцы же отпирались (категоричность этого отпора подчеркивает итератив «не посылывали»[425]) и «…назвали то лжею»[426]. По версии данной повести, причиной похода является такое вероломное поведение новгородцев[427]. Заметим, что наличие мотивировки похода сближает данную повесть о новгородском походе 1477–1478 гг. с московскими произведениями о походе 1471 г. («Московской повестью о походе Ивана III Васильевича на Новгород», повестью «О брани на Новгород», «Словесами избранными…»).

К тому же, в Московской повести о походе Ивана III 1477–1478 гг. (редакция 1) также подчеркивается мятежность новгородцев, их отступничество: «…възбеснѣша, яко пьянии, инъ инаа глаголаше, и къ королю пакы въсхотѣша»[428]. В вину новгородцам автор данной повести, помимо оскорбления

---

[422] Там же.
[423] Там же. С. 323.
[424] Там же. С. 309.
[425] Там же.
[426] Там же.
[427] Интересно, что «…сопоставление с фрагментом из свода 1477 г., сохранившемся в «Летописце от 72-х язык», обнаруживает, что первоначально в великокняжеской летописи не было известия о том, что новгородские послы назвали Ивана III «государем», – очевидно, этот эпизод был введен задним числом в летописный рассказ для обоснования похода 1477–1478 гг.» (Лурье Я.С. Повести о присоединении Новгорода // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. С. 203).
[428] Московский летописный свод конца XV в. // Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 310.

великого князя тем, что они отпирались от своих же слов, вменяет еще и политическое преступление – стремление перейти под власть литовского князя Казимира. Кстати, такой прием уже использовался в московских произведениях о походе 1471 г. Так, и в «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород», и в «Словесах избранных от Святых Писаний…», и в повести «О брани на Новгород» обращение новгородцев к литовскому королю Казимиру преподносится как измена великому князю. По версии этих произведений поход 1471 г. является реакцией Ивана III на эту измену. В «Словесах избранных…» говорится о том, что после победы москвичи якобы нашли докончальную грамоту новгородцев с Казимиром.

Негативному образу мятущихся новгородцев в Московской повести о походе Ивана III 1477–1478 гг. (редакция 1) противостоит положительный образ благочестивого князя Ивана III. Обратим внимание, что фигура Ивана III в данном тексте похожа на изображение этого великого князя в «Словесах избранных от Святых Писаний…»: так же говорится о его личном благочестии, много внимания уделяется тому, как он молится в церквях[429]. В данной повести в некоторой мере повторяется композиционная схема московских произведений о походе 1471 г.: новгородцы совершают преступление против великого князя, нарушают крестное целование; Ивана III это сильно огорчает, он льет слезы и молится; по благословению митрополита Иван III идет в вооруженный поход на Новгород.

Интересно, что в Московской повести о походе Ивана III 1477–1478 гг. (редакция 1) используется мотив праведного гнева великого князя

Ср.: «…въсколебашася яко пияны, овии же хотяху за великого князя по старинѣ к Москвѣ, а друзии за короля к Литвѣ» в «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (Московский летописный свод конца XV в. // Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 284).

[429] В качестве примеров приведем следующие цитаты: «…зжалися зело о них, прослезися…», «…положив же о всем упование на господа бога и на пречистую матерь его, и на силу честнаго и животворящего креста…», «и молебнаа съвръшает въ всѣх храмех господа бога…» (Московский летописный свод конца XV в. // Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 310).

на новгородцев[430]. С помощью образов огня и меча Иван III уподобляется Богу, карающему грешников[431].

Отметим, что в Московской повести о походе Ивана III 1477–1478 гг. (редакция 1) Иван III изображен уверенным в себе и способным диктовать свои условия новгородцам. Он практически не идет ни на какие уступки: отказывается выпустить бояр, которых арестовал в 1475 г.; не соглашается оставить прежнее республиканское устройство Новгорода с вечем и посадниками; сам назначает размер дани; отказывается целовать крест Новгороду; конфискует многие земли у монастырей, архиепископа и бояр. На все просьбы новгородцев Иван III отвечает, что они сами назвали его государем, чем признали полностью его власть над Новгородом, и теперь он может делать все по своей воле[432]. Новгородцы соглашаются на все условия великого князя: «И Новгородци, блюдяся великого князя, не смѣли ему ни слова молвити…»[433]. В Московской повести о походе Ивана III 1477–1478 гг. новгородцы изображены признающими легитимность власти великого князя, что сближает данное произведение с повестью «О поезде

---

[430] Приведем некоторые реализации данного мотива: «…взверже оттоля на Новгород гнѣвъ свои» – в нарративе (Московский летописный свод конца XV в. // Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 310); «А что еси, господине государь князь великы, положил гнѣвъ свои на отчину свою на Великы Новгород, мечь твои и огнь ходитъ по Новогородскои землѣ, а кровь христианьскаа льется, что бы еси, господине государь, смиловался над своею отчиною, мечь бы свои унялъ еси и огнь утолил, и кровь бы христианьскаа не лилась» – просьба архиепископа Феофила к Ивану III, повторяется в видоизмененном виде два раза (Там же. С. 313); «…что бы государь князь князь великы свою отчину Великы Новгород волных мужей пожаловал, нелюбья отдал, а мечь бы твои унялъ» – просьба посадника Якова Короба (Там же. С. 314); «…мы, великые князи, гнѣвъ свои положили на свою отчину на Новгород» – ответ Ивана III (Там же. С. 315).

[431] Ср. Палея толковая: «В нѣуду же за непокорение ихъ мечь и огнь наводяше на ня господь» (Цит. по: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: в 6 выпусках / Сост. В.Л. Виноградова. М.; Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1969. Вып. 3. URL: http://feb-web.ru/feb/slovoss/ss-abc/ss3/ss3-0901.htm (дата обращения: 31.07.2020).

[432] Эти слова многократно варьируются, но апогей категоричности достигается в следующей речи: «…что есте били челом мнѣ великому князю, чтобы яз явил вамъ, как нашему государьству быти в нашеи отчинѣ, ино наше государьство великых князьи таково: вечю колоколу въ отчинѣ нашеи в Новѣгородѣ не быти, посаднику не быти, а государьство нам свое держати, ино на чемъ великым княземь быти въ своеи отчинѣ, волостемь быти, селомъ быти, как у нас в Низовскои землѣ, а которые земли наши великых князеи за вами, а то бы было наше» (Московский летописный свод конца XV в. // Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 318).

[433] Там же.

великого князя в Новгород» о походе «миром» 1475–1476 гг. Правда, отличие состоит в том, что в повести «О поезде великого князя в Новгород» все поступки Ивана III показаны как легитимные действия князя по отношению к своей отчине («по старине»), а в Московской повести о походе Ивана III 1477–1478 гг. подчеркивается, что порядков, установленных Иваном III, никогда прежде не бывало.

Следует отметить, что стиль повести в целом близок стилю деловых документов (стремление к точному указанию дат, имен, населенных пунктов при описании передвижений войск и переговоров, наличие перечней подарков, конфискованных земель). Дело в том, что большую часть повести занимает подробное описание передвижений войск Ивана III и удельных князей, откликнувшихся на призыв великого московского князя, и переговоров Ивана III и новгородцев. Возможно, в основу великокняжеской повести о походе Ивана III 1477–1478 гг. был положен великокняжеский итинерарий, однако четких доказательств этому нет.

Таким образом, в Московской повести о походе Ивана III 1477–1478 гг. (редакция 1) оправдывается поход великого князя. В связи с этим, ключевое место в ее композиции занимает, как и в московских повестях о походе 1471 г., мотивировка похода. В данной повести создается негативный образ новгородцев: их называют отступниками, изменниками и преступниками крестного целования. Раскол новгородцев описывается в тех же выражениях, что и московских произведениях о походе 1471 г. В этом произведении создается положительный образ Ивана III, который похож на изображение этого великого князя в «Словесах избранных от Святых писаний…». В нем говорится о личном благочестии Ивана III, много внимания уделяется тому, как он молится в церквях. Великий московский князь показан как легитимный правитель, имеющий право устанавливать свои порядки. Стиль повести близок стилю деловых документов за счет точных датировок и локализаций, перечней, приведения в тексте речей и документов. Однако в ней есть интересные композиционные решения и мотивы.

Московская повесть о новгородском походе Ивана III 1477–1478 гг. (редакция 2) находится в Сокращенном летописном своде 1493 г., представляющим собой Погодинский вид Сокращенного летописного свода конца XV в.[434]

Данный текст имеет небольшой объем и заимствует лишь немногие фрагменты Московской повести о новгородском походе Ивана III 1477–1478 гг. (редакция 2). Создатель этой редакции оставляет только эпизоды посольства Захария Овинова, веча в Новгороде, прихода Ивана III в Новгород 27 ноября, ареста некоторых новгородцев, посещения великим московским князем обедни в Святой Софии, приказа снять колокол с Софии и привести всех новгородцев к крестному целованию. В Московской повести о новгородском походе Ивана III 1477–1478 гг. (редакция 2) нет описания передвижений Ивана III, его пространных речей, многократно повторяющихся просьб новгородцев к Ивану III, что делает ее намного динамичнее.

При этом мотивировке похода 1477–1478 гг. (посольство Захария Овинова, отказ новгородцев называть Ивана III государем, беспорядки в Новгороде) уделяется много внимания: этому посвящено более половины повести.

Таким образом, Московская повесть о новгородском походе Ивана III 1477–1478 гг. (редакция 2) отражает московскую точку зрения: ее большую часть занимает мотивировка похода. При этом данное произведение намного лаконичнее и динамичнее Московской повести о новгородском походе Ивана III 1477–1478 гг. (редакция 1).

Повесть «О войне на Новгород» находится в Типографской и Дубровской летописях, Летописных сводах 1497 и 1518 гг., Уваровском списке Ермолинской летописи.

---

[434] См.: Лурье Я.С. Летописный свод Сокращенный // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. С. 34–35.

Как уже отмечалось ранее, Типографская летопись представляет ростовское летописание XV в.[435] и датируется концом XV – началом XVI в[436]. Летописные своды 1497 и 1518 гг. являются Прилуцким и Уваровским видами «Летописца от 72-х язык», который в этой части близок Никаноровской, Вологодско-Пермской и Московскому своду 1479 г.[437] Ермолинская летопись – летопись конца XV в.[438], Уваровский список которой в части с 1417 по 1478 г. сходен с «… текстом того Московского свода, который отразился в Никаноровской летописи (Академии наук), в так наз. Ростовской летописи (б. Архива Министерства иностранных дел), а также в позднейшей, переработанной редакции, в Воскресенской летописи…»[439]. Отметим, что все перечисленные летописи испытали влияние великокняжеского летописания и при изложении событий новгородского похода 1477–1478 гг. придерживаются московской точки зрения.

Повесть «О войне на Новгород» отличается тем, что сосредоточена на событиях самого похода 1477–1478 гг., а не на легитимизации действий Ивана III. Так, в данном произведении, в отличие от Московской повести о походе Ивана III 1477–1478 гг., нет мотивировки похода. В повести «О войне на Новгород» четко и последовательно излагаются события похода: осада города[440]; пленение новгородских волостей и сел; сдача города из-за голода[441]);

---

[435] См.: Клосс Б.М. Предисловие к изданию 2000 г. // Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. Изд. 2-е. М.: Языки русской культуры, 2000. С. V.

[436] См.: Лурье Я.С. Летопись Типографская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. С. 63.

[437] См.: Лурье Я.С. «Летописец от 72-х язык» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. С. 21.

[438] См.: Лурье Я.С. Летопись Ермолинская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. С. 42.

[439] Шахматов А.А. Обозрение русских летописных сводов XIV – XVI вв. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1938. С. 147.

[440] См. описание осады города: «… Иванъ Васильевичь… обьстоупiи градъ. Новогородци же затворишяся въ градѣ; князь же великый повелѣ и пушками бити градъ, и мнози Новогородци подъ градомъ избьени быша, и мостъ противоу городища чрезъ Волховъ повелѣ князь великiй нарядити, градъ же въкругъ опьстуиша» (Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. Петроград: 2-я Государственная типография, 1921. С. 195).

[441] См. цитату: «Въ градѣ же бысть моръ и гладъ силенъ, не можаху стояти противоу великого князя и предашяся» (Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. Петроград: 2-я Государственная типография, 1921. С. 196).

расправа над посадниками и другими новгородцами-противниками Ивана III; устранение новгородских порядком и установление новых[442].

В повести «О войне на Новгород» не уделяется внимания ни переговорам Ивана III с новгородцами, ни созданию положительного образа Ивана III и отрицательного образа новгородцев. Московскую позицию автора текста отражает фраза: «И въ всемъ поможе Богъ и святая Богородица государю нашемоу великомоу князю Ивану Васильевич[ю] надъ его измѣнники»[443]. Только в этой фразе присутствует мотив Божьей помощи, негативный эпитет по отношению к новгородцам и используется притяжательное местоимения 1 лица множественного числа по отношению к Ивану III. Отражением московской точки зрения является также указание на то, что Иван III возвратился в Москву «… с великою честію и победою»[444].

Таким образом, в повести «О войне на Новгород» логично и сдержанно излагаются события похода (осада города, голод, сдача города, пленение и наказание противников Ивана III, снятие вечевого колокола и установление нового политического строя, возвращение Ивана III в Москву), отсутствует мотивировка похода, не создается образ христолюбивого князя. Данная повесть связана с московской точкой зрения на события 1477–1478 гг., что выражается в присутствии традиционного мотива Божьей помощи, эпитета «измѣнники» по отношению к новгородцам и употреблении по отношению к великому московскому князю притяжательного местоимения «наш».

В Краткой московской повести о походе 1477–1478 гг. (по Мазуринскому летописцу) есть мотивировка похода Ивана III («…новгородцы отложишася от Москвы»[445], Иван III «…за преступление их хотя казнити их войною»[446]).

---

[442] См. о введении новых порядков: «… колоколъ же вечный повелѣ спустити и на Москву отсла…, на Новѣгородѣ посади своихъ намѣстниковъ и учини его, якоже прочіи его градове, а на Заволочьскоую землю и Двинскую посла своихъ же намѣстниковь» (Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. Петроград: 2-я Государственная типография, 1921. С. 196).
[443] Там же.
[444] Там же.
[445] Мазуринский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. XXXI. М.: Наука, 1968. С. 114.

Начало данной повести имеет текстуальные совпадения с Московской повестью о походе Ивана III 1477–1478 гг. Автор Краткой московской повести о походе 1477–1478 гг. (по Мазуринскому летописцу), несомненно, ориентировался на Московскую повесть о походе Ивана III 1477–1478 гг., однако сильно сократил ее. Так, в данном тексте нет подробного описания передвижения войск Ивана III. Описание переговоров новгородцев с Иваном III сильно сокращено: вместо пространного рассказа о многократных посольствах новгородцев к великому московскому князю в данном тексте находится фраза: «И многие съезды были, и великий князь не изволил на милость положить»[447], а просьба новгородцев «…меч бы своей унел и огнь утолил…»[448], многократно повторяющаяся в Московской повести о походе Ивана III 1477–1478 гг., здесь упоминается только один раз. Описание даров, данных новгородцами князю, сокращено до фразы «…и многии поминки дароваша государю»[449] (в Московской повести о походе Ивана III 1477–1478 гг. мы находим достаточно подробную роспись подарков, имеющую документальный источник). Из Московской повести о походе Ивана III 1477–1478 гг. заимствованы также сообщение о пире Ивана III и заключительная фраза «Отнеле же и начася Великий Новград, таково же изволение не бысть на них ни от которых великих князей, ни от ыного кого»[450].

Описание осады Новгорода, пленение новгородских волостей и сел; сдача города из-за голода, расправа над посадниками и другими новгородцами-противниками Ивана III текстуально зависимы от повести «О войне на Новгород».

Таким образом, Краткая московская повесть о походе 1477–1478 гг. (по Мазуринскому летописцу) имеет компилятивный характер: в ней заимствуются фрагменты из Московской повести о походе 1477–1478 гг. и из повести «О войне на Новгород». За счет этого повесть имеет четкую логическую структуру и в то же время яркие оценочные детали (мотивировку похода, уподобление Ивана III

---

[446] Там же.
[447] Там же.
[448] Там же.
[449] Там же.
[450] Там же.

с помощью образов огня и меча Богу, карающему грешников). Однако, в отличие от Московской повести о походе 1477–1478 гг., в данном произведении нет риторически украшенных образов «изменников»- новгородцев и образа постоянно молящегося христолюбивого князя.

Псковская точка зрения на новгородский поход Ивана III 1477–1478 гг. отражена в трех различных повестях, находящихся в Псковской I, Псковской II, Псковской III летописях.

Рассмотрим особенности Псковской повести о новгородском походе Ивана III 1477–1478 гг. (по Погодинскому, Оболенскому и Архивскому I спискам Псковской I летописи). Псковская I летопись – летописный свод 1469 г., составленный при церкви св. Троицы[451]. Погодинский, Оболенский, Архивский I списки являются продолжением Псковской I летописи и отражают реконструируемый свод 1547 г.[452]

В Псковской повести о новгородском походе Ивана III 1477–1478 гг. (по Погодинскому, Оболенскому и Архивскому I спискам Псковской I летописи) так же, как и в псковских повестях о походах 1471 г. и 1475–1476 гг., внимание сосредоточено на событиях, связанных непосредственно со Псковом. Так, произведение начинается с того, что «…князь великии Иван Васильевичь прислал своего гонца Василиа Дятлева подымать псковичь на Великии Новгород…»[453]. Отмечается также, что после окончания похода в Новгород псковичи «…приѣхаша ко Пскову всѣ здорови…»[454].

В данной повести отсутствует мотивировка похода, не указываются причины, по которым «…князь великии Иван Васильевичь разгнѣвася на свою отчиноу на Великии Новгород, и разверже мир с ними…»[455].

---

[451] Насонов А.Н. Предисловие // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 6.
[452] Насонов А.Н. Приложение. Схематическое изображение генезиса летописных памятников Пскова // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. LXIII.
[453] Псковская 1-я летопись. Продолжение Погодинского списка // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 74.
[454] Там же. С. 75.
[455] Там же.

В Псковской повести о новгородском походе Ивана III 1477–1478 гг. (по Погодинскому, Оболенскому и Архивскому I спискам Псковской I летописи) достаточно кратко описывается осада Новгорода. Псковский летописец проявляет солидарность с позицией Москвы, объясняя сдачу Новгорода Божьей помощью: «…и поможе емоу богъ и пречистая его мати, изволи свою волю над Великим Новымгородом»[456].

Таким образом, Псковская повесть о новгородском походе Ивана III 1477–1478 гг. (по Погодинскому, Оболенскому и Архивскому I спискам Псковской I летописи) акцентирует внимание на участии псковичей в событиях 1477–1478 гг. Псковский летописец придерживается московской точки зрения, используя мотив Божией помощи для объяснения победы Ивана III.

Проанализируем специфику Псковской повести о новгородском походе Ивана III 1477–1478 гг. (по Псковской II летописи). Как уже отмечалось ранее, Псковская II летопись – свод конца 80-х годов XV в., основанный на недошедшем до нас Псковском летописном своде 50-х – 60-х гг. XV в. и сохранившийся в Синодальном списке[457].

В Псковской повести о новгородском походе Ивана III 1477–1478 гг. (по Псковской II летописи) так же, как и в других псковских повестях о походах Ивана III, события похода описываются с псковской точки зрения: в повести говорится о посольстве Ивана III псковичам, указываются имена псковских воевод и локализация псковских войск и т.д.

Особенностью Псковской повести о новгородском походе Ивана III 1477–1478 гг. (по Псковской II летописи) является сочувственное отношение к Новгороду. Эмоционально описываются бедствия Новгорода: «И велми притужно бяше Новгородскои земли паче первыя воине князя великого; в первую бо воину мнози крыяхуся в лесѣх и за водами, а в сию воиноу нѣгде скрытися в лѣсѣх, оубо от мраза оумирахоу и от глада, а в домѣхъ от воинъ мнози пленени

[456] Там же.
[457] См.: Насонов А.Н. Предисловие // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 6.

быша, мужи, и жены, и дѣти, и животы и все плѣненое на Москву сведоша. А сущии в градѣ от многаго недостатка и стеснѣниа многоу скорбъ имѣаху, плач и рыдание»[458]. В этом пассаже псковский книжник пытается изобразить ситуацию с точки зрения новгородца. Он размышляет о то, куда мог спрятаться новгородец, указывает на голод и холод. Эффект горечи из-за бедственного положения новгородцев усиливается повторением лексем «скорбь», «плач» и «рыдание».

Псковская повесть о новгородском походе Ивана III 1477–1478 гг. (по Псковской II летописи) и завершается выражением сочувствия к бедам новгородцев: «Се же написах от многа мало бывшия пагубы Великому Новугородоу, елико слышах и елико ми оумъ постиже»[459].

Таким образом, в Псковской повести о новгородском походе Ивана III 1477–1478 гг. (по Псковской II летописи) события похода описываются с псковской точки зрения. Однако особенностью данной повести являются эксплицитно выраженное сочувствие новгородцам, эмоциональным описание бедствий в Новгороде.

Псковская повесть о новгородском походе Ивана III 1477–1478 гг. (по Псковской III летописи) – единственная псковская повесть о походе 1477–1478 гг., где дается мотивировка похода. Автор этого текста излагает версию Московской повести о новгородском походе Ивана III 1477–1478 гг.

Много внимания уделяется переговорам Ивана III и псковичей о том, чтобы они выступили против Новгорода. Показывается, что псковичи не хотят принимать участие в московско-новгородском конфликте. События 1477–1478 гг. изображаются с псковской точки зрения: перечисляются псковские воеводы, описываются перемещения псковских войск.

Для Псковской повести о новгородском походе Ивана III 1477–1478 гг. (по Псковской III летописи) характерна провиденциальная трактовка событий.

---

[458] Псковская 2-я летопись // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 57.
[459] Там же. С. 58.

Новгородцы сдали город, «…оупованиа положивше на бога…»[460]. Повесть завершается выводом о богоугодности всего произошедшего: «Се же все бысть по строению божию; что ми о семъ промысляти много или писанию продавати; яко же богоу годѣ, тако и зде все съвершишеся»[461].

Таким образом, автор Псковской повести о новгородском походе Ивана III 1477–1478 гг. (по Псковской III летописи) придерживается псковской точки зрения на события. Однако с московскими повестями этот текст сближает наличие мотивировки похода, оправдывающей его. Особенностью данного произведения является провиденциальная трактовка событий.

2.4. Древнерусские произведения XVI в., посвященные событиям 1471–1478 гг. как единому явлению[462]

В XVI веке создаются произведения, в которых события 1471–1478 гг. представлены как единое явление. Речь идет о главе «О взятии Великого Новагорода от великого князя Ивана Васильевича и похвала тому же великому князю» в Казанском летописце и повести «О взятии Великого Новаграда» в рукописных сборниках.

Казанский летописец, известный также как «Казанская история» и «История о Казанском царстве», представляет собой объемную историческую повесть второй половины XVI века, посвященную взаимодействию русских и татар со времени образования Золотой Орды до взятия Казани Иваном IV. Это

---

[460] Псковская 3-я летопись // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 215.
[461] Там же. С. 217.
[462] При написании данного параграфа были использованы следующие работы автора: Демичева Н.А. «Казанский летописец» в контексте древнерусских произведений о присоединении Новгородской земли к Московскому государству // Русская филология.31: сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2020. С. 53–59; Демичева Н.А. Циклизация древнерусских произведений о присоединении Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому в рукописных сборниках XV I– XVII вв. // Вестник славянских культур. Т. 58. 2020 (в печати).

произведение получило большое распространение (известно около 300 списков[463]) и привлекло пристальное внимание многих крупных исследователей: Г.З. Кунцевича, А.С. Орлова, Г.Н. Моисеевой, А.Н. Насонова, Л.А. Дубровиной, Н.В. Трофимовой, Т.Ф. Волковой и др.

Интерес к Казанскому летописцу как древнерусских книжников, так и исследователей связан с тем, что произведение играет значимую роль в историко-литературном процессе, так как в нем синтезируются черты летописного повествования и публицистики, акцентируется внимание на важном для укрепления Русского государства историческом событии.

В Казанском летописце имеются главы «О взятии Великого Новагорода от великого князя Ивана Васильевича и похвала тому же великому князю», «О послех от царя пришедших», «О конечном запустении Златыя Орды», событийное содержание которых относится к эпохе Ивана III. Эти главы Г.З. Кунцевич считал инородными, позднейшей вставкой[464].

Если главы «О послех от царя пришедших», «О конечном запустении Златыя Орды» все же имеют отношение к магистральной теме Истории о Казанском царстве, то глава «О взятии Великого Новгорода от великого князя Ивана Васильевича и похвала тому же великому князю», на первый взгляд, выбивается из логики повествования. Однако, как показала Г.Н. Моисеева, указанные нарративные фрагменты вполне вписываются в идеологическую концепцию автора Казанского летописца, в которой Иван IV представлен как продолжатель дела московских князей Ивана III и Василия III по созданию централизованного Русского государства[465]. Кроме того, важным аргументом того, что глава «О взятии Великого Новгорода от великого князя Ивана

---

[463] Дубровина Л.А. Предисловие к изданию 2000 г. // История о Казанском царстве. (Полное собрание русских летописей. Т. XIX). М., 2000. С. IV–XXVI.

[464] Г.З. Кунцевич приводил в качестве доказательства своей точки зрения следующий аргумент: «…эти главы не тесно связаны с Историей. Это видно из того, что в различных списках они помещаются различно. Они замедляют ход рассказа…» (Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905. С. 176).

[465] См.: Моисеева Г.Н. Автор «Казанской истории» // Труды Отдела древнерусской литературы. М., Л., 1953. Т. 9. С. 266–288.

Васильевича и похвала тому же великому князю» имелась в первоначальном тексте, являются отсылки в основном тексте Казанского летописца к главе «О взятии Великого Новгорода от великого князя Ивана Васильевича и похвала тому же великому князю»: «Сынъ же сего великого князя Василья, Иванъ, воспрія великое княженіе московское по смерти отца своего. Сей же взя Великіи Новъ градъ со многою гордостію и буесловіемъ и буестію, яко же впреди сказася, и Тверь, и Вятку, и Рязань, и вси Рускія князи подклонишася ему сужити…»[466]. Примечательно, что такого рода отсылки к этим главам имеются и в редакции, в которой при этом сами главы были опущены»[467].

На наш взгляд, для того, чтобы уяснить значение главы «О взятии Великого Новгорода от великого князя Ивана Васильевича и похвала тому же великому князю» в структуре Казанского летописца, следует рассмотреть ее также в контексте других произведений о присоединении Новгородской земли к Великому княжеству Московскому.

Глава «О взятии Великого Новгорода от великого князя Ивана Васильевича и похвала тому же великому князю» Казанского летописца по своей идеологической направленности наиболее близка произведениям, отражающим московскую точку зрения. Несмотря на то, что не обнаруживается точных текстуальных совпадений данного текста с другими произведениями о присоединении Новгородской земли к Великому княжеству Московскому, можно предположить, что автор «Истории о Казанском царстве» использовал в качестве его источников летописные своды, содержащие московские повести о присоединении Новгорода к Москве («Московскую повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород», «Словеса избранна от Святых Писаний…» и др.).

Особенностью главы «О взятии Великого Новгорода от великого князя Ивана Васильевича и похвала тому же великому князю» Казанского летописца является то, что в ней отсутствует фактография присоединения Новгорода

---

[466] История о Казанском царстве // Полное собрание русских летописей. Т. XIX. М., 2000. Стб. 21.

[467] Дубровина Л.А. Предисловие к изданию 2000 г. // Полное собрание русских летописей. Т. XIX. М., 2000. С. XI.

к Москве: не говорится о его этапах и важных событиях (три похода Ивана III, Шелонская битва, переговоры Ивана III и новгородцев и т.д.), при этом внимание сосредоточено на идеологических моментах. Так, Иван III характеризуется положительно («…вѣрнаго своего великаго князя, христіянина…»[468]), его действия представлены как заслуживающие похвалы («…и похвала тому же великому князю»[469]). Иван III изображен как восстановитель исторической справедливости, который возвращает новгородцев под власть великих князей[470].

В анализируемом тексте, как и в московских текстах о присоединении Новгорода к Московскому государству, создается негативный образ новгородцев, представленных как политические и религиозные преступники, указывается на их желание наладить взаимоотношения в великим князем литовским Казимиром[471].

По отношению к новгородцам в главе «О взятии Великого Новгорода от великого князя Ивана Васильевича и похвала тому же великому князю» Казанского летописца, как и в некоторых московских произведениях о присоединении Новгородской земли к Московскому государству (например, в «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород», повести «О поезде великого князя в Новгород»), используются негативные номинации «неразумніи», «невѣгласи».

Новгородцы характеризуются как возгордившиеся: «…возгордѣша, и возчаяшася яко сильны…»[472], при этом посредством контаминации цитат из Священного Писания подчеркивается, что такое поведение является грешным

---

[468] История о Казанском царстве // Полное собрание русских летописей. Т. XIX. М., 2000. Стб. 6.
[469] Там же.
[470] См. следующий фрагмент: «…а изначала же и исперва едино царство бысть и едино государство, и едина держава и область Русская и Поляне, и Древляне, и Новогородцы, и Полочане, и Волыняне, и Подоле, - то все Русь едина, и единому великому князю служаху, тому же и дани даяху, и повиновахуся, Кіевскому и Владимерскому» (История о Казанском царстве // Полное собрание русских летописей. Т. XIX. М., 2000. Стб. 6).
[471] См. следующий фрагмент: «Они же, забывше, своихъ великихъ князеи Владимерскихъ презрѣша, и преобидѣша, и ни во что же вымѣниша, и воеватися съ ними начаша… Еще подъ игомъ первымъ работы вѣрнаго своего великаго князя, христіянина, быти не восхотѣша; одержимаго Латынскою вѣрою короля Литовского держителя себѣ возхотѣша имети…» (История о Казанском царстве // Полное собрание русских летописей. Т. XIX. М., 2000. Стб. 6).
[472] Там же.

и карается Богом: «…Господь убожитъ и обогатитъ, и смиряетъ и высить[473], гордымъ противитца и смиренныя милуетъ»[474] . Интересно, что в «Словесах избранных от Святых Писаний…» также используется искаженная цитата из Священного Писания (вероятно, из Притч. 3:34 или Иак. 4:6): «Г(оспод)ь гордым противляется, смиренным дает бл(а)годат(ь)»[475] в контексте указания на «гордость» новгородцев и обоснования победы Ивана III.

Кроме того, в Казанском летописце есть еще один след влияния произведений о новгородских походах Ивана III. В главе «О приходе царя и великого князя к Казани и о величестве силы его…» присутствует эпизод с описанием чуда: из-за грехов казанцев пересохли реки и озера, что позволило войскам великого князя беспрепятственно передвигаться по их территории. Этот эпизод заимствован из произведения о походе Ивана III на Новгород в 1471 году «Словеса избранна от Святых Писаний…». Интересно, что автор «Истории о Казанском царстве» сознательно пожертвовал фактической точностью ради символического смысла. Если в период похода 1471 года действительно была засуха (о чем свидетельствует, например, Псковская III летопись), то лето 1552 года в Казани было напротив дождливым. Как заметила Т.Ф. Волкова, в одном из источников «Казанской истории» («Летописце начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича») есть указание на это: «бе тогда время дождливо и воды в реках велики»[476]. Однако для автора важнее было сопоставление похода Ивана IV на Казань с походом Ивана III на Новгород и религиозное обоснование этих событий.

Можно проследить сходства образов Ивана III в великокняжеских летописях и Ивана IV в Казанском летописце. Оба правителя характеризуются как благоверные, защитники православия. Подчеркивается их благочестие

---

[473] Данный фрагмент представляет цитату из Первой книги Царств (См.: 1Цар. 2:7).

[474] История о Казанском царстве. (Полное собрание русских летописей. Т. XIX). М., 2000. Стб. 6. Данный фрагмент соотносится с фразами из Притчей и Послания Иакова (См.: Притч. 3:34; Иак. 4:6).

[475] Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2. М., 2001. Стб. 178.

[476] Волкова Т.Ф. Работа автора «Казанской истории» над сюжетом повествования об осаде и взятии Казани // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. 39. С. 313.

посредством описания их молитв, указания на их нежелание проливать кровь. В тексте Казанского летописца Иван Грозный изображен как продолжатель политики по расширению территории и формированию единого Русского государства, проводимой Иваном III и Василием III, акцентируется внимание на его сходстве с Иваном III[477].

По нашему мнению, образ Ивана III в великокняжеском летописании, в том числе в московских произведениях о присоединении Новгорода к Москве, послужил в какой-то мере образцом для создания образа Ивана IV как завершителя процесса централизации русских земель и укрепления самодержавного государства. Важным является еще то, что именно Иван III положил конец зависимости Руси от монголо-татарского ига, поэтому он и изображается в «Казанской истории» в качестве ориентира для Ивана IV, целью которого было присоединение к Русскому государству осколка Золотой Орды – Казанского ханства. Вероятно, для такого сближения образов также некоторое значение имело то, что данные правители являлись тезками.

Итак, образ Ивана IV в Казанском летописце ориентирован на образ Ивана III в великокняжеском летописании. Правители сближаются по ряду оснований: проведение политики собирания земель и укрепления Русского государства; борьба с ханствами, образовавшимися в результате раскола Золотой Орды; родственные отношения (Иван III – дед Ивана Грозного) и одно и то же имя (Иван Васильевич). Иван IV изображается в Казанском летописце как продолжатель деятельности Ивана III, связанной с централизацией русских земель и укрепления самодержавного государства. Именно по этой причине в структуре Казанского летописца имеется глава «О взятии Великого Новгорода от великого князя Ивана Васильевича и похвала тому же великому князю», посвященная одному

---

[477] О сопоставлении Ивана IV с Иваном III см. следующие фрагменты: «…или егда убо я хуждьше отца моего, великого князя князя Василья, и дѣда моего, великого князя Ивана, недавно предо мною бывшихъ, и царствовавшихъ на Москвѣ, и скиѳерты правящихъ всея Рускія державы; тако же бо и инѣхъ покориша подъ ся, великія грады и земля чюжихъ стран… И язъ, сынъ и внукъ ихъ, взятыя же грады и земли единъ содержю…» – речь Ивана Грозного (История о Казанском царстве // Полное собрание русских летописей. Т. XIX. М., 2000. Стб. 101); «…подобенъ по всему дѣду своему, великому князю Ивану» (Там же. Стб. 43).

из ключевых событий в процессе формирования единого Русского государства – присоединению Иваном III Новгородской земли к Московскому государству. В данной главе отражена московская точка зрения на включение Новгорода в состав Московского государства, что сближает ее с такими текстами, как «Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород», «Словеса избранна от Святых Писаний…», повесть «О поезде великого князя в Новгород» и др. В Казанском летописце также используется эпизод, заимствованный из произведения «Словеса избранна от Святых Писаний…», с помощью чего автор указывает на связь между событиями 1471 г. и 1552 г. Поход Ивана IV на Казань благодаря этому приему сближается с походом Ивана III на Новгород и изображается как угодный Богу.

Особый интерес представляет повесть «О взятии Великого Новаграда», в которой в рамках одного произведения изложены события всех трех новгородских походов Ивана III. Этот текст вместе с вместе с повестью «Взятие Псковское» были найдены М.Н. Тихомировым в сборнике конца XVI в. Тих.373 и опубликованы им в «Описании Тихомировского собрания рукописей»[478]. Позднее О.Ю. Чирейкина обнаружила еще один список этих произведений в сборнике начала XVII в. Писк.183, сопоставила известные списки, установила разночтения и отметила некоторые художественные особенности этих текстов[479].

Тих.373 представляет собой сборник смешанного содержания, включает в себя фрагменты патериков (в том числе Киево-Печерского патерика), дидактических сборников (в т.ч. «Златоструй», «Золотая цепь»), сочинений Нила Сорского и Иосифа Волоцкого, агиографические произведения (например, Житие

---

[478] Тихомиров М.Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968. С. 172–179.

[479] См.: Чирейкина О. Ю. Повести о присоединении Новгорода к Москве в летописях XV – XVII вв. и литературных сборниках: дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.01. Барнаул, 2001; Чирейкина О. Ю. Повесть «Взятие Псковское» как образец жанра воинской повести XVI в. // Макарьевские чтения. Материалы третьей международной конференции (21–22 ноября 2004 г.). Горно-Алтайск, 2004. С. 354–359; Чирейкина О. Ю. Развитие исторического жанра воинской повести в XVI в. (на примере повести Взятие Псковское – Тих. 373 ГПНТБ) // Макарьевские чтения: Материалы 6 международной конференции (21–23 ноября 2007 г.). Горно-Алтайск, 2007. С. 142–145; Чирейкина О.Ю. Нелетописная повесть «О взятии Великого Новаграда» как образец жанра воинской повести // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2. Ч. 1. С. 205–208.

Стефана Пермского), выписки из летописей и хронографов, а также иные тексты исторического характера («Начало великим князем Руским», «Летописец вскоре» патриарха Никифора, Еллинский летописец и др.)[480]. Следует отметить, в Тих.373 превалируют статьи монашеского и религиозно-нравственного содержания, тем самым внимание акцентрируется на религиозной сфере. Однако прослеживается также то, что составитель сборника проявляет интерес и к исторической проблематике, в частности к теме взятия городов. Об этом свидетельствует в том числе включение в Тих.373 повестей «О взятии Великого Новаграда» и «Взятие Псковское», а также погодных записей о взятии Константинополя, Твери, Новгорода, Пскова, Смоленска, Казани и т.д. По мнению О.Ю. Чирейкиной, указанные погодные записи представляют собой заготовку «...для планируемой большой работы, посвященной теме взятия городов»[481].

Сборник Писк.183 создан при патриархе Гермогене, что обуславливает включение в его состав текстов, отражающих интерес составителя к институту патриаршества, церковной иерархии, чудесам, связанным с Успенским собором в Москве (грамота царя Федора Ивановича об учреждении в России патриаршества 1589 г., «Лествица соборным властям царствующего града Москвы, как им ходити во святей Божии церкви на литургиях», представляющая собой список церковных иерархов-современников Гермогена, «Знамение в соборной церкви Пречистой Богородицы на Москве», посвященное избавлению Москвы от нашествия Махмет-Гирея 1521 г. посредством божественных чудес[482]). В данном сборнике содержатся преимущественно тексты на историческую тематику, в том числе родословник Русских великих и удельных князей и бояр до смерти первого самозванца, выписки из хронографов, космографии, повести

---

[480] См.: Тихомиров М. Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М.: Наука, 1968. С. 113–114; Чирейкина О. Ю. Повести о присоединении Новгорода к Москве в летописях XV – XVII вв. и литературных сборниках: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Барнаул, 2001. С. 202–207.

[481] Чирейкина О. Ю. Повести о присоединении Новгорода к Москве в летописях XV – XVII вв. и литературных сборниках: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Барнаул, 2001. С. 149.

[482] См.: Чирейкина О. Ю. Повести о присоединении Новгорода к Москве в летописях XV – XVII вв. и литературных сборниках: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Барнаул, 2001. С. 197–198.

о взятии Иерусалима, создании и взятии Константинополя[483]. Отметим, что повести «Взятие Иерусалима от Тита», «О зачатии и создании Царьграда», «О взятии Царяграда», «О взятии Великого Новаграда» и «Взятие Псковское» расположены в конце рукописи, представляя собой тематический блок, посвященный теме покорения городов. При этом повесть «О зачатии и создании Царьграда», несколько выбивающаяся из этого ряда, предшествует повести «О взятии Царяграда», объединена с ней тематически и логически: оба текста посвящены Константинополю, при этом повествование об основании Константинополя предваряет рассказ о его завоевании, тем самым выполняет функцию «предыстории» событий 1453 г., на которых концентрируется внимание составителя.

Анализ состава Тих.373 и Писк.183 показывает, что повести «О взятии Великого Новаграда» и «Взятие Псковское» размещены в данных сборниках в одной и той же последовательности (сначала представлен текст повести «О взятии Великого Новаграда», непосредственно за ним в обоих сборниках следует текст повести «Взятие Псковское»), объединены темой взятия городов с некоторыми другими текстами, находящимися в сборниках, при этом литературное окружение повестей «О взятии Великого Новаграда» и «Взятие Псковское» различно.

Повесть «О взятии Великого Новаграда» в сюжетно-композиционном плане отличается от других произведений, посвященных присоединению Новгорода к Великому княжеству Московскому. Если в рамках летописных сводов тексты, посвященные каждому из этапов присоединения Новгородской земли к Московскому княжеству, размещены в соответствии с хронологией, перемежаюся летописными записями на другие темы, то повесть «О взятии Великого Новаграда» представляет собой цельный текст, в котором излагаются события всех трех походов Ивана III. Указанную повесть характеризуют

[483] См.: ОР РГБ. Опись ф. 228 (собр. Д. В. Пискарева). Т. 1. С. 50–51; Чирейкина О. Ю. Повести о присоединении Новгорода к Москве в летописях XV – XVII вв. и литературных сборниках: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Барнаул, 2001. С. 197–198.

«...контаминированность текста, переложение сюжетов нескольких летописных повествований, объединение их в один текст»[484].

При изложении событий 1471 г. автор повести опирается, как справедливо отметила О.Ю. Чирейкина, на летописные сведения (в первую очередь, Московский свод 1479 г.)[485]. Вероятно, в качестве одного из основных источников автор использовал «Московскую повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород», распространенную в нескольких редакциях и вариантах в великокняжеском летописании и текстологически зависимых от него летописных сводах. Частично он опирается на факты, изложенные в данном тексте. Например, в повести «О взятии Великого Новаграда» указывается такая же, как и в «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород», численность новгородцев, участвовавщих в Шелонской битве (40000), численность войск великого князя (5000), количество убитых и взятых в плен новгородцев (12000 погибших, 2000 пленных). В анализируемой повести также имеются небольшие текстуальные заимствования из «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород», в частности фрагмент, в котором описываются разрушительные действия московских войск на новгородских землях после Шелонской битвы, эпизод с наказанием новгородских противников Ивана III.

Однако в тексте имеется также информация фактического характера, отсутствовавшая в «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (например, о количестве новгородских воевод и конников, участвовавших в Шелонской битве, дополнительная информация о пленных новгородцах). В связи с этим можно предположить, что автором повести «О взятии Великого Новаграда» использовались и иные источники.

---

[484] Чирейкина О. Ю. Повести о присоединении Новгорода к Москве в летописях XV – XVII вв. и литературных сборниках: Дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.01. Барнаул, 2001. С. 146.

[485] См.: Чирейкина О. Ю. Повести о присоединении Новгорода к Москве в летописях XV – XVII вв. и литературных сборниках: Дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.01. Барнаул, 2001. С. 134–141.

Часть, в которой описывается второй новгородский поход Ивана III (1475–1476 гг.), текстуально близка повести «О поезде великого князя в Новгород», особенно его редакции, находящейся в дополнительной тетради к Бальзеровскому списку и Горюшкинском списке Софийской I летописи младшей редакции, а также в Новгородской II, Новгородской Большаковской летописи и Новгородской летописи Дубровского. Сопоставительный анализ позволил установить, что фрагмент в сборниках Тих.373 и Писк.183 имеет наибольшее сходство с текстом в дополнительной тетради к Бальзеровскому списку и Горюшкинском списке Софийской I летописи. При этом в Новгородской II летописи, Новгородской Большаковской летописи и Новгородской летописи Дубровского содержится значительное количество общих разночтений с текстом в Тих.373 и Писк.183.

Вероятно, приведенные данные могут свидетельствовать о том, что у анализируемого фрагмента в Тих.373, Писк.183, дополнительной тетради к Бальзеровскому списку Софийской I летописи был общий протограф. Горюшкинский список в свою очередь, как отмечали исследователи, представляет собой довольно точную копию Бальзеровского[486]. Чирейкина считает источником данного фрагмента в указанных летописях и сборниках «журнал пребывания великого князя в Новгороде, который велся московскими дьяками во время похода Ивана III», отрывок которого, по ее мнению, сохранился в рукописи РГБ, ф. 256 (Румянцевское собр.), № 34 (далее – Рум.34)[487].

Однако текст в рукописи Рум.34, близкий к Тих.373 и Писк.183, начинается только с событий, датирующихся 21 декабря, при этом совпадения части «О взятии Великого Новаграда» в Тих.373, Писк.183, посвященной второму походу Ивана III на Новгород, а также текстов об этом походе в дополнительной тетради к Бальзеровскому списку и Горюшкинском списке Софийской I летописи младшей редакции, Новгородской II, Новгородской Большаковской летописи и

---

[486] Шахматов А.А. Обозрение русских летописных сводов XIV – XVI вв. // Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 718–723; Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. Л., 1955. С. 108.

[487] Чирейкина О. Ю. Повести о присоединении Новгорода к Москве в летописях XV – XVII вв. и литературных сборниках: Дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.01. Барнаул, 2001. С. 142–146.

Новгородской летописи Дубровского начинаются уже с изложения событий, датированных 4 декабря. Кроме того, вызывает возражения утверждение, что текст в Рум.34 представляет собой отрывок из некого дневника, который велся московскими дьяками во время похода 1475–1476 гг.

Дело в том, что Рум.34 (как и Тих.373, Писк.183, дополнительная тетрадь к Бальзеровскому списку и Горюшкинский список Софийской I летописи младшей редакции, Новгородской II летописи, Новгородской Большаковской летописи и Новгородской летописи Дубровского) содержит фрагменты, в которых излагаются некоторые события третьего похода Ивана III на Новгород (сообщения о конфискации московским князем монастырских и архиепископских земель, об обеде 29 января 1478 г. и перечисление даров, врученных в этот день Феофилом Ивану III). Данные фрагменты текстуально близки Московской повести о походе Ивана III 1477–1478 гг. Таким образом, на наш взгляд, неправильно датировать создание текста в Рум.34 временем второго похода Ивана III на Новгород и следует говорить о текстуальной зависимости источника текстов в Рум.34, Тих.373, Писк.183, дополнительной тетради к Бальзеровскому списку и Горюшкинском списке Софийской I летописи младшей редакции, Новгородской II летописи, Новгородской Большаковской летописи и Новгородской летописи Дубровского от повести «О поезде великого князя в Новгород» и Московской повести о походе Ивана III 1477–1478 гг., находящихся в Московском своде конца XV в., Симеоновской, Никоновской и некоторых других летописях, испытавших влияние великокняжеского летописания.

В части, в которой описывается третий новгородский поход Ивана III (1477–1478 гг.), автор повести также опирается на великокняжеское летописание.

Таким образом, повесть «О взятии Великого Новаграда» представляет собой произведение, посвященное присоединению Новгородской земли к Великому княжеству Московскому как единому явлению, отражает московскую точку зрения на события 1471–1478 гг.: в ней создается положительный образ

московских воевод, используется мотив божественной помощи, поход 1475–1476 гг. представлен как мирное мероприятие.

Глава 3. Идеология и поэтика произведений XVI – XVII в. о присоединении Псковской земли к Великому княжеству Московскому

3.1. Отражение псковской точки зрения на присоединение Псковской земли к Великому княжеству Московскому в древнерусских текстах XVI –XVII в.[488]

Псковские книжники воспринимали включение Псковской земли в состав Московского государства различным образом. Однако несмотря на внутренние противоречия и неоднородность точки зрения псковичей на события 1509–1510 гг, дошедшие до нас тексты, отрающие псковскую позицию, объединены наличием в них маркеров негативного отношения к покорению Пскова, сочувствия, сопричастности к судьбе псковичей.

Одним из самых известных произведений о присоединении Пскова является «Повесть о Псковском взятии» в Псковской I летописи. Напомним, что Псковская

[488] При написании данного параграфа были использованы следующие работы автора: Демичева Н.А. Композиционная и образная структура повести особого состава «Взятие Псковское» (собр. Тихомирова, № 373 в ГПНТБ СО АН) // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2016» [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2016. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2016/data/section_30_8558.htm (дата обращения: 31.07.2020); Демичева Н.А. К проблеме историко-литературного изучения Повести о Псковском взятии // Litera. 2018. № 3. С. 46–56; Демичева Н.А. Основные различия псковской и московской точек зрения на «псковское взятие» (по древнерусским текстам XVI в.) // Человек и общество в противоречиях и согласии: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Н. Новгород, 2016. С. 26–30; Демичева Н.А. Повесть особого состава Взятие Псковское: проблематика, текстология, стиль // Litera. 2018. № 4. С. 95–100; Демичева Н.А. Проблема летописного отражения псковской точки зрения на присоединение Псковской земли к Московскому государству // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2017» [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2017. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2017/data/section_32_10616.htm (дата обращения: 31.07.2020); Демичева Н.А. Особенности идеологии и поэтики рассказа о присоединении Пскова к Москве в Псковской III летописи // Текстология и историко-литературный процесс: VI Международная конференция молодых исследователей (Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 9–11 марта 2017 г.): сборник статей. М.: Буки Веди, 2018. С. 31–38; Демичева Н.А. Циклизация древнерусских произведений о присоединении Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому в рукописных сборниках XVI –XVII вв. // Вестник славянских культур. Т. 58. 2020 (в печати).

I летопись – летописный свод 1469 года, составленный при Троицком соборе[489]. Погодинский, Оболенский, Архивский I списки являются продолжением Псковской I летописи и отражают реконструируемый свод 1547 года[490]. Одним из наиболее ранних списков свода 1547 г. является Варшавский летописный сборник[491].

А.Н. Насонов, проанализировав свод 1547 года, отметил, что в нем сочетаются признание власти великих московских князей над Псковом и резко негативное отношение к московским наместникам[492].

Действительно, в Псковской I летописи со второй XV века Псков называется отчиной великих московских князей. Однако при этом составитель свода регулярно до 1510 года включительно после слова «отчина» добавляет «мужи псковичи, добровольные люди». По мнению М.М. Крома, таким образом псковичи подчеркивали договорной характер отношений Пскова и Москвы и готовность противостоять каким-либо действиям великого московского князя, нарушающим эти договоренности[493].

Особенно ярко положительное отношение составителя свода 1547 года к Василию III отразилось в летописных статьях за 1523 и 1534 годы. В первой из этих статей дается мотивировка такому неоднозначному решению великого московского князя, как пострижению княгини Соломонии в монахини. В отличие от Псковской III летописи, где данный поступок Василия III оценивается как религиозное преступление, в Псковской I летописи князь полностью

---

[489] См.: Насонов А.Н. Предисловие // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 6; Охотникова В.И. Летописи Псковские // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 27–30.

[490] См.: Насонов А.Н. Приложение. Схематическое изображение генезиса летописных памятников Пскова // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. LXIII.

[491] См.: Введенский А.М. Место Варшавского сборника среди списков Новгородской пятой и Псковской первой летописи // Slověne. 2017. Т. 6. № 2. С. 199-209.

[492] См.: Насонов А.Н. Из истории псковского летописания // Полное собрание русских летописей. Т. V. Псковские летописи. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 20–21.

[493] См.: Кром М.М. Статус Пскова в системе великого княжения Владимирского XV – начале XVI в. (к вопросу о суверенитете русского средневекового города) // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV – XVI вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства: сб. тр. междунар. научной конференции, 19–20 мая 2010 г. Псковский гос. пед. ун-т им. С.М. Кирова; Европейский ун-т в С.-Петербурге. Псков: обл. тип., 2011. С. 114–125.

оправдывается. В тексте центральное место занимает плач князя о бесплодии его жены, а ответственность за пострижение перекладывается на советников-бояр князей, сравнивших княгиню со смоковницей: «… неплодную смоковницоу посѣкають и измещутъ из винограда»[494].

Под 1534 годом читается рассказ о смерти Василия III, в котором его характеризуют такие эпитеты, как «милосердый», «боголюбец», «нищелюбец», «защититель отовсюде всеи Рускои земле»[495].

Отрицательное отношение к московским наместникам и их порядкам отражено в Псковской I летописи не только в самой «Повести о Псковском взятии», но и в летописных статьях 1528 и 1541 годов: «… и быша дьяки мудры, а земля пуста…»[496], «… сверѣпи, аки лвови…»[497].

Заметим, что «Повесть о Псковском взятии»[498] по своей идеологии вполне соотносится с остальным текстом Псковской I летописи. Поскольку данное произведение не встречается ни в каких рукописях, датированных ранее 1547 года, и идеологически не противоречит остальному тексту Псковской I летописи, мы условно считаем, что автором повести является составитель свода 1547 года.

Многие исследователи отмечали, что идеология Псковской I летописи близка взглядам монаха Елеазарова монастыря Филофея, отраженным в его посланиях[499]. Н.Н. Масленникова писала, что и автор «Повести о Псковском взятии», и старец Филофей являлись «сторонниками присоединения Пскова к Москве»[500]. Однако мы не можем согласиться с такой формулировкой. Дело

---

[494] Псковская 1-я летопись. Продолжение Погодинского списка // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 103.
[495] Там же. С. 106.
[496] Там же. С. 105.
[497] Там же. С. 110.
[498] См. там же. С. 92–97.
[499] См. Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901; Шахматов, А.А. К вопросу о происхождении Хронографа. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1899; Насонов А.Н. Из истории псковского летописания // Полное собрание русских летописей. Т. V. Псковские летописи. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003.
[500] Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. С. 165.

в том, что данные тексты были написаны после того, как Псков окончательно вошел в состав Московского государства. Нам ничего не известно о позиции Филофея и автора «Повести о Псковском взятии» до 1510 года. Не исключено, что их лояльное отношение к великому московскому князю обусловлено именно подчиненным положением Пскова в момент написания произведений.

В «Повести о Псковском взятии» отражено противоречивое отношение к присоединению Пскова к Москве. С одной стороны, в произведении Псков называется отчиной великого московского князя, отсутствует негативная характеристики Василия III. С другой стороны, выражается сочувствие псковичам и неприязнь по отношению к московским наместникам во Пскове.

Завязкой «Повести о Псковском взятии» является описание приезда Василия III в Новгород и посольства псковичей к нему с просьбой разрешить их конфликт с наместником Иваном Михайловичем Репней-Оболенским. Важным идеологическим моментом является то, что автор произведения занимает сторону псковичей и дает резко негативную характеристику Репни-Оболенскому: «… а тот Репня не пошлиною во Псков приѣхал да сѣл на княжении, а не по крестному целованию оучал во Пскове жити, а не оучал добра хотѣть святеи Троицы, ни моужем псковичем; да тот Репня много зла чинил дѣтем боярским и посадничим…»[501]. Такое отношение к наместнику отражено в сообщении 1509 года в Псковской I летописи о приезде Ивана Михайловича Репни-Оболенского на псковское княжение, где он назван Найденом[502].

---

[501] Псковская 1-я летопись. Продолжение Погодинского списка // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 92.

[502] Как показал С.В. Городилин, прозвище Репни-Оболенского Найден было связано с нелепой ситуацией при прибытии его в Псков (вероятно, князь по ошибке свернул не в тот двор, нарушив церемонию въезда в город в качестве наместника). В контексте повести о событиях 1509-1510 гг. упоминание этого прозвища актуализировало тему нарушения Репней-Оболенским ритуала, тем самым псковичами в рамках конфликта ставится под сомнение легитимность его нахождения во Пскове (Городилин С.В. Где нашли псковичи своего князя Ивана Найдена Репню-Оболенского? (городская топография и политическая история) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75). С. 27-31).

Заметим, что у лексемы «пошлина» есть такие значения, как «старинный, исконный обычай», «исконные права»[503]. По нашему мнению, можно говорить о ней как о юридическом термине. Получается, что благодаря указанию прозвища, данного Репне-Оболенскому псковичами, и выражению «не по пошлине» акцентируется внимание на том, что назначение великим московским князем наместника против воли псковичей является нарушением правовых традиций.

По «Повести о Псковском взятии», Василий III достаточно благожелательно принял псковское посольство, пообещав разобраться в конфликте и наказать Репню-Оболенского, если обнаружится много жалоб на него. Интересно, что в произведении есть намек на то, что вся сложившаяся ситуация 1509–1510 годов связана с заранее принятым Василием III решением подчинить себе Псков: «… а сердечныя никто же вѣсть, что князь великии здоумал на свою отчину…»[504].

Немаловажное значение имеет композиционный элемент, связанный с арестом псковичей в Новгороде. По сути, описывается ловушка Василия III, который заманил пришедших на разбор их жалобы псковских посадников, бояр и купцов. Однако действия великого московского князя не характеризуются негативными эпитетами, дается лишь намек на неправильное соотношение между словами Василия III и его поступком: «… яз вам всѣм оуправы подаю, а оуправы никаковы нѣт…»[505].

Автор «Повести о Псковском взятии» преподносит решение псковичей покориться воле великого московского князя (снять вечевой колокол и установить систему управления с двумя наместниками) как добровольное: «… а мы прежнего целованиа своего и проклятья не хотим изменити и на себѣ кроволитиа приняти, и мы на государя своего руки подняти и в городе заперетися не хотим…»[506].

---

[503] См.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам. Т. 2. СПб.: Отделение рус. яз и словес. Имп. АН, 1902. Стб. 1333–1334.
[504] Псковская 1-я летопись. Продолжение Погодинского списка // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 92.
[505] Там же. С. 93.
[506] Там же. С. 94.

Создается положительный образ псковичей, которые не хотят нарушить крестное целование и пролить кровь, а также проявляют христианское смирение.

Присоединение Пскова к Москве в «Повести о Псковском взятии» изображается эмоционально, автор с сочувствием относится к потере Псковом былой «вольности». Интересны риторические восклицания, следующие в тексте за описанием веча, на котором Третьяк Долматов передал псковичам ультиматум Василия III. Как отметила В.П. Адрианова-Перетц, образ «сердечного корения», использованный в них, восходит к переводной повести «Девгениево деяние»[507].

Однако автор «Повести о Псковском взятии» не обращался непосредственно к данному памятнику. При сравнении «Повести о Псковском взятии» с «Девгениевым деянием» и «Житием Александра Невского» становится очевидно, что автор повести цитировал именно «Житие Александра Невского» (см. Приложение 2, таблица 6).

Примечательно, что в тексте-источнике данные риторические восклицания располагались после сообщения о смерти Александра Невского и выполняли функцию причитания по умершему князю-святому. Так, присоединение Пскова к Москве осмыслялось в «Повести о Псковском взятии» как значимое событие, по своей трагичности соотносимое со смертью святого. Трагическая атмосфера в «Повести о Псковском взятии» создается также благодаря постоянному повторению в тексте произведения лексем «слеза» и «плакати».

В повествование «Повести о Псковском взятии» после описания отъезда высланных из Пскова 300 знатных семей встроен малый лирический жанр – плач по Псковской вольности. Как справедливо отметила Адрианова-Перетц, он относится к особой группе древнерусских плачей, субъектом которых является земля, пострадавшая от каких-либо бедствий[508]. Традиция такого рода плачей,

---

[507] Адрианова-Перетц В.П. Литература Пскова второй половины XV – первой половины XVI в. // История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. Литература 1220-х – 1580-х гг. / под ред. А. С. Орлова, В. П. Адриановой-Перетц и Н. К. Гудзия. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1945. С. 403.

[508] См.: Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 169–171.

по мнению исследовательницы, связана с пророческими книгами Ветхого завета[509].

Литературными источниками этого плача являются книга пророка Иезекииля (17:3) и «Слово преподобнаго отца нашего Серапиона» (первое слово Серапиона Владимирского)[510]. Из книги Иезекииля взят образ орла, прилетевшего в Ливан и отломившего верхушку кедра. Орел в данном случае символизирует Василия III, а его действия – покорение Пскова[511].

В «Повести о Псковском взятии» присутствуют текстуальные заимствования из «Слова преподобнаго отца нашего Серапиона» (см. Приложение 2, таблица 7).

Следует учитывать, что в тексте-источнике речь идет о бедствиях, связанных с монголо-татарским нашествием. С помощью отсылки к Серапиону Владимирскому автор «Повести о Псковском взятии» соотносит Псковское взятие с походами язычников и изображает его как бедствие, посланное Богом за грехи. Заметим, что в произведении присутствует другое сравнение действий великого московского князя с походами иноверных народов: «… и многажды приходили Нѣмцы ко Псковоу, а таковыя бѣды и сухоты не бывало…»[512].

Однако автор повести творчески перерабатывает текст Серапиона Владимирского. Он использует в качестве образца для своего текста ритмико-синтаксическую организацию цитируемого фрагмента «Слова», построенного на повторении синтаксических отрезков одинаковой структуры. Каждое из предложений строится по одной схеме: союз (факультативно) + существительное в аккузативе + притяжательное местоимение в аккузативе (факультативно) + аорист в третьем лице множественного числа.

---

[509] См. там же. С. 169.

[510] См.: Адрианова-Перетц В.П. Литература Пскова второй половины XV – первой половины XVI в. // История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. Литература 1220-х – 1580-х гг. / под ред. А. С. Орлова, В. П. Адриановой-Перетц и Н. К. Гудзия. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1945. С. 403–404.

[511] См. там же.

[512] Там же. С. 93.

Так, Серапион Владимирский (а вслед за ним и автор «Повести о Псковском взятии») использует такую стилистическую фигуру, как гомеотелевт[513]. Однако за счет того, что синтаксические отрезки схожи не только финальными частями, но и вообще имеют похожую структуру, создается эффект ритмизации.

Обратим внимание, что автор «Повести о Псковском взятии», в целом сохраняя структуру синтаксических отрезков, иногда заполняет их иной лексикой. Например, он не включает в свой текст фразу «…и церкви святыя разориша…»[514], поскольку для ситуации присоединения Пскова к Москве это не было релевантно. Однако вместо разорения церквей автор повести указывает на порчу торжищ. Предложение «… отца и братью нашю избиша»[515] он заменяет на более актуальное описание высылки знатных псковичей из города.

В «Повести о Псковском взятии» заимствуется еще один фрагмент из «Слова» (см. Приложение 2, таблица 8). В нем дается провиденциальная трактовка бедствий, произошедших во Пскове.

Автор «Повести о Псковском взятии» к заимствованному из произведения Серапиона Владимирского фрагменту добавляет свой комментарий: «… а мы не покаяхомся, но на большои грѣх превратихомся…»[516]. Основным грехом он считает раздор псковичей между собой: «… злыя и лихия поклепы и оу вѣчьи кричание…»[517].

Завершается повесть эмоциональным описанием новой администрации Пскова. Автор произведения указывает на поборы и насилие, которые чинили новые наместники. Для усиления экспрессивности он использует фразеологизм «пити крови много», обозначающий «сильно притеснять, издеваться». Этой же цели служат образы правды и кривды, источниками которых, вероятно, является

---

[513] Гомеотелевт – «… созвучия окончаний, которые сопрягают одинаковые по своей грамматической форме слова и разнесены по концам синтаксических отрезков…» (Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: «Coda», 1997. С. 234).

[514] Слова и поучения Серапиона Владимирского (Подготовка текста, перевод и комментарии В.В. Колесова) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5: XIII век. СПб.: Наука, 1997. С. 370.

[515] Там же.

[516] Там же.

[517] Там же.

апокриф «Беседа трех святителей»[518]. Интересна также эсхатологическая трактовка топоса улетевшей на небо правды и бродящей по земле кривды, отразившаяся в частности в Голубиной книге[519] и в фольклорной традиции[520].

Таким образом, «Повесть о Псковском взятии» в Псковской I летописи, как и вообще свод 1547 года, отражает точку зрения псковича, лояльно относящегося к власти великого московского князя и резко негативно – к московским наместникам во Пскове. Автор называет Псков отчиной Василия III, однако различными способами дает понять, что события 1509–1510 годов значительно изменили взаимоотношения Пскова и Москвы. Хотя в повести акцентируется внимание на добровольном подчинении псковичей воле московского князя, Псков с помощью включения плача, мотива наказания за грехи, апокрифических образов изображается как пострадавшая сторона.

В некоторых списках Псковской I летописи[521] перед «Повестью о Псковском взятии» находится небольшое вступление. Оно было опубликовано в 1848 году в Полном собрании русских летописей[522]. В середине XIX века еще не было проведено качественное текстологическое изучение псковских летописей. По этой причине в данном издании в состав Псковской I летописи включены различные тексты о присоединении Пскова к Москве: рассказ о присоединении Пскова к Москве Псковской III летописи, вступление к «Повести о Псковском взятии» Псковской I летописи и сама «Повесть о Псковском взятии» Псковской I летописи.

А.Н. Насонов провел необходимую текстологическую работу и издал в 1941 году Псковскую I летопись по самым древним спискам. В данном издании

---

[518] См.: Адрианова-Перетц В.П. Литература Пскова второй половины XV – первой половины XVI в. // История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. Литература 1220-х – 1580-х гг. / под ред. А. С. Орлова, В. П. Адриановой-Перетц и Н. К. Гудзия. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1945. С. 404–405.

[519] См. там же. С. 405.

[520] См.: Алпатов С.В. Топосы в системе интертекстуальных связей фольклора и литературы Нового времени // Традиционная культура. 2015. № 3. С. 90–100.

[521] В данной работе мы опираемся при анализе данного текста на его издание в 4 томе ПСРЛ 1848 года.

[522] Псковская первая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. IV. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1848. С. 283.

отсутствует вступление к повести о событиях 1509–1510 годов. Это связано с тем, что данный текст находится «… только в поздних списках псковских летописей»[523] и является «позднейшей вставкой»[524].

По мнению Н.Н. Масленниковой, этот рассказ-вступление противоречит «… духу Повести о псковском взятии…»[525]. В нем Псков изображен как вольный город, который «… ни коим же князем владом бе…»[526]. Это, конечно, является идеализацией псковской вольности: в XVI веке Псков уже достаточно сильно зависел от Москвы.

Создатель этого рассказа описывает централизаторскую политику великих московских князей, акцентируя внимание на насильственном характере присоединения Суздаля, Новгорода и Твери к Москве. То, что Москва до 1509–1510 годов не пыталась покорить Псков, объясняется таким образом: «Псков же град тверд стенами, и людей бе множество в нем, и того ради не иде на них ратию, и бояся, чтобы не отступили в Литву…»[527].

Во вступлении также дана негативная характеристика тем наместникам, которые были посланы во Псков по желанию великого московского князя, а не по просьбе псковичей. Указывается на то, что они и их люди совершали грабежи, применяли насилие и делали ложные доносы на псковичей. Их суды получают отрицательный эпитет «неправедные».

Отметим, что такое отношение к некоторым присланным не по просьбе псковичей наместникам отразилось в псковском летописании. Так, в Псковской III летописи действия навязанных Москвой наместников неоднократно осуждаются. Кроме этого, в самой «Повести о Псковском взятии» дается негативная характеристика Репне-Оболенскому.

---

[523] Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. С. 86.
[524] Там же.
[525] Там же.
[526] Псковская первая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. IV. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1848. С. 283.
[527] Там же.

Н.Н. Масленникова высказала предположение, что это вступление появилось в Новгороде и связано с новгородскими идеями и настроениями[528]. Ее основным аргументом является то, что псковичь не мог объяснять действия великого московского князя тем, что великий московский князь опасается присоединения Пскова к Литве. По мнению исследовательницы, угроза появления псковско-литовского союза была не актуальна для XVI века.

Мы не можем согласиться с этой точкой зрения и считаем, что текст вполне мог быть создан в Пскове. О возможности присоединения Пскова к Литве упоминается в «Повести о Псковском взятии» в Псковской I летописи. Обосновывая свое решение подчиниться великому московскому князю, псковичи, по «Повести о Псковском взятии», ссылаются на то, что «… крестное целование с великими князьми положоно, что нам псковичам от государя своего великого князя, кои ни будеть на Москве, и нам от него не ити ни в Литву, ни в Нѣмцы…»[529]. Кроме того, о попытке псковичей заручиться поддержкой Запада, чтобы отстоять свою независимость от Москвы, говорится в западных источниках. Так, в хронике Кристиана Кельха, написанной в XVII веке, есть сведения о том, что псковичи обратились за помощью к магистру Ливонского ордена Плеттенбергу[530].

Хотя присоединение Пскова к Литве в начале XVI века и кажется современным историкам неправдоподобным, псковичи считали, по-видимому, такое потенциальное развитие событий достойным рассмотрения и упоминания в летописи. Вероятно, создатель «Повести о Псковском взятии» специально упомянул эту возможность, чтобы дополнительно подчеркнуть добровольность подчинения Пскова Москве.

---

[528] Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. С. 86.

[529] Псковская 1-я летопись. Продолжение Погодинского списка // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 94.

[530] См.: Бессуднова М.Б. Псковские события 1509 – начала 1510 г. в контексте ливонской орденской политики // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV – XVI вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства: сб. тр. междунар. научной конференции, 19–20 мая 2010 г. Псковский гос. пед. ун-т им. С.М. Кирова; Европейский ун-т в С.-Петербурге. Псков: обл. тип., 2011. С. 139.

У вступления есть и другие переклички с текстом «Повести о Псковском взятии». В рассказе-вступлении осуждается лицемерное поведение Василия III, который находится в мире с псковичами и в то же время хочет их себе подчинить. Оно характеризуется словами «лукавство злое»[531]. В основном тексте «Повести о Псковском взятии» в более мягкой форме указывается на несоответствие слов великого московского князя его делам: «… а сердечныя никто же вѣсть, что князь великии здоумал на свою отчину…»[532], «… яз вам всѣм оуправы подаю, а оуправы никаковы нѣт»[533].

Вступление, появившееся в поздних списках летописей, отличается в идеологическом плане от основного текста «Повести о Псковском взятии». Если в самой «Повести о Псковском взятии» акцентируется внимание на том, что Псков является отчиной Москвы, то в рассказе-вступлении подчеркивается независимость Пскова до событий 1509–1510 годов.

Однако из этого факта, как нам кажется, не следует делать вывод о новгородском происхождении этого текста. Во-первых, в псковском рассказе о присоединении Пскова к Москве, находящемся в Псковской III летописи, Псковское взятие тоже изображается как утрата Псковом независимости. Насильственная смена установленных в Пскове порядков получает негативную оценку автора текста. Во-вторых, в новгородских летописях присоединению Пскова к Москве уделяется мало внимания. Известные нам новгородские тексты, посвященные этому событию, лаконичны и беспристрастны.

Схожим по идеологической направленности со вступлением к «Повести о Псковском взятии» в поздних списках Псковской I летописи является начало «Повести о Псковском взятии» в Бальзеровском и Горюшкинском списках Софийской I летописи[534].

---

[531] Псковская первая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. IV. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1848. С. 283.
[532] Псковская 1-я летопись. Продолжение Погодинского списка // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 92.
[533] Там же. С. 93.
[534] Продолжение Софийской I летописи // Полное собрание русских летописей. Т. VI. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1859. С. 25–27.

Софийская I летопись представляет собой летопись XV века, дошедшую до нас в двух редакциях: старшая редакция была доведена до 1418 года, а младшая – до второй половины XV века[535]. Исследователи русского летописания отмечали, что текст Софийской I летописи близок Новгородской IV летописи[536]. Однако их мнения относительно протографа этих летописей разошлись. Так, А.А. Шахматов думал, что протограф этих летописей некий новгородский свод 1448 года[537]. Я.С. Лурье оспаривал мнение Шахматова, предполагая, что свод имел общерусский характер, в котором активно использовались новгородские сведения[538].

Однако списки Софийской I летописи продолжены до более позднего времени и достаточно сложно установить их источники. В Бальзеровском списке Софийской I летописи (младшей редакции) описываются события до 1518 года. Горюшкинский список доведен до 1523 года и представляет собой копию с Бальзеровского[539].

Бальзеровский список состоит из двух тетрадей: в одной представлено повествование до 1462 года и отдельные приписки за 1471, 1494, 1495, 1498 годы; в другой – летописный фрагмент за 1472–1518 годы[540]. Вторая тетрадь Бальзеровского списка совпадает во многих статьях с несколькими списками Псковской I летописи. Однако текст о присоединении Пскова к Москве в Бальзеровском и Горюшкинском списках, отличается от «Повести о Псковском взятии» в Псковской I летописи.

«Повесть о Псковском взятии» в Бальзеровском и Горюшкинских списках Софийской I летописи формально можно разделить на две части:

---

[535] См.: Лурье Я.С. Летопись Софийская I // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. С. 57–58.
[536] См. там же. С. 57–60.
[537] См.: Шахматов А.А. Обозрение русских летописных сводов XIV – XVI вв. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1938. С. 208–215.
[538] См.: Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV – XV вв. Л.: Наука, 1976. С. 103–106.
[539] См.: Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. С. 108.
[540] См. там же.

I. с начала текста до слов «…жалобы велики творяху на князя своего великому князю…»[541] включительно (за исключением фразы «Въ лѣто 7018, мѣсяца октября въ 26 день… и со своими бояры»[542]) – оригинальный текст;

II. от слов «…а князь великій управы имъ никакой не дастъ…»[543] до конца повести – текст, совпадающий с «Повестью о Псковском взятии» в Псковской I летописи.

Наибольший интерес представляет оригинальная часть, которая начинается с описания псковских обычаев до присоединения Псковской земли к Москве. Создатель «Повести о Псковском взятии» в Бальзеровском и Горюшкинских списках Софийской I летописи, как и автор вступления к «Повести о Псковском взятии» в поздних списках Псковской I летописи, акцентировал внимание на независимости Пскова до 1509–1510 годов. По версии данного произведения, псковичи могли выбирать себе князей не только из Москвы, но и из Литвы и обращались с избранным князем как с наемником.

Интересно, что в начале «Повести о Псковском взятии» Софийской I летописи можно наблюдать небольшие текстуальные совпадения со вступлением поздних списков к «Повести о Псковском взятии» (см. Приложение 2, таблица 9).

В анализируемой части повести уделяется особое внимание изображению порядков, введенных Иваном Михайловичем Репней-Оболенским. «Московский обычай», который ввел наместник, в тексте характеризуется резко негативно: «… той князь живяше у нихъ грозно и сверѣпо…»[544], «… и правыхъ виноватыхъ творяше и виноватыхъ правыхъ, и всячески оскорбляша ихъ…»[545] и т.д.

Как уже отмечалось, отрицательное отношение к княжению Репни-Оболенского характерно и для «Повести о Псковском взятии» Псковской I летописи. Однако в повести, находящейся в Псковской I летописи,

---

[541] Продолжение Софийской I летописи // Полное собрание русских летописей. Т. VI. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1859. С. 25.
[542] Указанная фраза совпадает с текстом в Псковской I летописи.
[543] Там же.
[544] Продолжение Софийской I летописи // Полное собрание русских летописей. Т. VI. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1859. С. 25.
[545] Там же.

подчеркивается то, что Репня-Оболенский в первую очередь ущемлял права посадников и детей боярских. В начале произведении, которое читается в Софийской I летописи, нет такого акцента на социальной дифференциации псковичей.

В анализируемой части повести также по сравнению с текстом в Псковской I летописи усиливается негативный образ Василия III. Он предстает как лицемер. Он обещает псковичам, что арестует Репню «съ великимъ безчестіемъ и срамомъ»[546] и осудит его на смерть, «яко разбойника»[547], однако после слов великого князя автор повести поясняет, что обещания лживы: «… лукавствуя ими и играя яко безумными…»[548].

Таким образом, вступление к «Повести о Псковском взятии» Псковской I летописи и «Повесть о Псковском взятии» в Софийской I летописи отражают псковскую точку зрения на события 1509–1510 годов. Однако в них более ярко выражается негативное отношение к присоединению Пскова к Москве, чем в самой «Повести о Псковском взятии» в Псковской I летописи. В обоих текстах говорится о разрушении в 1510 году древнего обычая псковичей выбирать князя по своему желанию и подчеркивается коварство Василия III.

Повесть особого состава «Взятие Псковское»[549], как уже отмечалось ранее, находится в двух сборниках: Тих.373 и Писк.183[550]. О.Ю. Чирейкина обратила внимание на то, что в обоих сборниках повесть «Взятие Псковское» находится после повести «О взятии Великого Новаграда», может считаться конвоем данного произведения, а также входит в цикл о взятии городов[551].

---

[546] Там же.
[547] Там же.
[548] Там же.
[549] См.: Взятие Псковское // Тихомиров М. Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М.: Наука, 1968. С. 176–179.
[550] См.: Чирейкина О.Ю. Повесть «Взятие Псковское» как образец жанра воинской повести XVI в. // Макарьевские чтения. Материалы третьей международной конференции (21–22 ноября 2004 г.). Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2004. С. 354–359.
[551] См.: Чирейкина О.Ю. Повести о присоединении Новгорода к Москве в летописях XV – XVII вв. и литературных сборниках: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Барнаул, 2001. С. 150–151.

Повесть особого состава «Взятие Псковское», по нашему мнению, можно, как и «Повесть о Псковском взятии» в Бальзеровском и Горюшкинских списках Софийской I летописи, разделить по формальному принципу на две части:

I. с начала произведения до слов «…жалобы великы творяху на князя своему великому князю»[552] включительно – текст, совпадающий с началом «Повести о Псковском взятии» в Софийской I летописи по Бальзеровскому и Горюшкинскому спискам;

II. от слов «И князь же великий позва…»[553] до конца повести – оригинальный текст, который генетически не связан с другими известными нам повестями о присоединении Пскова к Москве.

В первой части, совпадающей с началом «Повести о Псковском взятии» в Софийской I летописи по Бальзеровскому и Горюшкинскому спискам, можно выделить такие композиционные элементы, как рассказ об обычаях Пскова до 1510 года, повествование о несправедливом княжении Ивана Михайловича Репни-Оболенского во Пскове; жалобы псковичей великому князю на Репню; обещание Василия III наказать своего наместника во Пскове; приход псковичей в Новгород для того, чтобы Василий III разрешил их конфликт с Репней.

Как мы уже показали при анализе начала «Повести о Псковском взятии» в Софийской I летописи по Бальзеровскому и Горюшкинскому спискам, с помощью негативных эпитетов и сравнений выражается отрицательное отношение к псковскому наместнику и присоединению Пскова к Москве.

Вторая часть исследуемой повести состоит из следующих сюжетных эпизодов:

– пир, устроенный Василием III для псковичей, после которого все псковичи были арестованы;

– рассказ о плаче псковичей по плененным в Новгороде;

---

[552] Взятие Псковское // Тихомиров М. Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М.: Наука, 1968. С. 177.
[553] Там же.

– пространная речь игуменов и священников на вече с призывом подчиниться Василию III;

– встреча псковичей и Василия III и сдача Пскова великому князю без боя;

– формульная фраза о возвращении Василия III в Москву «с славою великою».

Следует отметить, что формально выделенные части повести особого состава «Взятие Псковское» в Тих.373 и Писк.183 связаны между собой на лексическом и образном уровнях. Так, образ пира как коварной уловки великого князя, чтобы собрать вместе псковичей и арестовать их, вполне логично продолжает идею «лукавства» Василия III, о котором говорилось в первой части.

Этот образ раскрывается и в речи духовных лиц на вече, где говорится, что «… лукаваа Москва лукаваа и творяше и лестьны поучается…»[554]. Интересна также перекличка оборотов «железы окована» из речи-обещания Василия III расправиться с Репней и «железы прековавши» из рассказа об аресте псковичей (см. Приложение 2, таблица 10). Можно увидеть в этом своеобразный сюжетный параллелизм: та мера, которую Василий III обещал применить к врагу Пскова, была применена к самим псковичам.

В повести особого состава «Взятие Псковское», как и в «Повести о Псковском взятии» в Псковской I летописи, отражено сочувствие Пскову, потерявшему независимость. Так, в данном тексте упоминается плач во Пскове, который поднялся после вести о том, что в Новгороде были арестованы знатные псковичи. Он описывается эпитетами «велик», «горек» и «неутешим», которыми традиционно характеризуются плачи в летописных воинских повестях[555].

Центральное место в композиции повести, своего рода ее кульминацией является речь на вече псковских игуменов и священников. В ее начале традиционным провиденциальным образом объясняются бедствия: «… прииде

---

[554] Там же. С. 178.

[555] См.: Трофимова Н.В. Особенности формы и стилистики плачей в летописных воинских повестях // Вестник славянских культур. № 1 (31). М: Московский государственный университет дизайна и технологии, 2014. С. 141–149.

печаль великаа грех ради наших…»[556]. Заметим, что так в летописях обычно описывается причина мора и нашествия иноверных. Мотив наказания за грехи присутствует также в «Повести о Псковском взятии» и в «Новгородской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород», где образ Ивана III и его войск сближается с образом иноверных и связан с эсхатологической традицией.

В речи священников также красочно описываются негативные последствия, к которым может привести сопротивление псковичей великому московскому князю, и снова появляется мотив «лукавства» Василия III и вообще всех москвичей.

Несмотря на то, что в начале речи присутствуют намеки на негативные черты Василия III, далее в рамках этой речи отражается совсем иной взгляд на присоединение Пскова к Москве. Можно сказать, что примерно с середины речи священников до конца повести события 1509–1510 годов изображаются с промосковской точки зрения.

Духовные лица предлагают псковичам смириться и покориться великому московскому князю. Подчеркивается богоизбранничество Василия III: «… яко с небесе послав… преславнаго государя на брежение наше и сопротивление противным…»[557].

Создается положительный образ московского князя: он изображается как посланный Богом, чтобы защитить Псковскую землю от покушений на нее иноверных народов и обеспечить хорошую жизнь псковичам «… бес печали…»[558], заботясь о них, как о собственных детях.

По версии повести особого состава «Взятие Псковское», именно благодаря речи духовных лиц псковичи решили покориться воле великого московского князя и торжественно встретить его у входа в город.

В конце повести подчеркивает благочестивость и миролюбие Василия III. Он искренне радуется тому, что ему не пришлось применять насилия: «…

---

[556] Взятие Псковское // Тихомиров М. Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М.: Наука, 1968. С. 177.
[557] Там же. С. 178.
[558] Там же.

прослави бога с многыми слезами, предавшего ему сицев град… без пролитиа крови христианскиа»[559]. Заметим, что образ Василия III в данном произведении схож с образом Ивана III «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород», в которой так же акцентируется внимание на христолюбии и гуманности великого московского князя.

В отличие от текста Псковской I летописи, в котором после сообщения о высылке знатных семей из Пскова располагается плач по псковской воле, в повести особого состава «Взятие Псковское» значительно снижается степень трагичности этого события. Автор данного произведения пишет о жизни сосланных в Москву псковичах в более позитивном тоне: «… не столь горко тужаще и плачюще по своей земли на стране чюжей»[560]. Формульная фраза о возвращении Василия III в Москву «с славою великою» также свидетельствует о промосковских взглядах создателя повести.

Такая неоднозначность свидетельствует, вероятно, о том, что в недошедшем до нас источнике повести «Взятие Псковское» в Тих.373 и Писк.183 была отражена псковская точка зрения. По нашему мнению, создатель цикла из повестей «О взятии Великого Новаграда» и «Взятие Псковское» попытался переработать этот источник в соответствии с великокняжеской позицией по отношению к присоединению Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому, а также согласно своему замыслу, связанному с созданием представления о присоединении Северо-Западных земель как едином процессе собирания земель.

Повести «О взятии Великого Новаграда» и «Взятие Псковское» имеют сходства не только на тематическом и идейном уровнях, но и на текстуальном. Так, в обоих текстах по отношению к противникам Москвы (в повести «О взятии Великого Новаграда» по отношению к новгородцам, в повести «Взятие Псковское» – к псковичам) используется номинации с корнем «чуд’-»: «...но вси

---

[559] Там же.
[560] Там же. С. 179.

имамы побиены быти от чюди новгородцев...»[561]; «...по московскому обычаю своему, а не по их чюдскому закону и велению...»[562]. По нашему мнению, новгородцы и псковичи сопоставляются с чудью с целью создания их негативного образа, указания на то, что их вечевое устройство схоже с варварскими обычаями диких народов. Вероятно, актуализируется и религиозная составляющая: новгородцы и псковичи приравниваются к язычникам, при этом действия московских великих князей, воевод и воинов представлены как богоугодные.

Рассказ о присоединении Пскова к Москве, находящийся в Псковской III летописи[563], менее известен, чем «Повесть о Псковском взятии» в Псковской I летописи. Однако он является очень важным источником для изучения идеологической борьбы XVI века. Хотя данный рассказ отражает точку зрения псковича на события 1509–1510 годов, он по своей идеологии значительно отличается от «Повести о Псковском взятии» в Псковской I летописи.

На наш взгляд, необходимо рассматривать данный рассказ не только в сопоставлении с другими произведениями о присоединении Пскова к Москве, но и в контексте всей летописи, так как у ее составителя есть своя достаточно четкая политическая позиция.

Псковская III летопись – свод 1567 года, представленный Строевским и Архивским 2 списками[564]. Заметим, что еще А.А. Шахматов обратил внимание на то, что в Строевском списке после 1481 года исчезают специфические графические и диалектные особенности, отмечаемые в данной рукописи до этого года включительно[565]. По сути, он на основании указанных данных, а также расхождений в содержании между списками после 1481 года высказал

---

[561] Там же. С. 172.
[562] Там же. С. 176.
[563] Псковская 3-я летопись // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 225–226.
[564] См.: Насонов А.Н. Предисловие // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 6–7, Насонов А.Н. Из истории псковского летописания // Полное собрание русских летописей. Т. V. Псковские летописи. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 9–44.
[565] Шахматов А.А. Несколько заметок об языке псковских памятников XIV – XV вв. // Журнал Министерства народного просвещения. 1909. Ч. XXII. № 7. С. 114.

предположение о том, что существовал некий свод 1481 года, являющийся общим протографом Псковской I и Псковской III летописей. Однако Шахматов еще не выделял Псковской III летописи, Строевский список он относил к Псковской I летописи.

Впервые Псковскую III летопись выделил А.Н. Насонов, который считал, что Строевский список является оригиналом свода 1567 года. Он также обратил внимание на то, что и после 1510 года в Строевском, Погодинском и Оболенском списках есть общие места, и предположил, что общим источником сводов 1547 года и 1567 года является некая летописная компиляция, доведенная до 1547 года[566].

Напомним также, что А.Н. Насонов связывал составление свода 1567 года с именем игумена Псково-Печерского монастыря Корнилия[567]. Хотя гипотеза этого исследователя подвергалась критике[568], она оказалась очень перспективной в плане изучения идеологической борьбы XVI века и была поддержана Н.Н. Масленниковой[569]. Как отмечала исследователь, в своде 1567 года нашла отражение «оппозиционная по отношению к Москве идеология псковского боярства…»[570]. Она вслед за А.Н. Насоновым акцентирует внимание на враждебности автора (или редактора) к великим князьям и специфике его редакторской работы: «Он не только сильно искажает, – он фальсифицирует историю. В его летописи не отмечается все возрастающая зависимость Пскова от Москвы»[571].

Действительно, составитель свода 1567 года больше, чем создатель свода 1467 года, уделяет внимания описанию конфликтов псковичей с присланными

---

[566] См.: Насонов А.Н. Из истории псковского летописания // Полное собрание русских летописей. Т. V. Псковские летописи. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 17.
[567] См. там же. С. 9–44.
[568] См.: Андреев Н.Е. О характере 3-й Псковской летописи // The Religious World of Russian Culture. Hague; Paris, 1975. Vol. 2. P. 117–158.
[569] См.: Масленникова Н.Н. Идеологическая борьба в псковской литературе в период образования Русского централизованного государства // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. VIII. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1951. С. 187–217.
[570] Там же. С. 204.
[571] Там же. С. 211.

великим московским князем наместниками. Например, в летописной статье за 1461 год в Псковской III летописи отмечается, что князь Владимир Андреевич приехал «… не по псковскомоу прошению ни по старинѣ…»[572] (в Псковской I летописи это уточнение отсутствует). Дальнейшее развитие конфликта описывается в данных летописях различным образом. Если в Псковской I летописи псковичи, оскорбившие Владимира Андреевича, характеризуются негативными эпитетами «невѣгласы» и «злыя люди», то в Псковской III летописи отрицательная оценка дается самому наместнику: «… приеха не по псковскои старины, псковичи не зван, а на народ не благъ…»[573].

В Псковской III летописи нет позитивного отношения, в отличие от Псковской I летописи, к великим московским князьям. Например, в Псковской I летописи дана положительная посмертная оценка Василия III, а сообщение о смерти этого великого московского князя в Псковской III летописи является кратким и безоценочным. Отметим также, что составитель свода 1567 года негативно оценивает развод Василия III с Соломонией и венчание Ивана IV с Анастасией Романовной.

Рассказ Псковской III летописи о присоединении Пскова к Москве также отличается резко негативным отношением автора к действиям Василия III. Великому московскому князю предъявляются серьезные обвинения: «… и обычай псковской переменилъ, и стариноу пороушилъ, забывъ отца его и дедовъ его слова и жалованья до пскович и кресного целованиа, да вставилъ свои обычеи и послины новыя оуставилъ»[574]. События 1510 года представляются в Псковской III летописи как переломные в истории Пскова. В данном тексте создается негативный образ Василия III: великий московский князь изображен как политический и религиозный преступник.

С одной стороны, акцентируется внимание на том, что он неправомерно нарушил договоренности между Москвой и Псковом. В данном случае очень

---

[572] Псковская 3-я летопись // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 149.
[573] Там же. С. 150.
[574] Там же. С. 225.

важно понятие «старина», которое в сознании древнерусских людей имело положительную оценку, а все, что противоречило жизни «не по старине» воспринималось негативно. При анализе свода 1567 года мы обнаружили, что действия наместников великого князя, характеризующиеся как противоречащие «старине», вызывали резкую и негативную реакцию псковичей. Составитель свода неоднократно описывал изгнание таких князей, сопровождая описания этих событий отрицательной оценкой: «… а все то оучялъ дѣяти новину, а стариноу покиноувъ… но стало по грѣхом и по дьяволю навоженью»[575], «… а онъ приеха не по псковскои старины, псковичи не зван, а на народ не благъ, и изо Пскова с бесчестием поеха…»[576]. Заметим также, что понятие «старина» играло важную роль также и в различных текстах, посвященных новгородским походам Ивана III.

С другой стороны, в рассказе Псковской III летописи подчеркивается, что, нарушив договор, великий московский князь преступил и крестоцелование, что считалось серьезным грехом.

Большое значение для выражения позиции Корнилия имеет отсылка к «Откровению Иоанна Богослова» (17:10–17:11) (см. Приложение 2, таблица 11). Несмотря на то, что автор рассказа о Псковском взятии с максимальной точностью атрибутирует цитату авторитетному библейскому источнику – «Апокалипсису» (вплоть до указания на номер главы), очевидно, что цитата не является точной. В «Откровении Иоанна Богослова» всего 22 главы, следовательно, «Откровение Иоанна Богослова» не может быть непосредственным текстом-донором. На самом деле книжник отсылает к «Толковому Апокалипсису Андрея Кесарийского»[577], в котором именно в главе 54 трактуется цитируемая фраза. По нашему мнению, благодаря толкованию Андрея Кесарийского актуализируется трактовка мировой истории как смены царств и в тоже время как смены веков, завершающейся Вторым пришествием

[575] Там же. С. 131.
[576] Там же. С. 150.
[577] См.: ОР РГБ. Ф. 304.I. Троице-Сергиева лавра. № 122. Л. 78–79. Насколько нам известно, этот памятник в Древней Руси был более популярен, чем само «Откровение Иоанна Богослова» и чаще переписывался.

Христа. Отметим, что после ненаступившего в 1492 году конца света эсхатологическая проблематика оставалась актуальной, православных людей очень интересовал новый расчет даты конца света.

Кроме того, летописец вносит в текст цитаты свои изменения: «… шестое бо царство именоует в Роуси Скивскаго острова…»[578]. Данный фрагмент представляется нам не совсем ясным, однако очевидно, что так автор текста вписывает Русь в данную эсхатологическую модель, в которой изначально по понятным причинам ей не отводилось никакого места. Книжник и современные ему люди находились, по его представлениям, во времена, непосредственно предваряющие пришествие Антихриста.

Следует отметить, что данная цитата приводится после описания жестоких действий Василия III (отнял отчину у псковичей, выслал из Пскова 300 человек, что вызвало «… въ Пьскове плач и скорбъ… разлучения ради»[579]) и указания на то, что «… все то за наше съгрѣшение так богъ велѣл быти»[580]. Таким образом, великий московский князь благодаря отсылке к «Откровению Иоанна Богослова» и его трактовке Андреем Кесарийским позиционируется как предшественник Антихриста, что усиливает негативную характеристику Василия III и отрицательную оценку его похода на Псков.

Интересно, что эту же цитату в модифицированном виде создатель Псковской III летописи приводит в летописной статье за 1547 год. Здесь он демонстрирует свое негативное отношение к другому великому князю – Ивану IV в связи с его женитьбой на Анастасии Романовне[581]. Очевидно, что летописец недоволен не самим фактом женитьбы Ивана Грозного, а его политикой централизации власти: Иван IV незадолго до этого венчался на царство. Так,

---

[578] Псковская 3-я летопись // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 225.
[579] Там же.
[580] Там же.
[581] См. следующую цитату: «… и быша вѣнчаны царскими оутварми, и восхотѣ царство оустроити на Москве; и яко же написано в Пакалипсеи, глава 54: пять бо царевъ миноуло, а шестои есть, но не оубо бе пришло, но се абие оуже настало и приде…» (Псковская 3-я летопись // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 231).

составитель свода 1567 года продолжает свою критику политики московских князей, включая их деятельность в эсхатологическую картину мира и опосредованно соотнося их с Антихристом.

В рассказе Псковской III летописи о присоединении Пскова к Москве сразу после указанной цитаты из «Толкового Апокалипсиса Андрея Кесарийского» приводится еще одна цитата. Автор произведения ссылается на слова Христа, приведенные в Евангелии от Матфея. Здесь книжник точно указывает источник цитаты, апеллируя к авторитету самого Христа и Евангелия (см. Приложение 2, таблица 12). Следует отметить, что автор рассказа Псковской III летописи для цитирования выбирает фразу, связанную с эсхатологическим контекстом (Матф. 24, 20–21).

Так, события 1510 года соотносятся с тем, что, по Евангелию, будет происходить перед концом света. Автор текста подчеркивает то, что эти времена уже наступили, фразой «… се оубо приде на ны зима»[582]. Как справедливо отметил Н.С. Борисов, он выбирает для цитирования именно этот фрагмент из Евангелия от Матфея еще и потому, что Псковское взятие произошло зимой[583]. Таким образом, в контексте рассказа о присоединении Пскова к Москве в Псковской III летописи евангельская фраза может трактоваться одновременно и метафорически (в эсхатологическом ключе), и политически.

Созданный эффект подкрепляется фразой «Семоу оубо царствоу рашширятися и злодеиствоу оумножитися»[584], которая, по наблюдению Н.Н. Масленниковой[585], является пародией на слова из Хронографа 1512 года о том, что Русская земля будет расти и расширяться до конца века[586].

---

[582] Псковская 3-я летопись // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 226.

[583] Борисов Н.С. Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. М., 2004. С. 18.

[584] Псковская 3-я летопись // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 226.

[585] См.: Масленникова Н.Н. Идеологическая борьба в псковской литературе в период образования Русского централизованного государства // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. VIII. М., Л., 1951. С. 212.

[586] См.: «… наша же Росиская земля… растетъ и младѣеть и возвышается, ейже, Христе милостивый, дажь расти и младѣти и разширятися и до скончанiа вѣка» (Хронограф редакции

Описав трагические для Пскова события и соотнеся их с помощью цитат из «Толкового Апокалипсиса Андрея Кесарийского» и Евангелия от Матфея с событиями перед концом света, автор завершает рассказ о Псковском взятии молитвой: «Ох, оувы, да нас Исус христос богъ нашь избавитъ от всего зла и вѣчнаго мучениа и сподобит нас вечных благ, молитвами святыа богородица и всѣх святых, аминь»[587]. Такая концовка сближает его с «Новгородской повестью о походе Ивана III Васильевича на Новгород», в которой так же сильны эсхатологические мотивы и которая тоже оканчивается молитвой, обращенной к Христу: «Но ты, милостивый Спасе, простри руку свою невидимую, изведи нас от всякого зла… молитвами святыя Богородица и всѣх святых…»[588].

Итак, псковские книжники воспринимали присоединение Пскова к Москве различным образом. В «Повести о Псковском взятии» в Псковской I летописи (Погодинский, Оболенский, Архивский I) отражено положительное отношение к личности Василия III и его правам на владение Псковом, однако события 1509–1510 годов осмысляются как трагические. Автор повести также резко критикует поведение московских наместников во Пскове, поставленных после присоединения Пскова к Москве.

Во вступлении к «Повести о Псковском взятии» в поздних списках Псковской I летописи, в повести, находящейся в Софийской I летописи, а также в начале повести особого состава «Взятие Псковское» наблюдается усиление контраста между состоянием Пскова до событий 1509–1510 годов и после них. Присоединение Пскова к Москве преподносится в этих текстах как насильственное разрушение древних псковских традиций.

В рассказе Псковской III летописи о присоединении Пскова к Москве отражена негативная оценка событий 1510 года и враждебное отношение

1512 г. // Полное собрание русских летописей. Т. XXII. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 439–440.)

[587] Псковская 3-я летопись // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 226.

[588] Новгородская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород (Подготовка текста В.П. Бударагина, перевод В.В. Колесова, комментарии Я.С. Лурье) // Библиотека литературы Древней Руси. Т.7. Вторая половина XV в. СПб.: Наука, 1999. С. 316.

к великому московскому князю и его политике. Для придания весомости своей точке зрения автор текста цитирует такие авторитетные источники, как «Толковый Апокалипсис Андрея Кесарийского» и Евангелие от Матфея. Интересно, что обе цитаты имеют эсхатологический ореол. Благодаря им соотносятся события 1510 года и времена перед концом света. Таким образом, Василий III изображается как предшественник Антихриста.

3.2. Древнерусские тексты XVI – XVII вв., отражающие московскую точку зрения на присоединение Пскова к Великому княжеству Московскому, и летописные произведения с немаркированной точкой зрения[589]

Московская повесть о присоединении Пскова к Москве дошла до нас в пространной и краткой редакциях. Пространная редакция данного произведения находится в Летописце XVI века, который хранится в РГБ. Ф. 256. Собр. Румянцева. № 255 (далее – Рум.255); в Русском летописце, который включен состав сборника XVII века РГАДА. Ф. 181. Д. 365[590]; в сборной рукописи XVI века, хранящейся в БАН. Архангельское собр. Д. 193 (далее – Арх.193)[591].

Рум.255 представляет собой московский митрополичий свод XVI века[592]. Происхождение данного летописца обусловило изображение событий 1509–1510 годов с московской точки зрения.

---

[589] При написании данного параграфа были использованы следующие работы автора: Демичева Н.А. Московская повесть о присоединении Пскова к Москве: текстология и поэтика // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной конференции (9–13 сентября 2019 г., Москва, Россия). Т. 10. М.: Индрик, 2019. С. 72–73; Демичева Н.А. Основные различия псковской и московской точек зрения на «псковское взятие» (по древнерусским текстам XVI в.) // Человек и общество в противоречиях и согласии: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Н. Новгород, 2016. С. 26–30.

[590] См.: Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. С. 95–96.

[591] См.: Кукушкина М.В. Новый список Повести о псковском взятии // Труды Отдела древнерусской литературы Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 16. М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1960. С. 473–474.

[592] Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. С. 95.

В сборник начала XVII века, который находится в РГАДА, ф. 181, д. 365, включены различные материалы летописного характера: Летописец вкратце, хроники Никифора патриарха, Русский летописец, фрагменты литовской хроники и др[593]. Московская повесть о присоединении Пскова к Москве находится в Русском летописце, составленном в Москве в начале XVII века[594].

Арх.193 состоит из пяти различных частей, наидревнейшая из которых датируется 20–30 годами XVI века[595]. По наблюдению М.В. Кукушкиной, создатель этой части был сторонником укрепления власти великого московского князя[596].

В вариантах Московской повести о присоединении Пскова к Москве в рукописи РГАДА, ф. 181, д. 365 и в Рум.255 имеется небольшое количество разночтений, которые в основном носят грамматический характер[597]. В Арх.193 находится, по мнению Кукушкиной, более древний текст повести: в нем есть упоминание Соломонии, что говорит о создании текста до развода Василия III с ней в 1525 году, более точно цитируются документы[598].

Московская повесть о присоединении Пскова к Москве отличается достаточно большим объемом и установкой на фактографичность. Как верно отметила Н.Н. Масленникова, в основе повести «… лежит документальный материал»[599]. Следует отметить, что указанная черта вообще характерна для московского летописания конца XV – XVI веков. Например, стиль Московской повести о походе Ивана III 1477–1478 годов близок стилю деловых документов (стремление к точному указанию дат, имен, населенных пунктов при описании передвижений войск и переговоров, наличие перечней подарков,

---

[593] См.: Там же. С. 96.
[594] См.: Там же.
[595] Кукушкина М.В. Новый список Повести о псковском взятии // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 16. М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1960. С. 474.
[596] См. там же.
[597] См.: Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. С. 96.
[598] См.: Кукушкина М. В. Новый список Повести о псковском взятии // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 16. М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1960. С. 475–476.
[599] Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. С. 97.

конфискованных земель). Большую часть повести занимает подробное описание передвижений войск Ивана III и удельных князей, откликнувшихся на призыв великого московского князя, и переговоров Ивана III с новгородцами.

В Московской повести о присоединении Пскова к Москве перечисляются имена всех послов и воевод, подробно описываются перемещения войск Василия III и его союзников, приводятся пространные речи псковичей и великого московского князя. Вкрапления прямой речи, занимающие в данном произведении около 45%, имеют большое значение для композиции Московской повести о присоединении Пскова к Москве. За счет обильного цитирования речей в тексте постоянно повторяются одни и те же идеи, выраженные одними и теми же фразами. Все это придает тексту достоверности и убедительности в глазах потенциального читателя.

Обратим внимание на то, что такие слова и обороты, как «жаловать», «держать в старине», «оборонять» присутствуют и в псковских, и в московских текстах о присоединении Пскова к Москве (см. Приложение 2, таблица 13).

Данные элементы принадлежат к деловому языку и, вероятно, попали в эти независимые друг от друга произведения из документов. Однако в псковских текстах есть комментарии автора, в которых выражается сомнение в искренности цитируемых речей Василия III: «… а сердечныя никто же вѣсть, что князь великии здоумал на свою отчину…»[600], «… лукавствуя ими и играя яко безумными…»[601], «А все писалъ Псковоу мяхко…»[602]. В Московской повести о присоединении Пскова к Москве подобные комментарии отсутствуют, соответственно нет и противопоставления точек зрения автора и великого московского князя.

Важным моментом в Московской повести о присоединении Пскова к Москве, отличающим ее от псковских текстов, является изображение конфликта

---

[600] Псковская 1-я летопись. Продолжение Погодинского списка // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 92.

[601] Продолжение Софийской I летописи // Полное собрание русских летописей. Т. VI. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1859. С. 25.

[602] Псковская 3-я летопись // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 225.

псковичей и Репни с иного ракурса. По версии данного текста, псковский наместник первым жалуется Василию III на псковичей. Получается, что псковичи с самого начала наделены негативной характеристикой и изображены как преступники: «… его государское имя призираху и нечестно своим презорством и непослушанием держаху…»[603]. Автор повести постоянно упоминает о внутренних раздорах жителей Пскова, что также способствует формированию негативного образа псковичей. Особенный акцент делается на межклассовой борьбе: «…насилие велико черным и мелким людем от посадников псковских и бояр»[604].

В московской повести создается положительный образ великого московского князя, который справедливо, по мнению автора текста, разрешает конфликт между псковичами и Репней. Василий III характеризуется как христолюбивый князь, который усердно молится и подает милостыню[605].

Важным для автора повести было подчеркнуть нежелание великого московского князя прибегать к насилию. О возвращении Василия III в Москву он говорит: «… с великою победою без крови…»[606].

Краткая редакция Московской повести о присоединении Пскова к Москве известна в трех списках: ГИМ. Собр. Черткова. № 115б (далее – Чертк.115б); РГАДА. Ф. 201. Собр. Оболенского. № 46 (далее – Обол.46); СПбИИ РАН. Ф. 238. Собр. Лихачева. № 513 (далее – Лих.513)[607].

Чертк.115б представляет собой рукопись начала XVII века, в основе которой лежит свод 1533 года, а также материал из Хронографов 1599 года и

---

[603] Взятие Пскова // Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. С. 187.
[604] Там же.
[605] См. об этом следующие цитаты: «… помолясь живоначальнай Троицы, молебныя совершив, и монастыри, и священников, и нищих милостинею довольно учредив…» (Взятие Пскова // Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. С. 194), «… славя бога и пречистую его матерь и великих чюдотворцов» (Там же).
[606] Там же.
[607] См.: Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. М.: Наука, 1969. С. 471–474; Никонов С.А. Московская повесть о Псковском взятии: к вопросу о краткой редакции произведения // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. М: Оркомитет Чтений памяти акад. РАН Л.В. Милова, 2009. № 1. С. 34.

1601 года[608]. При этом А.Н. Насонов считал, что у Рум.255 и Чертк.115б есть общий протограф 40-х годов XVI века[609]. Он также выяснил, что Чертк.115б, Обол.46 и Лих.513 отражают свод 1533 года, в котором сочетается материал великокняжеского и митрополичьего свода, в особой редакции первой трети XVII века[610].

Краткая редакция Московской повести о присоединении Пскова к Москве была опубликована в 1790 году в составе «Русского Времянника»[611]. Как показал Насонов, «Русский Времянник» является публикацией не какой-то реальной летописи, а отобранных редактором фрагментов Чертк.115б[612].

Краткая редакция Московской повести о присоединении Пскова к Москве, как справедливо отметил С.А. Никонов, в целом не отличается по идеологической направленности от пространной редакции[613]. Несмотря на это, интересно рассмотреть специфику редакторской работы.

Текст, находящийся в Чертк.115б, Обол.46 и Лих.513, занимает более чем в два раза меньший объем, чем пространная редакция Московской повести о присоединении Пскова к Москве. Важно, что сокращения производятся в основном благодаря устранению таких композиционных элементов, как речи послов Василия III и псковичей. Прямая речь в таких случаях заменяется косвенной, при этом редактор старается сохранять ключевые слова и обороты.

Например, в пространной редакции приводится достаточно объемная речь псковичей, обращенная к великому московскому князю. В краткой же редакции слова псковичей устраняются и заменяются на фрагмент текста, занимающий примерно в 8 раз меньше места. Однако редактор использует наиболее значимые

---

608 См.: Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. М.: Наука, 1969. С. 435–437.
609 См. там же. С. 470.
610 См. там же. С. 472.
611 См.: Русский времянник, сиречь, Летописец, содержащий российскую историю от 6370/862 лета до 7189/1681 лета. Ч. 2. М.: Моск. Синод. тип, 1790. С. 226–235.
612 См.: Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. М.: Наука, 1969. С. 435.
613 См.: Никонов С.А. Московская повесть о Псковском взятии: к вопросу о краткой редакции произведения // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. М: Оркомитет Чтений памяти акад. РАН Л.В. Милова, 2009. № 1. С. 35.

обороты из речи псковичей и комбинирует их в единый резюмирующий текст (см. Приложение 2, таблица 14). Прямая речь заменяется косвенной речью: добавляются союзы «что» и «чтобы», по отношению к псковичам употребляются личные и притяжательные местоимения 3 лица (вместо местоимений 1 лица в пространной редакции).

Подобная редакторская работа была проведена с большинством речей пространной редакции. Иногда может устраняться целый эпизод с речами, если он, по мнению составителя краткой редакции Московской повести о присоединении Пскова к Москве, не привносит какой-либо значимой для развития сюжета информации.

В краткой редакции также устраняется некоторое количество деталей (имен послов, небольших эпизодов), которые не очень важны для сюжета произведения. Следует согласиться с С.А. Никоновым в том, что причина ликвидации данных элементов связана с их незначительностью и неактуальностью «… для более позднего книжника»[614].

Таким образом, в Московской повести о присоединении Пскова к Москве отражена московская точка зрения на события 1509–1510 годов: в ней создается положительный образ Василия III и дается негативная характеристика псковичам. В пространной редакции особенно сильно заметно влияние документов. В краткой редакции ликвидируются некоторые незначительные детали и сокращаются эпизоды с дипломатическими переговорами, в которых прямая речь заменяется косвенной.

В Новгородской Большаковской летописи XVI в. содержится еще одно произведение, автор которого «…явно стоит на стороне великого князя…»[615]. По предположению Е.Л. Конявской, Большаковская летопись могла быть создана

---

[614] Никонов С.А. Московская повесть о Псковском взятии: к вопросу о краткой редакции произведения // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. М: Оркомитет Чтений памяти акад. РАН Л.В. Милова, 2009. № 1. С. 35.

[615] Конявская Е.Л. Новгородская летопись XVI в. из собрания Т.Ф. Большакова // Новгородский исторический сборник. Новгород, 2005. Вып. 10 (20). С. 336.

по инициативе наместника великого московского князя в Новгороде Михаила Семеновича Воронцова[616].

Рассказ о присоединении Пскова к Москве в Большаковской летописи представляет собой самостоятельный текст, практически не содержащий текстуальных совпадений с иными анализируемыми в данной работе текстами о событиях 1509-1510 гг., за исключением фразы Василия III «Поимани есть Бгомъ и великимъ knsem», адресованной псковичам[617]. Отметим также, что в этом рассказе имеются некоторые детали, совпадающие с версией «Повести о Псковском взятии» в Псковской I летописи: дата приезда Василия III в Великий Новгород – 26 октября на Дмитриев день (в Московской повести о присоединении Пскова к Москве – 28 ноября, в повести «Взятии Псковское» в Тих.373 и Писк.183 дата прибытия великого московского князя в Новгород не указана), прибытие Василия III во Псков в день памяти Ксении Миласской (в Псковской I летописи правильно указывается 24 января, в Большаковской ошибочно – 20 января).

Как и в «Повести о Псковском взятии», в начале текста сообщается о том, что псковичи приехали в Новгород жаловаться на наместника Репню-Оболенского. Однако в этих текстах есть значимые отличия. Если в Псковской I летописи указывается на обоснованность жалоб псковичей на наместника, его негативные действия по отношению к Пскову и псковичам представлены как имевшие место в действительности («… а тот Репня не пошлиною во Псков приѣхал да сѣл на княжении, а не по крестному целованию оучал во Пскове жити, а не оучал добра хотѣть святеи Троицы, ни моужем псковичем; да тот Репня много зла чинил дѣтем боярским и посадничим…»[618]), то в Большаковской летописи эта информация о поведении Репни-Оболенского присутствует лишь в качестве косвенной речи псковичей и ничем не подтверждается («Тоя ж(е) зимы

---

[616] См. Там же. С. 339-343.

[617] Данное совпадение было отмечено публикатором и исследователем Большаковской летописи – Е.Л. Конявской (см.: Там же. С. 336).

[618] Псковская 1-я летопись. Продолжение Погодинского списка // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 92.

дек(абря) приѣхаша псковичи і биша челом великому кнsю на его на его воеводу на Івана Михаиловича на Репню, бяше бо у нихъ Іван Репня намѣстник, і много обиды и sла от него на гражанъ сказаша»[619]). При описании ареста псковичей в Новгороде не говорится о запланированности этого события, коварстве Ивана III.

Важное место в композиции анализируемого рассказа занимает речь псковских игуменов и священников на вече, в которой они обосновывают необходимость добровольно подчинения великому московскому князю. Само наличие данного эпизода, а также смысл основных аргументов авторов речи (невозможность противостоять мощи великого московского князя и его войскам, единая христианская вера у псковичей и Василия III) сближает текст с повестью «Взятии Псковское», однако содержание этих речей, их словесное наполнение в данных произведениях различно. В Рассказе о присоединении Пскова к Москве в Большаковской летописи, в частности, делается акцент (в том числе с помощью риторических вопросов) на том, что Иван III до описываемых событий уже покорил по Божьей воле многие русские города: «Аще ли Гсдь Бгъ не предавалъ градов великому кнsю, не бы Твер, город великіи, предал ему в руцѣ и покорил многие грады Гсдь Бгъ. Нашему ли граду единому не покоритеся, да кровь пролияти хрстияном сущимъ і гладомх умрети?... Видѣсте ли, что Гсдь Бгъ Вышніи предает град нашъ в руцѣ его?»[620].

В рассказе Большаковской летописи подчинение псковичей Василию III изображено как добровольное («…срѣтоша его псковичи со крсты, радующеся і биюще челом, нарицающе его гсдарем»[621]), в нем нет плача псковичей, описания их переживаний и отрицательных последствий включения Псковской земли в состав Московского государства. Таким образом, в Рассказе о присоединении

[619] Новгородская Большаковская летопись // Конявская Е.Л. Новгородская летопись XVI в. из собрания Т.Ф. Большакова // Новгородский исторический сборник. Новгород, 2005. Вып. 10 (20). С. 372.
[620] Там же. С. 372-373.
[621] Там же. С. 373.

Пскова к Москве в Большаковской летописи отражена московская точка зрения на события 1509-1510 гг.

В Софийской II[622], Львовской[623], Ермолинской (Кирилло-Белозерский список)[624], Воскресенской[625] и Никоновской[626] летописях и в Лицевом летописном своде находятся варианты одного рассказа о Псковском взятии, отражающего московскую точку зрения на события 1509–1510 годов. Обратим внимание, что указанные летописи в той или иной мере имели отношение к московскому летописанию.

Текст о присоединении Пскова к Москве, который находится в указанных летописях, имеет небольшой объем. В нем кратко излагаются основные события Псковского взятия: приезд Василия III в Новгород; посольство псковичей к великому князю с жалобой на псковского князя Ивана Михайловича Репню-Оболенского; признание Василием III псковичей виновными в конфликте с Репней-Оболенским и арест псковичей в Новгороде; посольство Третьяка Долматова к псковичам с требованиями великого князя; приезд Василия III, увоз вечевого колокола и ссылка «лучших людей» из Пскова; возвращение великого князя в Москву.

Несмотря на лаконичность рассказа, который находится в Софийской II, Львовской, Ермолинской, Воскресенской и Никоновской летописях и в Лицевом летописном своде, в нем достаточно ярко отражена московская точка зрения на события 1509–1510 годов. В данном тексте действия Василия III мотивируются неправомерными действиями псковичей, которые обвиняются в клевете на наместника и в нарушении договоренностей с великим князем:

---

[622] Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 390–391.

[623] Львовская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XX. Ч.1. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1910. С. 383–384.

[624] Ермолинская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXIII. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 198–199.

[625] Продолжение летописи по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. VIII. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1859. С. 251.

[626] Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. XIII. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 12–13.

«… не по правдѣ бьют челом… да неч(е)стно его дръжаша…»[627]. В этом произведении также отсутствует негативная характеристика Ивана Михайловича Репни-Оболенского, характерная для псковских текстов. Московский летописец изображает справедливым и легитимным решение Василия III поддержать своего наместника Репню-Оболенского и наказать псковичей. Такая трактовка событий близка позиции автора Московской повести о присоединении Пскова к Москве. Интересно, что между данными текстами можно обнаружить некоторые совпадения (см. Приложение 2, таблица 15).

В отличие от «Повести о псковском взятии» Псковской I летописи и московской повести «Взятие Пскова» автор летописного рассказа не акцентирует внимание на переговорах Василия III и псковичей. Он ограничивается фразой «Псковичи же тако створиша всю волю г(о)с(у)д(а)рьскую»[628].

Присоединение Пскова к Москве нашло отражение также в Степенной книге, созданной московским митрополитом Афанасием в 1560–1563 годах[629]. Главным летописным источником Степенной книги является Никоновская летопись, но при ее создании использовались также многие другие источники: летописные и агиографические[630].

Отметим, что Степенная книга была связана с идеей укрепления московского самодержавия. Для нее также характерно «…всяческое подчеркивание роли церкви в жизни государства»[631]. Данные специфические особенности Степенной книги отразились и в рассказе о Псковском взятии, находящемся в этой летописи[632].

---

[627] Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001. Стб. 390.
[628] Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001. Стб. 391.
[629] См.: Покровский Н.Н. Афанасий (в миру Андрей) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. С. 74–75.
[630] См. там же. С. 75.
[631] Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. С. 106.
[632] Книга Степенная царского родословия // Полное собрание русских летописей. Т. XXI. Ч. 2. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1913. С. 586–587.

По нашему мнению, в качестве источника рассказа о присоединении Пскова к Москве составитель Степенной книги использовал рассказ, находящийся в Софийской II, Львовской, Ермолинской, Воскресенской и Никоновской летописях и в Лицевом летописном своде. Однако Афанасий очень тщательно переработал источник, поэтому текстуальные совпадения практически отсутствуют. Исключение составляют лишь некоторые словосочетания и фразы («… изъ нятьства выпустилъ…»[633], «… и все учини, яко же лѣпо государству его»[634] и еще несколько менее очевидных заимствований).

Многие выражения из рассказа, находящегося в Софийской II, Львовской, Ермолинской, Воскресенской и Никоновской летописях и в Лицевом летописном своде, переписываются составителем Степенной книги без изменения смысла в более высоком, книжном стиле (см. Приложение 2, таблица 16). Например, выражение делового языка «… не по правдѣ бьютъ челомъ на его намѣстника…»[635] заменяется на усложненную конструкцию «… неправедная словеса прилагаютъ намѣстника его…»[636].

Помимо стилистических замен, составитель Степенной книги вносит важные смысловые изменения. В рассказе о присоединении Пскова к Москве создается позитивный образ Василия III с помощью эпитетов «богохранимый самодержецъ», «Богомъ подвизаемъ», «самодержавный», «благоразумный». Подчеркивается благочестивость великого московского князя описанием его поведения «…со умиленнымъ моленіемъ и всѣхъ лѣпотьно на обѣдованіи своемъ учреди»[637]. Заметим, что подобным образом с помощью положительных эпитетов и акцентирования внимания на благочестивом поведении конструируется образ Ивана III в московских текстах о присоединении Новгорода к Москве («Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород», «Словесах избранных…»).

---

[633] Там же. С. 587.
[634] Там же.
[635] Там же. С. 586.
[636] Там же.
[637] Книга Степенная царского родословия // Полное собрание русских летописей. Т. XXI. Ч. 2. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1913. С. 586.

Важнейшей особенностью рассказа о присоединении Пскова к Москве в Степенной книге является сообщение о том, что псковичи решили подчиниться Василию III только после уговоров псковских священников. Подчеркивание роли духовных лиц в событиях 1509–1510 годов вполне вписывается в общую концепцию Степенной книги. Однако мы не можем согласиться с тем, что этой детали нет в других текстах о присоединении Пскова к Москве[638]. Как мы уже отмечали, в повести «Взятие Псковское», которая находится в рукописи Тих.373, а также в Большаковской летописи приводятся пространные речи игуменов и священников, убеждающих псковичей покориться воле Василия III.

Таким образом, рассказ, находящийся в Софийской II, Львовской, Ермолинской, Воскресенской и Никоновской летописях и в Лицевом летописном своде, отличается лаконичностью и ориентированностью на факты, а не на оценки. Однако благодаря наличию одних элементов текста и значимому отсутствию других становится очевидной московская позиция произведения. Данный рассказ также положен в основу текста о присоединении Пскова к Москве в Степенной книге, однако составитель этой летописи добавляет некоторые идеологически значимые фрагменты и осуществляет стилистическую правку.

В древнерусском летописании существуют тексты, в которых не отражается ни московская, ни псковская точка зрения на присоединение Пскова к Москве. К ним относятся рассказы в Типографской, Холмогорской летописях, в Академическом и Голицынском списках Новгородской IV летописи, а также в летописи Дубровского. Данные летописные тексты имеют небольшой объем, в них события 1509–1510 годов излагаются лаконично и беспристрастно.

Типографскую летопись можно отнести к неофициальному летописанию конца XV – начала XVI века[639]. В ее основу положен ростовский свод

---

[638] Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. С. 107.

[639] См.: Лурье Я.С. Летопись Типографская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. С. 63–64.

1489 года[640]. В данной летописи также используются известия московского официального летописания, поэтому в ней сочетаются летописные статьи, в которых прослеживается независимая позиция ее автора, и тексты, отражающие лояльное отношение к власти великого московского князя.

Например, присоединение Новгорода к Москве описывается в Типографской летописи с московской точки зрения. В ней находится повесть «О брани на Новгород», в которой новгородский поход Ивана III 1471 года изображен с позиции московских воинов (книжник называет их «наши»); краткий летописный рассказ о походе «миром» 1475–1476 годов; повесть «О войне на Новгород», в которой Иван III именуется «нашим», новгородцы характеризуются как «измѣнники», успех похода Ивана III 1477–1478 годов объясняется традиционным мотивом Божьей помощи.

Однако в тексте Типографской летописи, посвященном событиям 1509–1510 годов, отсутствует легитимизация действий Василия III. В нем нет мотивировки похода великого московского князя на Псков. В рассказе данной летописи не описывается одно из ключевых событий московских текстов о присоединении Пскова к Москве (а также некоторых псковских текстов) – конфликт между псковичами и Иваном Михайловичем Репней-Оболенским. В московских текстах именно желанием Василия III разрешить данный конфликт и его гневом на неправильное поведение псковичей обосновывается взятие Пскова.

В рассказе о присоединении Пскова к Москве в Типографской летописи отсутствует заключительная фраза о возвращении Василия III. Завершается текст проведением параллели с подчинением Новгорода к Москве: «И учиниша во своей воли, какъ и Новгородъ»[641]. Очевидно, что автор этой летописной статьи осознает покорение Новгорода в 1477–1478 годов и присоединение Пскова

---

[640] См.: Клосс Б.М. Предисловие к изданию 2000 г. // Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. Изд. 2-е. М.: Языки русской культуры, 2000. С. V–XI.

[641] Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. Петроград: 2-я Государственная типография, 1921. С. 216.

к Москве в 1509–1510 годов элементами одного крупного внутриполитического процесса.

В рассказе о присоединении Пскова к Москве в Типографской летописи также нет негативной оценки действий Василия III и сожаления об утраченной независимости Пскова, характерных для псковских текстов о событиях 1509–1510 годов. Прилагательное «добрый», употребленное по отношению к псковичам, арестованным Василием III в Новгороде, не является оценочным. Оно является частью устойчивого словосочетания «добрые люди», которое имело социально-юридический характер[642]. Скорее всего, в контексте рассказа Типографской летописи словосочетание «добрые люди» было употреблено как синоним термина «лучшие люди», который использовался для обозначения высших социальных слоев в Новгороде и Пскове.

Особый рассказ о присоединении Пскова к Москве находится в Академическом и Голицынском списках Новгородской IV летописи[643], созданных в первой четверти XVI века[644], и в летописи Дубровского[645], в которой до нас дошел свод 1539 года[646]. В качестве источников составитель летописи Дубровского использовал Новгородскую IV летопись и некий реконструируемый свод, сочетающий местные (новгородские) и общерусские статьи[647].

Отметим, что летопись Дубровского отличается в идеологическом плане от Новгородской IV летописи. Так, в Академическом и Голицынском списках Новгородской IV летописи находятся краткие рассказы о походах Ивана III, в которых нет одобрения действий великого московского князя, а в летопись

---

[642] См.: Лонин А.В. «Лучшие люди» в древнерусских литературных памятниках // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2011. № 7. С. 220–225.

[643] Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. 1. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 461, 469.

[644] См.: Клосс Б.М. Второе предисловие к изданию 2000 года // Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. 1. М.: Языки русской культуры, 2000. С. XVII.

[645] Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского // Полное собрание русских летописей. Т. XLIII. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 213–214.

[646] См.: Азбелев С.Н. Две редакции новгородской летописи Дубровского // Новгородский исторический сборник. Вып. 9. Новгород, 1959. С. 219.

[647] См.: Лурье Я.С. Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 1994. С. 19.

Дубровского вошли «… направленные против новгородской независимости произведения…»[648] К таким произведениям относятся «Словеса избранна…», в которых дается политическое, юридическое и религиозное обоснование похода Ивана III 1471 года на Новгород; вторая редакция московской повести «О поезде великого князя в Новгород» о событиях 1475–1476 годов; московская повесть «О войне на Новгород» об окончательном присоединении Новгорода к Москве.

Идеологическая направленность данных текстов позволила С.Н. Азбелеву увидеть в составителе этого свода «…активного сторонника включения Новгорода и Новгородской земли в состав единого Русского государства…»[649]. Однако, описывая присоединение Пскова к Москве, составитель летописи Дубровского, как и создатели Академического и Голицынского списков Новгородской IV летописи, не проявляет симпатии к действиям великого московского князя. В данном летописном рассказе кратко излагаются основные события взятия Пскова, известные по другим летописям: приезд Василия III в Новгород, арест псковичей в Новгороде, поход великого московского князя на Псков, уничтожение вечевых порядков, высылка «лучших людей» и отправка вечевого колокола в Москву.

Интересно, что полностью игнорируется конфликт между псковичами и Иваном Михайловичем Репней-Оболенским и называется абсолютно другая причина похода: «Вина их была, что был архиеп(и)с(ко)пъ Генадии во Псковѣ, и псковичи своимъ попомъ тро(и)цким не вѣлѣли со вл(а)д(ы)кою служить, а проскурницамъ проскур про вл(а)д(ы)ку не вѣлѣли печи»[650].

В данном летописном рассказе отражена точка зрения стороннего наблюдателя, который не считает нужным уделять много внимания присоединению Пскова к Москве. Он не сочувствует псковичам и не пытается

---

[648] Лихачев Д.С. Литература периода новгородских походов Ивана III // История русской литературы: В 10 т. Т. II. Ч. 1. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1945. С. 371.

[649] Азбелев С.Н. Две редакции новгородской летописи Дубровского // Новгородский исторический сборник. Вып. 9. Новгород, 1959. С. 220.

[650] Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского // Полное собрание русских летописей. Т. XLIII. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 213.

оправдать действия Василия III, а его попытка объяснить причину произошедших событий связана с мелким новгородско-псковским церковным конфликтом.

В Холмогорской летописи содержится еще один рассказ о присоединении Пскова к Москве[651], в котором нет ни симпатии к действиям Василия III, ни сочувствия псковичам.

Холмогорская летопись – свод середины XVI века, созданный на севере России, но имеющий при этом общерусский характер[652]. В рассказе о присоединении Пскова к Москве в данной летописи можно обнаружить следы влияния московского рассказа о событиях 1509–1510 годов, находящегося в Софийской II, Львовской, Ермолинской, Воскресенской и Никоновской летописях и в Лицевом летописном своде (см. Приложение 2, таблица 17).

Однако в рассказе Холмогорской летописи отсутствует описание конфликта между псковичами и Иваном Михайловичем Репней-Оболенским и ареста псковичей в Новгороде. Вследствие этого взятие Пскова Василием III изображается как немотивированное. В данном летописном тексте нет никаких оценок событий 1509–1510 годов.

Таким образом, московская точка зрения на присоединение Пскова к Москве достаточно широко отразилась в древнерусских текстах: в Московской повести о присоединении Пскова к Москве, Рассказе о присоединении Пскова к Москве в Большаковской летописи, рассказе о Псковском взятии в Софийской II, Львовской, Ермолинской, Воскресенской и Никоновской летописях и в Лицевом летописном своде, а также в рассказе в Степенной книге. Для этих произведений характерно формирование негативного образа псковичей, которые преподносятся как виновные в их конфликте с Иваном Михайловичем Репней-Оболенским. Присоединение Пскова к Москве изображается как справедливое наказание. Пространная редакция Московской повести о присоединении Пскова к Москве

---

[651] Холмогорская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXXIII. Л.: Наука, 1977. С. 135.

[652] См.: Лурье Я.С. Летопись Холмогорская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. С. 68–69; Лурье Я.С. О неизданной Холмогорской летописи // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей, посвященных 75-летию профессора С.Н. Валка. М.: Наука, 1964. С. 455.

также отличается использованием в ней документальных материалов, что служит увеличению степени убедительности и достоверности для древнерусского читателя. В тексте, находящемся в Степенной книге, большую роль играет нанизывание эпитетов, положительно характеризующих Василия III, и подчеркивание роли духовных лиц в событиях 1509–1510 годов.

В летописной традиции существуют также тексты, в которых нет признаков ни псковской позиции, ни московской. К таким произведениям относятся краткие рассказ о присоединении Пскова к Москве в Типографской летописи, рассказ о присоединении Пскова к Москве в Холмогорской летописи, а также рассказ о присоединении Пскова к Москве в Академическом и Голицынском списках Новгородской IV летописи и в летописи Дубровского. Все эти тексты лаконичны и индифферентны к событиям 1509–1510 годов.

Заключение

Подводя итоги исследования, можно сделать следующие выводы и обобщения:

1. Включение Новгородской (1471–1478 гг.) и Псковской земель (1509–1510 гг.) в состав Московского государства является частью более глобального исторического процесса – возникновения и развития Русского государства в XV – XVI вв. Данные события широко отразились в летописях и рукописных сборниках XV – XVII вв. В древнерусской словесности существует три точки зрения на присоединение Новгорода в 1471–1478 гг.: московская, новгородская и псковская. На присоединение Пскова к Москве в 1510 г. можно выделить московскую и псковскую точки зрения, а также группу летописных текстов с немаркированной точкой зрения.

2. Новгородский поход Ивана III 1471 г. является важным этапом процесса подчинения Новгорода Москве, поэтому он широко отразился в летописании конца XV — начала XVII вв. Можно выделить три точки зрения на события 1471 г. в повестях о походе 1471 г.

В «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород», повести «О брани на Новгород», «Словесах избранных…» и Кратких промосковских повестях о походе 1471 г. отражена московская точка зрения на события 1471 г., в этих текстах проводится легитимизация новгородского похода 1471 г. Ивана III, с чем связана композиция произведений, образная структура и выбор средств художественной выразительности.

Пафос «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» построен на обвинении новгородцев в преступлении против Ивана III и Бога. Измена литовской партии характеризует всех новгородцев как «неверных» и влечет за собой справедливое (с точки зрения автора повести) возмездие. Постоянно подчеркивается легитимность прав Ивана III на Новгород и его преимущество в морально-религиозном плане. Для выражения идеологических установок используются такие приемы, как создание негативного образа

новгородцев, характеризующихся отрицательных эпитетами; создание положительного образа Ивана III; религиозное оправдание похода с помощью мотивов Божьей помощи.

В повести «О брани на Новгород» практически не уделено внимания внутриполитической борьбе в Новгороде, все новгородцы характеризуются как враги. Автор соотносит себя с московскими воинами (называет их «наши») и выдвигает московских воевод как основных персонажей, при этом оставляя Ивана III на периферии действия.

«Словеса избранна от Святых Писаний…» также дают политическое и юридическое обоснование похода 1471 г. Однако его особенностью является церковный характер: текст насыщен цитатами из Священного Писания, события 1471 г. постоянно соотносятся с библейской историей, что «работает» на оправдание действий Ивана III и дискредитацию новгородцев. Для «Словес избранных от Святых Писаний…» важен образ новгородцев-антигероев Марфы Борецкой и Пимена. Причем образ Марфы Борецкой создан в традициях образа «злых жен».

«Новгородская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород» сильно отличается от других текстов, отражающих поход 1471 г. Здесь нет политического и религиозного оправдания действиям Ивана III, напротив, они предстают немотивированными, что сближает их с летописными образами половецких и татарских набегов. Такое описание поведения московского войска может, на наш взгляд, объясняться эсхатологической направленностью произведения, которая подкрепляется мотивами наказания за грехи и покаяния. В «Новгородской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» отражены социальные и политические противоречия в Новгороде, но автор специально не выражает свою позицию, старается бесстрастно излагать события. Однако автор сочувствует новгородским воеводам и эмоционально выказывает свое отношение к предательству Упадыша, используя риторические вопросы и восклицания, повторение в небольшом фрагменте много раз слова с корнем «зъл-» и т.д.

Псковские летописи концентрируются на том, что происходит с Псковом и псковичами. Это выражается в отборе событий и сдержанности оценок. Именно поэтому центральным эпизодом становится повествование о посольстве Москвы и Новгорода во Псков. Авторы данных текстов не ставят себе задачу разобраться во внутренних разногласиях в Новгороде (как в Новгородской повести) или легитимизировать поход Ивана III (как это делается в московских текстах). Если новгородцы и осуждаются, то не за отступление от Ивана III, а из-за внутренних противоречий Новгорода и Пскова. Хотя псковичи и выступают на стороне Москвы, они стараются сохранить хорошие отношения с Новгородом, поэтому псковские авторы стараются придерживаться относительно нейтральной и отстраненной манеры, не восхваляя великого князя и не очерняя новгородцев (как это делается в московских текстах).

3. Новгородский поход Ивана III 1475–1476 гг. отразился в меньшем количестве летописей, чем поход 1471 г. Тексты об этом походе меньше по объему и менее художественны, чем произведения о первом походе Ивана III. Они больше ориентированы на документальное изложение фактов. Несмотря на это, идеологические позиции этих текстов достаточно хорошо определяются.

Московскую точку зрения на поход 1475–1476 гг. отражают повесть «О поезде великого князя в Новгород», Московские рассказы о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III (по Воскресенской летописи, Степенной книге и Мазуринскому летописцу), Краткие московские рассказы о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III. Их объединяет то, что в них поход 1475–1476 гг. представлен как мирное мероприятие (используется формула «поиде миромъ»). В некоторых из этих текстов также создается образ христолюбивого князя, вершащего праведный суд над новгородцами.

Новгородский рассказ о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III отражает новгородскую точку зрения. В нем акцентируется внимание на военном характере похода и ущербе, нанесенном Новгороду московскими войсками.

Псковская повесть о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III отражает псковскую точку зрения на события 1475–1476 гг. В отличие от других текстов

о новгородском походе Ивана III 1475–1476 гг., композиционным центром данной повести является эпизод, связанный с посольством псковичей к Ивану III в Новгород. Особенность Псковской повести о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III – отсутствие легитимизации похода, указание на его немирный характер, сочувствие к пострадавшему от грабежей и поборов московских войск. Псковский книжник достаточно эмоционально показывает свое отношение к событиям в Новгороде 1475–1476 гг. с помощью особых синтаксических построений.

4. Новгородский поход Ивана III 1477–1478 гг. отразился в московском летописании достаточно ярко. Однако мы можем выделить только две точки зрения на события 1477–1478 гг., отраженные в летописных текстах, – московскую и псковскую.

Отметим, что авторы московских повестей о походе 1477–1478 гг. использовали художественные приемы повестей о первом и втором походах Ивана III. Так, в Московской повести о новгородском походе Ивана III 1477–1478 гг. (редакция 1) создается негативный образ новгородцев: их называют отступниками, изменниками и преступниками крестного целования, как в московских повестях о походе 1471 г. Раскол новгородцев описывается в тех же выражениях, что и московских произведениях о походе 1471 г. В этом произведении создается положительный образ Ивана III, который похож на изображение этого великого князя в «Словесах избранных от Святых Писаний…».

Московская повесть «О войне на Новгород» представляет собой повесть о взятии города: в ней больше внимания уделяется описанию военных действий, а не оправданию новгородского похода 1477–1478 гг. Однако московская позиция автора выражена четко.

Псковские повести о походе Ивана III 1477–1478 гг. отличаются тем, что концентрируются на изображении событий, связанных непосредственно с псковичами. Интересно, что идеологическая позиция Псковской повести о новгородском походе Ивана III 1477–1478 гг. (по Псковской I летописи)

и Псковской повести о новгородском походе Ивана III 1477–1478 гг. (по Псковской III летописи) близка к московской позиции, а в Псковской повести о новгородском походе Ивана III 1477–1478 гг. (по Псковской I летописи) явно выражается сочувствие к пострадавшим новгородцам.

5. Псковская точка зрения на события 1509–1510 годов отражена в таких древнерусских текстах, как «Повесть о Псковском взятии» в Псковской I летописи, «Повесть о Псковском взятии» в Софийской I летописи и рассказ о присоединении Пскова к Москве в Псковской III летописи.

В «Повести о Псковском взятии» в Псковской I летописи (Погодинский, Оболенский, Архивский I списки) выражается противоречивое отношение автора-псковича к присоединению Пскова к Москве. С одной стороны, подчеркивается лояльное отношение к власти Василия III: Псков называется отчиной великого московского князя, подчинение псковичей воле московского князя изображается как добровольное. С другой стороны, присоединение Пскова к Москве преподносится как переломное событие, имевшее для многих псковичей (особенно знатных) трагические последствие. Это выражается с помощью повторения в тексте произведения лексем «слеза» и «плакати», лирического плача псковичей, построенного на образе из книги Иезекииля, описания событий 1509–1510 годов, ориентированного на «Слово» Серапиона Владимирского, актуализации мотива Божьего наказания.

Во вступлении к «Повести о Псковском взятии» в поздних списках Псковской I летописи и в «Повести о Псковском взятии» в Софийской I негативное отношение к присоединению Пскова к Москве выражается менее завуалированно, чем в самой «Повести о Псковском взятии» в Псковской I летописи. В этих текстах также акцентируется особое внимание на разрушении в 1510 году древнего обычая псковичей выбирать князя по собственному желанию.

В рассказе Псковской III летописи о присоединении Пскова к Москве наиболее радикально выражается негативная оценка присоединения Пскова к Москве, которое преподносится как результат насилия со стороны московского

князя. Автор этого произведения формирует отрицательный образ Василия III, который изображается как нарушитель «старины» и с помощью цитат из «Толкового Апокалипсиса Андрея Кесарийского» и речи Христа из Евангелия от Матфея даже сопоставляется с Антихристом.

6. Московская позиция нашла отражение в Московской повести о присоединении Пскова к Москве, Рассказе о присоединении Пскова к Москве в Большаковской летописи, Рассказе о Псковском взятии в Софийской II, Львовской, Ермолинской (Кирилло-Белозерский список), Воскресенской и Никоновской летописях и в Лицевом летописном своде, а также в рассказе в Степенной книге.

Московская повесть о присоединении Пскова к Москве отличается от «Повести о Псковском взятии» тем, что в ней иначе изображается конфликт псковичей с наместником. По данной повести, Василий III справедливо признает псковичей виновными перед Иваном Михайловичем Репней-Оболенским и великим московским князем и наказывает их за это.

Произведение дошло до нас в двух редакциях. Пространная редакция (ОР РГБ, ф. 256, № 255; РГАДА, ф. 181, д. 365; БАН, Архангельское собр., д. 193) имеет достаточно большой объем за счет включения в текст речей послов, заимствованных, по-видимому, из документов. Благодаря цитированию этих речей, в повести постоянно воспроизводятся одни и те же идеи в одних и тех же формулировках, что способствует повышению авторитетности текста в глазах потенциального читателя. В краткой редакции (ГИМ, собр. Черткова, № 115б; РГАДА, ф. 201, № 46; СПбИИ РАН, ф. 238, № 513) эпизоды с дипломатическими переговорами сокращаются.

В рассказе Большаковской летописи акцентируется внимание на добровольности подчинения псковичей великому московскому князю, на предопределенности этого события, соответствии воле Бога; отсутствуют указания на несправедливость ареста псковичей в Новгороде (в отличие от «Повести о Псковском взятии» и повести «Взятие Псковское»),

не описываются негативные переживания псковичей и отрицательные для них последствия включения Псковской земли в состав Московского государства.

Рассказ, находящийся в Софийской II, Львовской, Ермолинской, Воскресенской и Никоновской летописях и в Лицевом летописном своде, лаконичен. Однако в нем достаточно ярко проявляется промосковская позиция автора: создается негативный образ псковичей, которые, по версии этого текста, клевещут на наместника и нарушают договоренности с великим московским князем. Составитель Степенной книги берет данный рассказ за основу, стилистически его перерабатывает и дополнительно подчеркивает благочестие Василия III, добавив положительные эпитеты по отношению к великому князю и описание его молитвы в Троицком соборе.

7. Повесть особого состава «Взятие Псковское», известная в двух списках (ГПНТБ СО РАН, собр. Тихомирова, № 373 и РГБ, ф. 228 (собр. Пискарева), № 183), занимает промежуточное положение между группой текстов, отражающих псковскую точку зрения, и группой произведений, отражающих московскую позицию. В данной повести присутствуют мотив «лукавства» Василия III и всех москвичей, присоединение Пскова к Москве изображено трагическое событие, посланное Богом за грехи. В то же время в ней создается положительный образ великого московского князя, смягчается трагичность положения высланных из города псковичей.

Совмещение признаков и псковской, и московской точек зрения в повести «Взятие Псковское» можно объяснить тем, что дошедшая до нас редакция этого произведения не является первоначальной. Мы предполагаем, что изначально существовал некий текст, в котором была отражена только псковская точка зрения, а известный нам вид повесть приобрела, войдя в цикл из повестей «О взятии Великого Новаграда» и «Взятие Псковское».

8. Краткие рассказы о присоединении Пскова к Москве в Типографской, Холмогорской, Новгородской IV летописях, а также в летописи Дубровского можно отнести к древнерусским текстам с немаркированной точкой зрения на присоединение Пскова к Москве. В них излагаются основные события 1509–

1510 годов, но отсутствует какое-либо упоминание о конфликте между псковичами и Иваном Михайловичем Репней-Оболенским, которое служит завязкой многих произведений, посвященных присоединению Пскова к Москве.

В итоге в этих текстах события 1509–1510 годов представляются немотивированными или получают специфическую мотивировку (в рассказе в Академическом и Голицынском списках Новгородской IV летописи и в летописи Дубровского). Во всех этих рассказах отсутствует легитимизация действий Василия III (в отличие от московских текстов) и оплакивание потери псковской вольности (в отличие от псковских текстов).

9. Со второй половины XVI в. появляются произведения о включении Новгородской и Псковской земель в состав Московского государства, отражающие московскую точку зрения, иного характера, чем тексты, содержащиеся в летописных сводах. Отделение указанных произведений от летописных сводов и помещение их в новый контекст, наделение их новыми функциями укладывается в представления об эволюции жанров исторической и воинской повестей.

Произведение «О взятии Великого Новгорода от великого князя Ивана Васильевича и похвала тому же великому князю» представляет собой главу «Истории о Казанском царстве» – объемной исторической повести второй половины XVI в., посвященной взаимоотношением Руси и Золотой Орды. Указанная глава занимает свое место в композиции «Истории о Казанском царстве», связывает образы Ивана III и Ивана IV как собирателей земель и создателей единого государства с центром в Москве.

С конца XVI в. происходит циклизация древнерусских произведений о присоединении Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому. Эти произведения содержатся в одной и той же последовательности как минимум в двух рукописных сборниках, связаны тематически, создатель этого цикла использовал, вероятно, один и тот же летописный источник, переработав при этом тексты о присоединении Новгородской и Псковской земель в рамках единой идеологии.

10. В крупных произведениях, отражающих московскую точку зрения на включение Северо-Западных земель в состав Московского государства, активно используются различные документы, составленные в конце XV – начале XVI в., что соответствует одной из тенденций в развитии летописания данного периода. Это оказывает существенное влияние на стиль некоторых анализируемых текстов. Так, в данных произведениях заметно стремление к точному указанию дат, имен, населенных пунктов при описании передвижений войск, дословной передаче речей великих московских князей, новгородцев и псковичей при переговорах, наличие перечней подарков, конфискованных земель и т.д. В связи с этим в текстах нередко используются обороты, характерные для деловой письменности, понятия, имеющие юридическое значение; основные мысли многократно повторяются, в том числе в приведенных речах действующих лиц, примерно в одной и той же форме. Все это делает данные произведениями ориентированными на фактографичность, придание тексту достоверности, убедительности для потенциального читателя и связано с основной задачей авторов/редакторов – оправдать действия великих московских князей, легитимизировать присоединение Северо-Западных земель к Московскому государству.

11. Тексты о присоединении Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому в целом представляют собой нарративные произведения, имеют характерные признаки повествовательных жанров (исторической, в том числе воинской повести, краткого летописного рассказа). При этом некоторые из них испытали влияние других жанров. Так, произведение «Словеса избранна от Святых Писаний…» имеет свойства как воинской повести (предмет изображения – военный поход, наличие описания битв; использование воинских формул), так и ораторской прозы (введение тезиса в начале текста и его последующая аргументация, в первую очередь религиозная, обилие библейских цитат в совокупности с авторским определением жанра).

Наметим также некоторые **перспективы дальнейших исследований**, связанных с темой данной работы. На наш взгляд, необходимо продолжать поиски не введенных в научный оборот произведений о присоединении Северо-Западных земель в состав Московского государства в летописях и рукописных сборниках, а также неизвестных на данный момент вариантов и редакций опубликованных произведений, посвященных этой теме. Возможно, за счет этого удастся заполнить некоторые лакуны в истории проанализированных в нашей работе текстов, в частности повестей «О взятии Великого Новаграда» и «Взятие Псковское».

Интересным и продуктивным было бы также обратиться к текстам, посвященным присоединению других земель к Великому княжеству Московскому в XIV – XVI вв., это позволило бы рассмотреть произведения о включении Северо-Западных земель в состав Московского государства в более широком, но в то же время хронологически и тематически релевантном контексте.

Список литературы

Источники

I. Архивные источники

1. Апокалипсис толковый свт. Андрея Кесарийскаго, с прибавлениями // ОР РГБ. Ф. 304.I. Троице-Сергиева лавра. – № 122. – 288 л.

2. Взятие Псковское // Отдел Рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 228. Собр. Д.В. Пискарева. – № 183. – Л. 402–405.

3. Измарагд // ОР РГБ. Ф. 304.I. Троице-Сергиева лавра. – № 202. – 329 л.

4. Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород // ОР РГБ. Ф. 178. Музейное собр. – № 3271. – Л. 240 об. –252.

5. ОР РГБ. Опись ф. 228 (собр. Д.В. Пискарева). – Т. 1. – С. 50–51.

II.Опубликованные источники

6. Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. – М. : Издательский отдел Московского патриархата, 1992. – Т. 7. – 400 с.

7. Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. – М. : Издательский отдел Московского патриархата, 1992. – Т. 8. – 400 с.

8. Новгородская Большаковская летопись // Конявская, Е.Л. Новгородская летопись XVI в. из собрания Т.Ф. Большакова // Новгородский исторический сборник. – Новгород, 2005. – Вып. 10 (20). – С. 344–383.

9. Взятие Пскова // Масленникова, Н.Н. Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1955. – С. 185–194.

10. Взятие Псковское // Тихомиров, М.Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. – М. : Наука, 1968. – С. 176–179.

11. Взятие Псковское // Чирейкина, О.Ю. Повесть «Взятие Псковское» как образец жанра воинской повести XVI в. // Макарьевские чтения. Материалы

третьей международной конференции (21–22 ноября 2004 г.). – Горно-Алтайск, 2004. – С. 357–359.

12. Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей. – М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1959. – Т. XXVI. – 416 с.

13. Девгениево деяние (Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова) // Библиотека литературы Древней Руси. – СПб. : Наука, 1999. – Т. 3. – С. 58–91.

14. Ермолинская летопись // Полное собрание русских летописей. – 2-е изд. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – Т. XXIII. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 239 с.

15. Житие Александра Невского [Подготовка текста, перевод и комментарии В.И. Охотниковой] // Библиотека литературы Древней Руси. – СПб. : Наука, 1997. – Т. 5. – С. 358–369.

16. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – 5-е изд. – М. : Языки русской культуры, 1998. – Т. II. – 938 стб.

17. Книга Степенная царского родословия // Полное собрание русских летописей. – СПб. : Типография М.А. Александрова, 1913. – Т. XXI. – Ч. 2. – 370 с.

18. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – 4-е изд. – М. : Языки русской культуры, 1997. – Т. I. – С. 733.

19. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. – 3-е изд. – М. : Языки русской культуры, 2000. – Т. XIII. – 544 с.

20. Летопись по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. – 2-е изд. – М. : Языки русской культуры, 2001. – Т. VII. – 346 с.

21. Львовская летопись // Полное собрание русских летописей. – 2-е изд. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – Т. XX. – 705 с.

22. Мазуринский летописец // Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1968. – Т. XXXI. – С. 11–179.

23. Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород [Подготовка текста В.П. Бударагина, перевод В.В. Колесова, комментарии Я.С. Лурье] // Библиотека литературы Древней Руси. – СПб. : Наука, 1999. – Т. 7. – С. 286–311.

24. Московская повесть о присоединении Пскова (Медоварцевский список, БАН. Арханг. Д. 193) // Жуков А.Е. К истории текста Московской повести о присоединении Пскова // Novogardia. – 2019. – № 4. – С. 407–416.

25. Московский летописный свод конца XV в. // Полное собрание русских летописей. – 2-е изд. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – Т. XXV. – 488 с.

26. Новгородская вторая (Архивская) летопись // Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1965. – Т. XXX. – С. 147-205.

27. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского // Полное собрание русских летописей. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – Т. XLIII. – 368 с.

28. Новгородская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород [Подготовка текста В.П. Бударагина, перевод В.В. Колесова, комментарии Я.С. Лурье] // Библиотека литературы Древней Руси. – СПб. : Наука, 1999. – Т. 7. – С. 312–317.

29. Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей. – 3-е изд. – М. : Языки русской культуры, 2000. – Т. IV. – Ч. 1. – 728 с.

30. О взятии Великаго Новаграда // Тихомиров, М.Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. – М. : Наука, 1968. – С. 172–176.

31. О взятии Великого Новаграда // Чирейкина, О.Ю. Повести о присоединении Новгорода к Москве в летописях XV-XVII вв. и литературных сборниках : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – Барнаул, 2001. – С. 188–197.

32. Повесть об Ионе, архиепископе Новгородском [Подготовка текста, перевод и комментарии М.В. Рождественской] // Библиотека литературы Древней Руси. – СПб. : Наука, 1999. – Т. 7. – С. 232–253.

33. Повесть о житии Михаила Клопского (Подготовка текста, перевод и комментарии Л.А. Дмитриева) // Библиотека литературы Древней Руси. – СПб. : Наука, 1999. – Т. 7. – С. 218–231.

34. Погодин, М.П. Псковская летопись. – М. : Университетская типография, 1837. – 312 с.

35. Продолжение летописи по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. – 2-е изд. – М. : Языки русской культуры, 2001. – Т. VIII. – 312 с.

36. Продолжение Софийской I летописи // Полное собрание русских летописей. – СПб. : Типография Эдуарда Праца, 1859. – Т. VI. – С. 1–54.

37. Псковская первая летопись // Полное собрание русских летописей. – СПб. : Типография Эдуарда Праца, 1848. – Т. IV. – С. 173–345.

38. Псковская 1-я летопись. Продолжение Погодинского списка // Полное собрание русских летописей. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – Т. V. – Вып. 1. – С. 74–112.

39. Псковская 2-я летопись // Полное собрание русских летописей. – М. : Языки русской культуры, 2000. – Т. V. – Вып. 2. – С. 9–69.

40. Псковская 3-я летопись // Полное собрание русских летописей.– М. : Языки русской культуры, 2000. – Т. V. – Вып. 2. – С. 70–250.

41. Пчела // Библиотека литературы Древней Руси. – СПб. : Наука, 1997. – Т. 5. – С. 414–447.

42. Русский времянник, сиречь, Летописец, содержащий российскую историю от 6370/862 лета до 7189/1681 лета. – М. : Моск. Синод. тип, 1790. – Ч. 2. – 336 с.

43. Слова и поучения Серапиона Владимирского [Подготовка текста, перевод и комментарии В.В. Колесова] // Библиотека литературы Древней Руси. – СПб. : Наука, 1997. – Т. 5. – С. 370–385.

44. Сокращенный летописный свод 1493 г. // Полное собрание русских летописей. – М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1962. – С. 165–294.

45. Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. – М. : Языки русской культуры, 2001. – Т. VI. – Вып. 2. – 240 с.

46. Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. – 2-е изд. – М. : Языки русской культуры, 2000. – Т. XXIV. – 282 с.

47. Устюжская летопись. Список Мациевича // Полное собрание русских летописей. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1982. – Т. XXXVII. – С. 17–55.

48. Устюжская летопись. Архангелогородский летописец // Полное собрание русских летописей. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1982. – Т. XXXVII. – С. 56–103.

49. Холмогорская летопись // Полное собрание русских летописей. – Л. : Наука, 1977. – Т. XXXIII. – С. 10–147.

50. Хронограф редакции 1512 г. // Полное собрание русских летописей. – М. : Языки славянских культур, 2005. – Т. XXII. – С. 1–538.

Научная и справочная литература

51. Аверинцев, С.С. Поэтика ранневизантийской литературы / С.С. Аверинцев. – М. : «Coda», 1997. – 343 с.

52. Агафонов, И.С. Идеологические тенденции в нарративах Знаменского цикла XV–XVII в. / И.С. Агафонов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2015. – № 3 (61). – С. 16–22.

53. Адрианова-Перетц, В.П. Литература Пскова второй половины XV – первой половины XVI в. / В.П. Адрианова-Перетц // История русской литературы / под ред. А. С. Орлова, В. П. Адриановой-Перетц и Н. К. Гудзия. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1945. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 390–411.

54. Адрианова-Перетц, В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси / В.П. Адрианова-Перетц. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. – 188 с.

55. Азбелев, С.Н. Две редакции новгородской летописи Дубровского / С.Н. Азбелев // Новгородский исторический сборник. – Новгород, 1959. – Вып. 9.– С. 219–228.

56. Азбелев С.Н. Летописание Великого Новгорода : Летописи XI – XVII веков как памятники культуры и как исторические источники. – М. : НП ИД «Русская панорама» ; СПб : РБИЦ «Блиц», 2016. – 280 с.

57. Алексеев, Ю.Г. Господин Псков в геостратегической системе во второй половине XV в. / Ю.Г. Алексеев // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV – XVI вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства: сборник трудов международной научной конференции, 19–21 мая 2010 г. / отв. ред. В.И. Охотникова. – Псков : Псковская областная типография, 2011. – С. 6–12.

58. Алексеев, Ю.Г. «К Москве хотим» : Закат боярской республики в Новгороде / Ю.Г. Алексеев. – СПб. : Лениздат, 1991. – 155 с.

59. Алексеев, Ю.Г. Под знаменами Москвы : Борьба за единство Руси / Ю.Г. Алексеев. – М. : Мысль, 1992. – 268 с.

60. Алексеев, Ю.Г. Походы русских войск при Иване III / Ю.Г. Алексеев. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007. – 462 с.

61. Алпатов, С.В. Топосы в системе интертекстуальных связей фольклора и литературы Нового времени / С.В. Алпатов // Традиционная культура. – 2015. – № 3 (59). – С. 90–100.

62. Андреев, Н.Е. О характере 3-й Псковской летописи / Н.Е. Андреев // The Religious World of Russian Culture. – Hague ; Paris, 1975. – Vol. 2. Essays in Honor of Georges Florovsky / ed. A. Blane. – P. 117–158.

63. Андреева, Е.А. Михаил Тверской глазами древнерусских книжников / Е.А. Андреева. – М., Берлин: Директ-Медиа, 2019 – 192 с.

64. Аракчеев, В.А. Средневековый Псков : власть, общество, повседневная жизнь в XV – XVII веках / В.А. Аракчеев. – Псков : Псковская областная типография, 2004. – 357 с.

65. Аршин, К.В. Идеология / К.В. Аршин, А.В. Павлов // Новая Российская энциклопедия: в 12 т. –М. : ООО «Издательство «Энциклопедия»; ИД «ИНФРА-М», 2010. – Т. 6 (2). – С. 174 – 176.

66. Бахтина, О.Н. О жанрообразующей роли циклизации в древнерусской литературе / О.Н. Бахтина // Проблемы метода и жанра : сборник статей / отв. ред. Ф. З. Канунова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1989. – Вып. 15. – С. 46–57.

67. Беляев, И.Д. Рассказы из русской истории. Книга 2. История Новгорода Великого от древнейших времен до падения / И.Д. Беляев. – М. : Типография Л.И. Степановой, 1864. – 628, VIII с.

68. Беляев, И.Д. Рассказы из русской истории. Книга 3. История города Пскова и Псковской земли / И.Д. Беляев. – М. : Синодальная типография, 1867. – 443, VI с.

69. Бернадский, В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке / В.Н. Бернадский. – М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1961. – 396 с.

70. Бессуднова, М.Б. Псковские события 1509 – начала 1510 г. в контексте ливонской орденской политики / М.Б. Бессуднова // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV – XVI вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства: сборник трудов международной научной конференции, 19–21 мая 2010 г. / отв. ред. В.И. Охотникова. – Псков : Псковская областная типография, 2011. – С. 129–139.

71. Бобров, А.Г. Апокрифическое «Сказание Афродитиана» в литературе и книжности Древней Руси : Исследование и тексты / А.Г. Бобров. – СПб. : Наука, 1994. – 170 с.

72. Бобров, А.Г. Великий князь Дмитрий Юрьевич Шемяка в древнерусской литературе и книжности / А.Г. Бобров // Труды Отдела древнерусской литературы. – СПб.: Наука, 2014. – Т. 63. – С. 516–540.

73. Болховитинов, Е.А. История княжества Псковского / Е.А. Болховитинов. – М. : Кучково поле, Евробонд, 2012. – 528 с.

74. Большой толковый словарь русского языка / Сост и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.

75. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М. : «Советская энциклопедия» ; СПб. : Фонд «Ленинградская галерея», 1993. – 1628 с.

76. Борисов, Н.С. Иван III / Н.С. Борисов. – М. : Молодая гвардия, 2000. – 645 с.

77. Борисов, Н.С. Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света / Н.С. Борисов. – М. : Молодая гвардия, 2004. – 544 с.

78. Борисов, Н.С. Псковская политика Василия Темного / Н.С. Борисов // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV – XVI вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства : сборник трудов международной научной конференции, 19–21 мая 2010 г. / отв. ред. В.И. Охотникова. – Псков : Псковская областная типография, 2011. – С. 95–113.

79. Буганов, В.И. Предисловие / В.И. Буганов // Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1968. – Т. XXXI. – С. 3–9.

80. Бурмистрова, Ю.Д. Проблема циклообразования в русском и французском прижизненных изданиях «Стихотворений в прозе» И. С. Тургенева : дис. ... канд. филол. наук. : 10.01.01 / Бурмистрова Юлия Дмитриевна. – М., 2019. –216 с.

81. Валк, С.Н. О рукописях четвертой части «Истории Российской» В.Н. Татищева / С.Н. Валк // Татищев В.Н. История Российская : в 7 т. –М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, Ленинградское отделение, 1966. – Т. 6. – С. 5–18.

82. Введенский, А.М. Место Варшавского сборника среди списков Новгородской пятой и Псковской первой летописи / А.М. Введенский // Slověne. – 2017. – Т. 6. – № 2. – С. 199-209.

83. Вовин, А.А. Эволюция политических институтов Пскова в XIV – XV вв. : автореф. дис. ... канд. ист. Наук : 07.00.02 / Вовин Алексей Александрович. – СПб, 2014. – 30 с.

84. Волкова, Т.Ф. Работа автора «Казанской истории» над сюжетом повествования об осаде и взятии Казани / Т.Ф. Волкова // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л. : Наука, 1985. – Т. 39. – С. 308–322.

85. Гардзанити, М. Библейские цитаты в литературе Slavia Orthodoxa / М. Гардзанити // Труды Отдела древнерусской литературы. – СПб., 2008. – Т. 58. – С. 28–41.

86. Гимон, Т.В. Для чего писались русские летописи? / Т.В. Гимон // Журнал «ФИПП». – 1998. – № 1 (2). – С. 8–16.

87. Городилин, С.В. Где нашли псковичи своего князя Ивана Найдена Репню-Оболенского? (городская топография и политическая история) / С.В. Городилин // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2019. – № 1 (75). – С. 27-31.

88. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1984. – 349 с.

89. Данилевский, И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы источниковедения летописных текстов / И.Н. Данилевский. – М. : Аспект-Пресс, 2004. – 370 с.

90. Демин, А.С. Древнерусская литература : Опыт типологии с XI по середину XVIII вв. от Илариона до Ломоносова / А.С. Демин. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 760 с.

91. Демин, А.С. Материалы для монографии о художественной эволюции древнерусской литературы / А.С. Демин // Герменевтика древнерусской литературы / отв. ред. М.В. Первушин. – М. : Российская академия наук : Ин-т мировой литературы РАН, 2014. – Сб. 16–17. –С. 583–690.

92. Дробленкова, Н.Ф. «Слово избрано от святых писаний, еже на латыню» / Н.Ф. Дробленкова // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1989. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 401–403.

93. Дубровина, Л.А. Предисловие к изданию 2000 г. / Л.А. Дубровина // Полное собрание русских летописей. – М., 2000. – Т. XIX. – С. IV–XXVI.

94. Еремин, И.П. Литература Древней Руси (этюды и характеристики) / И.П. Еремин. – М. ; Л. : Наука, 1966. – 264 с.

95. Жуков, А.Е. К истории текста Московской повести о присоединении Пскова / А.Е. Жуков // Novogardia. – 2019. – № 4. – С. 393–419.

96. Зимин, А.А. Предисловие / А.А. Зимин // Иоасафовская летопись / под ред. А.А. Зимина. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1957. – С. 3–15.

97. Иванайнен, О.В. «Азъ» летописца в «Повести временных лет», его варианты и способы выражения / О.В. Иванайнен // Герменевтика древнерусской литературы. – М., 2014. – Сб. 16–17. – С. 389-582.

98. История древнерусской литературы: аналитическое пособие / отв. ред. А.С. Демин. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 820 с.

99. Карамзин, Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. – М. : Издательство «Наука», 1998. – Т. VI. – 468 с.

100. Карамзин, Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. – 2-е изд., испр. – СПб. : Типография Н. Греча, 1819. – Т. VII. — 359 с.

101. Клосс, Б.М. Второе предисловие к изданию 2000 года / Б.М. Клосс // Полное собрание русских летописей. – М. : Языки русской культуры, 2000. – Т. IV. – Ч. 1. – С. XI–XVIII.

102. Клосс, Б.М. Летописный свод Лицевой / Б.М. Клосс // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XIV – XVI в. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1989. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 30–32.

103. Клосс, Б.М. Летопись Никоновская / Б.М. Клосс // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1989. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 39–42.

104. Клосс, Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI – XVII веков / Б.М. Клосс. – М. : Наука, 1980. – 312 с.

105. Клосс, Б.М. Предисловие к изданию 2000 г. / Б.М. Клосс // Полное собрание русских летописей. – Изд. 2-е. – М. : Языки русской культуры, 2000. – Т. XXIV. – С. V–XI.

106. Клосс, Б.М. Предисловие к изданию 2007 г. / Б.М. Клосс // Полное собрание русских летописей. – 2-е изд. – М. : Знак, 2007. – Т. XVIII. – С. V–VI.

107. Ключевский, В.О. Русская история : Полный курс лекций / В.О. Ключевский. – М. : АСТ, Минск: Харвест, 2002. – Т. 1. – 592 с.

108. Комарович, В.Л. Московское летописание и исторические повести конца XV – первой половины XVI в. / В.Л. Комарович // История русской литературы: в 10 т. – М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1945. – Т. II. – Ч. 1. – С. 331–336.

109. Конявская, Е.Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.) / Е.Л. Конявская. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 195 с.

110. Конявская, Е.Л. Новгородская летопись XVI в. из собрания Т.Ф. Большакова / Е.Л. Конявская // Новгородский исторический сборник. – Новгород, 2005. – Вып. 10 (20). – С. 322–383.

111. Конявская, Е.Л. Очерки по истории тверской литературы XIV – XV в. / Е.Л. Конявская. – М.: Свой круг, 2007. – 400 с.

112. Конявская, Е.Л. Эпоха Ивана III в Новгородской Большаковской летописи XVI в. / Е.Л. Конявская // Труды Кафедры истории России с древнейших времен до XX века. – Т. 1 : (Материалы международной научной конференции «Иван III и проблемы российской государственности: к 500-летию со дня смерти Ивана III (1505–2005)», 25–26 ноября 2005 г.). – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета (СПбГУ), 2006. – С. 76–86.

113. Корецкий, В.И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. / В.И. Корецкий. – М. : Наука, 1986. – 272 с.

114. Кормилов, С.И. Проблема / С.И. Кормилов // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. – М. : НПК «Интелвак», 2001. – Стб. 810–811.

115. Костомаров, Н.И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого склада (история Новгорода, Пскова и Вятки) / Н.И. Костомаров. – Изд. 3. – СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1886. – Т. 1. – 411 с.

116. Кром, М.М. Рождение государства : Московская Русь XV – XVI веков / М.М. Кром. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – 256 с.

117. Кром, М.М. Статус Пскова в системе великого княжения Владимирского XV – начале XVI в. (к вопросу о суверенитете русского

средневекового города) / М.М. Кром // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV – XVI вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства: сборник трудов международной научной конференции, 19–21 мая 2010 г. / отв. ред. В.И. Охотникова. – Псков : Псковская областная типография, 2011. – С. 114–125.

118. Кузьмина, М.К. Функции библейских цитат в древнерусских преподобнических житиях XV–XVII вв. : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Кузьмина Мария Константиновна. – М., 2015. – 630 с.

119. Кукушкина, М.В. Новый список Повести о псковском взятии / М.В. Кукушкина // Труды Отдела древнерусской литературы. – М. ; Л. : Издательство Академии Наук СССР, 1960. – Т. 16. – С. 473–476.

120. Кунцевич, Г.З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования / Г.З. Кунцевич. – СПб. : Типография И.Н. Скороходова, 1905. – XI, 681 с.

121. Левина, С.А. Летопись Воскресенская / С.А. Левина // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1989. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 39–42.

122. Левина, С.А. О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI века / С.А. Левина // Труды Отдела древнерусской литературы. – М.; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1955. – Т. 11. – С. 375–379.

123. Лихачев, Д.С. Идеологическая борьба Москвы и Новгорода в XIV – XV веках / Д.С. Лихачев // Исторический журнал. – 1941. – № 6. – С. 43–56.

124. Лихачев, Д.С. К вопросу о теории Русского государства в конце XV и в XVI в. / Д.С. Лихачев // Исторический журнал. –1944. – № 7-8. – С. 31–38.

125. Лихачев, Д.С. Повести о Николе Заразском / Д.С. Лихачев // Труды Отдела древнерусской литературы. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 7. – С. 257–405.

126. Лихачев, Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачев. – 3-е изд. – М. : Наука, 1979. – 360 с.

127. Лихачев, Д.С. Развитие русской литературы X – XVII веков. Эпохи и стили / Д.С. Лихачев. – Л. : Наука, 1973. – 254 с.

128. Лихачев, Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение / Д.С. Лихачев. – М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1947. – 492 с.

129. Лихачев, Д.С. Текстология (на материале русской литературы X – XVII вв. / Д.С. Лихачев. – СПб.: Алетейя, 2001. – 759 с.

130. Лонин, А.В. «Лучшие люди» в древнерусских литературных памятниках / А.В. Лонин // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2011. – № 7. – С. 220–225.

131. Лукин, П.В. Вече в социально-политической системе Средневекового Новгород : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Лукин Павел Владимирович. – М., 2014. – 635 с.

132. Лурье, Я.С. Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства / Я.С. Лурье. – СПб. : Издательство «Дмитрий Буланин», 1994. – 240 с.

133. Лурье, Я.С. Из истории русского летописания конца XV века / Я.С. Лурье // Труды Отдела древнерусской литературы. – М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1955. – Т. 11. – С. 156–186.

134. Лурье, Я.С. «Летописец от 72-х язык» / Я.С. Лурье // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1989. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 21–22.

135. Лурье, Я.С. Летописный свод Московский великокняжеский кон. XV в. / Я.С. Лурье // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1989. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 34.

136. Лурье, Я.С. Летописный свод Сокращенный / Я.С. Лурье // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1989. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 34–35.

137. Лурье, Я.С. Летопись Ермолинская / Я.С. Лурье // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1989. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 42–43.

138. Лурье, Я.С. Летопись Софийская I / Я.С. Лурье // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1989. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 57–60.

139. Лурье, Я.С. Летопись Софийская II / Я.С. Лурье // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1989. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 60–61.

140. Лурье, Я.С. Летопись Типографская / Я.С. Лурье // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1989. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 63–64.

141. Лурье, Я.С. Летопись Устюжская / Я.С. Лурье // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1989. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 67–68.

142. Лурье, Я.С. Летопись Холмогорская / Я.С. Лурье // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1989. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 68–69.

143. Лурье, Я.С. Московский свод 1479 г. и его протограф / Я.С. Лурье // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1976. – Т. 30. – С. 95–113.

144. Лурье, Я.С. Независимый летописный свод конца XV в. – источник Софийской II и Львовской летописей / Я.С. Лурье // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1972. – Т. 27. – С. 405–419.

145. Лурье, Я.С. Общерусские летописи XIV – XV вв. / Я.С. Лурье. – Л. : Наука, 1976. – 285 с.

146. Лурье, Я.С. О неизданной Холмогорской летописи / Я.С. Лурье // Исследования по отечественному источниковедению : Сб. статей, посвященных 75-летию профессора С.Н. Валка. – М. : Наука, 1964. – С. 449–455.

147. Лурье, Я.С. Повести о присоединении Новгорода / Я.С. Лурье // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1989. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 201–204.

148. Лурье, Я.С. Холмогорская летопись / Я.С. Лурье // Труды Отдела древнерусской литературы. – М; Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1970. – Т. 25. – С. 135–149.

149. Любавский, М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века / М.К. Любавский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – Т. 25. – 682 с.

150. Ляпина, Л.Е. Циклизация в русской литературе XIX века / Л.Е. Ляпина. – СПб. : НИИ химии СПбГУ, 1999. – 279 с.

151. Малинин, В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания / В. Малинин. – Киев, 1901. – 1032 с.

152. Масленникова, Н.Н. Идеологическая борьба в псковской литературе в период образования Русского централизованного государства / Н.Н. Масленникова // Труды Отдела древнерусской литературы. – М. ; Л. : Издательство Академии Наук СССР, 1951. – Т. 8. – С. 187–217.

153. Масленникова, Н.Н. Присоединение Пскова к русскому централизованному государству / Н.Н. Масленникова. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1955. – 196 с.

154. Михайлова, Т.В. Древнерусские текстуальные средства воздействия на общественное сознание в аспекте отношения к царской власти (XV – XVII вв.) / Т.В. Михайлова, А.В. Михайлов [Электронный ресурс] // Paradeigma/Парадигма. – Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/13_m/ih/aylova.htm (дата обращения: 31.07.2020).

155. Моисеева, Г.Н. Автор «Казанской истории» / Г.Н. Моисеева // Труды Отдела древнерусской литературы. – М., Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1953. – Т. 9. – С. 266–288.

156. Морозов, В.В. От Никоновской летописи к Лицевому летописному своду (Развитие жанра и эволюция концепции) / В.В. Морозов // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л. : Наука, 1990. – Т. 44. – С. 246–268.

157. Насонов, А.Н. Из истории псковского летописания / А.Н. Насонов // Полное собрание русских летописей. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – Т. V. – Вып. 1. – С. 9–44.

158. Насонов, А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века : Очерки и исследования / А.Н. Насонов. – М. : Наука, 1969. – 556 с.

159. Насонов, А.Н. Предисловие / А.Н. Насонов // Полное собрание русских летописей. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 3–8.

160. Насонов, А.Н. Приложение. Схематическое изображение генезиса летописных памятников Пскова / А.Н. Насонов // Полное собрание русских летописей. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – Т. V. – Вып. 1. – С. LXIII.

161. Несин, М.А. К истории присоединения Пскова к Московскому государству / М.А. Несин // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2017. – № 1 (Т. 27). – С. 17–23.

162. Несин, М.А. К истории сражения новгородцев с москвичами на реке Шеленге 27 июля 1471 г. / М.А. Несин // История военного дела : исследования и источники. – 2014. – Т. 6. – С. 46–68.

163. Несин, М.А. Шелонская битва 14 июля 1471 г. : к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати / М.А. Несин // История военного дела : исследования и источники. – 2014. – Т. IV. – С. 464–482.

164. Никитский, А.И. Очерк внутренней истории Пскова / А.И. Никитский. – СПб. : Типография К. Замысловского, 1873. – 344 с.

165. Никонов, С.А. Московская повесть о Псковском взятии : к вопросу о краткой редакции произведения / С.А. Никонов // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. – М. : Оркомитет Чтений памяти акад. РАН Л.В. Милова, 2009. – № 1. – С. 34–36.

166. Новикова, О.Л. Предисловие к изданию 2009 г. / О.Л. Новикова // Полное собрание русских летописей. – 2-е изд. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – Т. XXX. – С. V-XX.

167. Орлов, А.С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.) / А.С. Орлов. – М. : Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1902. – 50 с.

168. Охотникова, В.И. Летописи Псковские / В.И. Охотникова // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л. : Наука, 1989. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 27–30.

169. Охотникова, В.И. Повесть о псковском взятии / В.И. Охотникова // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л. : Наука, 1989. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 271–273.

170. Пауткин, А.А. Беседы с летописцем : Поэтика раннего русского летописания / А.А. Пауткин. – М. : Издательство МГУ, 2002. – 286 с.

171. Пауткин, А.А. Древнерусские летописи XI – XIII вв.: вопросы поэтики: дис. ... д-ра. филолог. наук : 10.01.01 / Пауткин Алексей Аркадьевич. – М., 2003. – 392 с.

172. Пепеляева, И.В. Исследовательская циклизация лирики как теоретическая проблема / И.В. Пепеляева // Вестник Пермского университета. – 2012. – Вып. 2 (18). – С. 174–180.

173. Пиккио, Р. Slavia Orthodoxa : Литература и язык / Р. Пиккио. – М. : Знак, 2003. – 720 с.

174. Покровский, Н.Н. Афанасий (в миру Андрей) / Н.Н. Покровский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1989. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 74–75.

175. Пресняков, А.Е. Образование Великорусского государства: Очерки по истории XIII – XV столетий / А.Е. Пресняков. – Петроград : Типография Я. Башмаков и К°, 1918. – VI, 458 с.

176. Приселков, М.Д. История русского летописания XI – XV вв. / М.Д. Приселков – СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. – 325 с.

177. Прокофьев, Н.И. О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI – XVI вв. / Н.И. Прокофьев // Литература Древней Руси. – Вып. 1. – М.: Изд-во МГПИ им. В.И.Ленина, 1975. – С. 5– 37.

178. Ранчин, А.М. В защиту «сталиниста» Н. К. Гудзия, или Какой может и не может быть история древнерусской словесности / А.М. Ранчин // Новое литературное обозрение. – 2003. –№ 59 (1). – С. 571–589.

179. Ранчин, А.М. К герменевтике древнерусской словесности / А.М. Ранчин // Вертоград златословный. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – С. 11–23.

180. Рождественская, М.В. Иона / М.В. Рождественская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1989. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 426–427.

181. Сербина, К.Н. Предисловие / К.Н. Сербина // Полное собрание русских летописей. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1982. – Т. XXXVII. – С. 3–16.

182. Сербина, К.Н. Предисловие / К.Н. Сербина // Полное собрание русских летописей. – М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1963. – Т. XXVIII. – С. 3–9.

183. Скрынников, Р.Г. Иван III / Р.Г. Скрынников. – М. : АСТ, АСТ Москва, Транзиткнига, 2006. – 285 с.

184. Скрынников, Р.Г. Трагедия Новгорода / Р.Г. Скрынников. М. : Изд-во им. Сабашниковых, б. г. (1994). – 187 с.

185. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – 4 т.

186. Соловьев, С.М. Сочинения : в 18 кн. / С.М. Соловьев. – М. : Мысль, 1989. – Кн. 3. – Т. 5 и 6. – 783 с.

187. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. – СПб. : Типография Императорской академии наук, 1912. – 3 т.

188. Татищев, В.Н. История Российская с самых древнейших времен в 5 книгах / В.Н. Татищев. – М. : Императорский Московский университет, 1848. – Книга 5. – 545 с.

189. Тихомиров, М.Н. Описание Тихомировского собрания рукописей / М.Н. Тихомиров. – М. : Наука, 1968. – 196 с.

190. Толмачев, В.М. Точка зрения / В.М. Толмачев // Современное зарубежное литературоведение. Концепции. Школы. Термины / под ред. И.П. Ильина, Е.А. Цургановой. – М., 1996. – С. 154–157.

191. Толочко, А.П. «История Российская» Василия Татищева : источники и известия / А.П. Толочко. – М. : Новое литературное обозрение; Киев : Критика, 2005. – 544 с.

192. Трофимова, Н.В. Поэтика воинского повествования / Н.В. Трофимова. – М. : МПГУ, 2017. – 276 с.

193. Трофимова, Н.В. Поэтика и эволюция жанра древнерусской воинской повести : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / Трофимова Нина Владимировна. – М., 2002. – 451 с.

194. Трофимова, Н.В. Особенности формы и стилистики плачей в летописных воинских повестях / Н.В. Трофимова // Вестник славянских культур. – 2014. – № 1 (31). – С. 141–149.

195. Туфанова, О.А. Древнерусские письменные памятники о Смутном времени как художественный феномен : дис. ... д-ра. филол. наук : 10.01.01 / Туфанова Ольга Александровна. – М., 2019. – 440 с.

196. Туфанова, О.А. Орнаментальные стилистические приемы создания художественного образа в «Повести известна о победах Московского государства» / О.А. Туфанова // Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов. – М., 2011. – С. 408-416

197. Успенский, Б.А. История русского литературного языка (XI – XVII вв). / Б.А. Успенский. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 558 с.

198. Успенский, Б.А. Поэтика композиции: структура художественного текста и типология композиционной формы / Б.А. Успенский. – М. : Искусство, 1970. – 223 с., 15 л. илл.

199. Федоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Федоров. – М. : Астрель, АСТ, 2008. – 878 с.

200. Федосов, И.А. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М.М. Щербатов / И.А. Федосов. – М. : Издательство Московского университета, 1967. – 260 с.

201. Фомина, Т.Ю. Новгородское летописание XI – XVII вв. : отечественная историография / Т.Ю. Фомина. – М. : Университетская книга, 2008. – 255 с.

202. Харитонов, О.А. Проблема точки зрения в отечественном и зарубежном литературоведении / О.А. Харитонов // ФИЛОLOGOS. – 2014. – № 23 (4). – С. 72–77.

203. Черепнин, Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV – XV вв. Очерки по социально-экономической и политической истории Руси / Л.В. Черепнин. – М. : Издательство социально-экономической литературы, 1960. – 899 с.

204. Черепнин, Л.В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков / Л.В. Черепнин. – М.; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1948. – Ч. 1. – 472 с.

205. Чирейкина, О.Ю. Повести о присоединении Новгорода к Москве в летописях XV – XVII вв. и литературных сборниках : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Чирейкина Ольга Юрьевна. – Барнаул, 2001. – 215 с.

206. Чирейкина, О.Ю. Повесть «Взятие Псковское» как образец жанра воинской повести XVI в. / О.Ю. Чирейкина // Макарьевские чтения. Материалы третьей международной конференции (21–22 ноября 2004 г.). – Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2004. – С. 354–359.

207. Чирейкина, О.Ю. Развитие исторического жанра воинской повести в XVI в. (на примере повести Взятие Псковское – Тих. 373 ГПНТБ) / О.Ю. Чирейкина // Макарьевские чтения: Материалы 6 международной

конференции (21–23 ноября 2007 г.). – Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2007. – С. 142–145.

208. Шайкин, А.А. «Сица знаменья не на добро» / А.А. Шайкин // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2002. – № 3 (9). – С. 105–109.

209. Шапиро, А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 г. / А.Л. Шапиро. – М. : Ассоциация «Россия»; Издательство «Культура», 1993. – 761 с.

210. Шахматов, А.А. К вопросу о происхождении Хронографа / А.А. Шахматов. – СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1899. – 121 с.

211. Шахматов, А.А. Несколько заметок об языке псковских памятников XIV – XV вв. / А.А. Шахматов // Журнал Министерства народного просвещения. – 1909. – Ч. XXII. – № 7. – С. 105–177.

212. Шахматов, А.А. Обозрение русских летописных сводов XIV-XVI вв. / А.А. Шахматов. – М., Л. : Издательство Академии наук СССР, 1938. –374 с.

213. Шахматов, А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах / А.А. Шахматов. – СПб. : Типография М.А. Александрова, 1908. – 687 с.

214. Щербатов, М.М. История Российская от древнейших времен / М.М. Щербатов. – СПб. : Императорская Академия наук, 1783. – Т. 4. – Ч. 2. – 544 с.

215. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

216. Янин, В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода / В.Л. Янин. – М. : Языки славянской культуры, 2008. – 400 с.

217. Ingham N.W. Genre-Theory and Old Russian Literature / N.W. Ingham // Slavic and East European Journal. – 1987. – Vol. 31. – N.2. – P. 234–245.

218. Lenhoff G. Categories of early Russian writings / G. Lenhoff // Slavic and East European Journal. –1987. – Vol. 31. – N.2. – P.259–271.

219. Mumenthaler, R. Spätmittelalterliche Städte West- und Osteuropas im Vergleich: Versuch einer verfassungsgeschichtlichen Typologie / R. Mumenthaler // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – 1998. – Bd. 46. – S. 39–68.

220. Pickhan, G. Gospodin Pskov. Entstehung und Entwicklung eines städtischen Herrschaftszentrums in Altrussland / G. Pickhan // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. – Berlin, 1992. – Bd. 47. – S. 364.

221. Seemann K.D. Genres and the Alterity of Old Russian Literature / K.D. Seemann // Slavic and East European Journal. – 1987. – Vol. 31. – N. 2. – P. 246–258.

Публикации автора по теме исследования

222. Демичева, Н.А. Взаимодействие идеологии и поэтики (на примере «Новгородской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород») / Н.А. Демичева // Актуальные проблемы филологической науки : взгляд нового поколения: Материалы XX–XXI Международных конференций студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» : Секция «Филология». – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2015. – Вып. 6. – С. 143–146.

223. Демичева, Н.А. Древнерусские произведения о присоединении Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому : к вопросу о влиянии места создания произведения на его содержание / Н.А. Демичева // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 4 (83) – С. 309–311.

224. Демичева, Н.А. «Казанский летописец» в контексте древнерусских произведений о присоединении Новгородской земли к Московскому государству / Н.А. Демичева // Русская филология. 31 : сборник научных работ молодых филологов. – Тарту, 2020. – С. 53–59.

225. Демичева, Н.А. Композиционная и образная структура повести особого состава «Взятие Псковское» (собр. Тихомирова, № 373 в ГПНТБ СО АН) / Н.А. Демичева // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2016» [Электронный ресурс]. – М. : МАКС Пресс, 2016. Режим доступа : https://lomonosov-

msu.ru/archive/Lomonosov_2016/data/section_30_8558.htm (дата обращения: 31.07.2020).

226. Демичева, Н.А. К проблеме историко-литературного изучения «Повести о Псковском взятии» / Н.А. Демичева // Litera. – 2018. – № 3. – С. 46–56.

227. Демичева, Н.А. Краткая повесть о новгородском походе Ивана III 1471 г. в Мазуринском летописце: проблемы идеологии и поэтики / Н.А. Демичева // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2017. – Т. 69. – № 3. – С. 43–44.

228. Демичева, Н.А. Легитимизация присоединения Новгородской земли к Москве в московском летописании XV – XVI вв. / Н.А. Демичева // История государства и права. – М., 2014. – № 17. – С. 16–22.

229. Демичева, Н.А. Летописное отражение новгородского похода 1471 г. в контексте новгородско-псковских отношений / Н.А. Демичева // Текстология и историко-литературный процесс IV Международная конференция молодых исследователей (Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 19-20 марта 2015 г.) : сборник статей. – М. : Буки Веди, 2016. – С. 17–23.

230. Демичева, Н.А. Московская повесть о присоединении Пскова к Москве: текстология и поэтика / Н.А. Демичева // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной конференции (9–13 сентября 2019 г., Москва, Россия). – М. : Индрик, 2019. – Т. 10. – С. 72–73.

231. Демичева, Н.А. Московские летописные произведения о новгородском походе 1475–1476 гг. (проблематика и текстология) / Н.А. Демичева // Вестник Московского университета. Серия 9 : Филология. – 2018. – № 1. – С. 179–189.

232. Демичева, Н.А. «Новгородская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород» : идеология и поэтика / Н.А. Демичева // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2014» [Электронный ресурс]. – М. : МАКС Пресс, 2014. Режим доступа :

https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2014/section_26_2692.htm (дата обращения: 31.07.2020).

233. Демичева, Н.А. Образ Ионы Новгородского в агиографической и летописной традициях XV—XVI вв. / Н.А. Демичева // Текстология и историко-литературный процесс : V Международная конференция молодых исследователей (Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 10–12 марта 2016 г.): сборник статей. – М. : Буки Веди, 2017. – С. 28–36.

234. Демичева, Н.А. Образ новгородцев в древнерусских текстах, отражающих новгородский поход Ивана III 1471 г. / Н.А. Демичева // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» [Электронный ресурс]. – М. : МАКС Пресс, 2013. Режим доступа : http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2013/structure_27_2296.htm (дата обращения: 31.07.2020).

235. Демичева, Н.А. Основные различия псковской и московской точек зрения на «псковское взятие» (по древнерусским текстам XVI в.) / Н.А. Демичева // Человек и общество в противоречиях и согласии: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. – Н. Новгород, 2016. – С. 26–30.

236. Демичева, Н.А. Особенности идеологии и поэтики рассказа о присоединении Пскова к Москве в Псковской III летописи / Н.А. Демичева // Текстология и историко-литературный процесс : VI Международная конференция молодых исследователей (Москва, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 9–11 марта 2017 г.) : сборник статей. – М. : Буки Веди, 2018. – С. 31–38.

237. Демичева, Н.А. Повествования о новгородских походах Ивана III в контексте Софийской II летописи / Н.А. Демичева // Студенческий гений – 2014 : сборник статей по материалам XII Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (22 мая 2014 г.). – Н. Новгород : Гладкова О.В., 2014. – С. 223–227.

238. Демичева, Н.А. Повесть особого состава «Взятие Псковское» : проблематика, текстология, стиль / Н.А. Демичева // Litera. – 2018. – № 4. – С. 95–100.

239. Демичева, Н.А. Проблема летописного отражения псковской точки зрения на присоединение Псковской земли к Московскому государству / Н.А. Демичева // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2017» [Электронный ресурс]. – М. : МАКС Пресс, 2017. Режим доступа : https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2017/data/section_32_10616.htm (дата обращения: 31.07.2020).

240. Демичева, Н.А. Произведения о новгородских походах Ивана III (к вопросу о функциях летописания) / Н.А. Демичева // Человек и общество в противоречиях и согласии : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции (19 ноября 2015 г.). – Н. Новгород : Гладкова О.В., 2015. – С. 29–33.

241. Демичева, Н.А. Произведения о новгородском походе Ивана III 1471 г. в контексте взаимодействия литературы и политики / Н.А. Демичева // Текстология и историко-литературный процесс: III Международная конференция молодых исследователей (Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 13–14 марта 2014 г.) : сборник статей.– М. : Лидер, 2015. – Т. 3. – С. 28–37.

242. Демичева, Н.А. Рассказ о знамениях в Новгороде как композиционная часть «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» / Н.А. Демичева // Труды молодых ученых: сборник статей: Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет. – М. : МАКС Пресс, 2017. – С. 300–303.

243. Демичева, Н.А. Специфика «Великокняжеской повести о походе Ивана III 1477-1478 гг.» / Н.А. Демичева // Человек и общество в противоречиях и согласии: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. – Н. Новгород : Гладкова О.В., 2014. – С. 47–51.

244. Демичева, Н.А. Специфика «Новгородской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» / Н.А. Демичева // Человек и общество в противоречиях и согласии: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции : в 2 ч. – Н. Новгород : Гладкова О.В., 2013. – Ч. 1. – С. 33–39.

245. Демичева, Н.А. Специфика отражения новгородского похода Ивана III 1471 г. в произведении «Словеса избранна…» / Н.А. Демичева // Студенческий гений – 2013: сборник статей по материалам XI Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (23 мая 2013 г.) : в 2 ч. – Н. Новгород : Гладкова О.В., 2013. – Ч. 2. – С. 35–39.

246. Демичева, Н.А. Специфика редакций «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» / Н.А. Демичева // Летняя школа по русской литературе. – СПб., 2016. – Т. 12. – № 3. – С. 231–240.

247. Демичева, Н.А. Художественное своеобразие повести «О брани на Новгород» / Н.А. Демичева // Человек и общество в противоречиях и согласии: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. – Н. Новгород : Гладкова О.В., 2017. – С. 32–35.

248. Демичева, Н.А. Циклизация древнерусских произведений о присоединении Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому в рукописных сборниках XVI – XVII вв. / Н.А. Демичева // Вестник славянских культур. – 2020. – Т. 58. (в печати).

Приложение 1. Список произведений о включении Северо-Западных земель в состав Московского государства

1) Тексты о походе Ивана III на Новгород 1471 г.:

– «Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (в Симеоновской, Вологодско-Пермской, Никаноровской, Иоасафовской, Никоновской летописях, Московском своде конца XV в, Летописных сводах 1497 и 1518 гг., Летописи по Воскресенскому списку, а также в Воронцовском списке, Эрмитажном списке и списке Музейного сборника; в Холмогорской летописи; в Степенной книге и Лицевом летописном своде);

– «О брани на Новгород» (в Типографской и Софийской II летописях);

– «Словеса избранна от Святых Писаний…» (в Софийской I, Софийской II, Львовской и Новгородской летописи Дубровского);

– Краткая промосковская повесть о походе 1471 г. (в Сокращенных летописных сводах 1493 и 1495 гг. и Ермолинской летописи);

– Краткая промосковская повесть о походе 1471 г. (в Устюжской летописи);

– Краткая промосковская повесть о походе 1471 г. (в Мазуринском летописце);

– «Новгородская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (в Новгородской IV летописи);

– «Псковская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (в Псковской II летописи);

– «Псковская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (в Псковской III летописи);

2) Тексты о походе Ивана III на Новгород 1475–1476 г.:

– «О поезде великого князя в Новгород» (в Московском своде конца XV в., Симеоновской, Львовской, Софийской II, Иоасафовской, Никоновской летописях, Лицевом летописном своде; в дополнительной тетради к Бальзеровскому списку Софийской I летописи, в Новгородской II, Новгородской Большаковской летописи и в Новгородской летописи Дубровского);

– Рассказ о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III (в Воскресенской летописи);

– Рассказ о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III (в Степенной книге и Мазуринском летописце);

– Краткий рассказ о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III (в Сокращенном своде 1495 г. и Вологодско-Пермской летописи);

– Рассказ о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III (в Типографской летописи и Летописном своде 1497 г.);

– Новгородский рассказ о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III (в Новгородской IV летописи, в Устюжской летописи);

– Псковская повесть о новгородском походе 1475–1476 гг. Ивана III (в Псковской III летописи);

3) Тексты о походе Ивана III на Новгород 1477–1478 г.:

– Московская повесть о походе 1477–1478 гг. (в Московском своде конца XV в., Симеоновской, Львовской, Софийской I, Софийской II, Иоасафовской, Никоновской, Воскресенской летописях, Степенной книге; в Сокращенном летописном своде 1493 г.);

– «О войне на Новгород» (в Типографской и Дубровской летописях, Летописных сводах 1497 и 1518 гг., Ермолинской летописи);

– Краткая московская повесть о походе 1477–1478 гг. (в Мазуринском летописце);

– Псковская повесть о новгородском походе Ивана III 1477–1478 гг. (в Псковской I летописи);

– Псковская повесть о новгородском походе Ивана III 1477–1478 гг. (в Псковской II летописи);

– Псковская повесть о новгородском походе Ивана III 1477–1478 гг. (в Псковской III летописи);

4) тексты, посвященные событиям 1471–1478 гг. как единому явлению

– «О взятии Великого Новагорода от великого князя Ивана Васильевича и похвала тому же великому князю» (в Казанском летописце);

– «О взятии великого Новаграда» (в ГПНТБ СО РАН. Собр. Тихомирова. № 373; ОР РГБ. Ф. 228. Собр. Пискарева. № 183);

5) Тексты о присоединении Пскова в 1510 г.:

– «Повесть о Псковском взятии» (в Псковской I летописи);

– «Повести о Псковском взятии» (в Бальзеровском и Горюшкинском списках Софийской I летописи);

– «Взятие Псковское» (в ГПНТБ СО РАН. Собр. Тихомирова. № 373; ОР РГБ. Ф. 228. Собр. Пискарева. № 183);

– Рассказ о присоединении Пскова к Москве (в Псковской III летописи);

– Московская повесть о присоединении Пскова к Москве (в ОР РГБ. Ф. 256. Собр. Румянцева. № 255, РГАДА. Ф. 181. Д. 365, БАН. Архангельское собр. Д. 193; ГИМ. Собр. Черткова. № 115б, РГАДА. Ф. 201. Собр. Оболенского. № 46, СПбИИ РАН. Ф. 238. Собр. Лихачева. № 513);

– Рассказ о присоединении Пскова к Москве (в Новгородской Большаковской летописи);

– Рассказ о присоединении Пскова к Москве (в Софийской II, Львовской, Ермолинской, Воскресенской, Никоновской летописях и в Лицевом летописном своде);

– Рассказ о присоединении Пскова к Москве (в Степенной книге);

– Рассказ о присоединении Пскова к Москве (в Типографской летописи);

– Рассказ о присоединении Пскова к Москве (в Новгородской IV летописи и летописи Дубровского);

– Рассказ о присоединении Пскова к Москве (в Холмогорской летописи).

Приложение 2. Сравнительные таблицы

Таблица 1

«Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 1)	«Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 2)
И ти приходяще на вѣче, бьяху в колоколы, и кричах, и лаяху, яко пси, нелѣпая глаголюще: «За короля хотим!» И таково бѣ възмущение в них, якоже въ Иерусалимѣ бысть, егда предасть его Господь в руцѣ Титовѣ; якоже бо ти тогда, тако и сии меж себе брань творяху[653].	И ти приходят на вечие, и бияху в колоколы, и крычаху, и лаяху: «За короля хотим!» И таково бе возмущение, межи себе брань сотворяху[654].
По сем же паки приходит и къ отцю своему Филиппу, митрополиту всея Руси, прося благословения и прощенья. Святитель же огражает его крестом, и молитвою въоружает его, и благославляет его на противныя и вся воя его, якоже Самоил Давыда на Гольяда[655].	Сам же князь великий шед ко отцу своему духовному митрополиту Филипу, благословися у него, святитель же огражает его крестом и молитвою[656].

[653] Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород (Подготовка текста В.П. Бударагина, перевод В.В. Колесова, комментарии Я.С. Лурье) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. СПб.: Наука, 1999. С. 290.

[654] Холмогорская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXXIII. Л.: Наука, 1977. С. 121.

[655] Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород (Подготовка текста В.П. Бударагина, перевод В.В. Колесова, комментарии Я.С. Лурье) // Библиотека литературы Древней Руси. Т.7. СПб.: Наука, 1999. С. 292.

[656] Холмогорская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXXIII. Л.: Наука, 1977. С. 121.

Таблица 2

«Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 1)	«Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (редакция 2)
Князь же велики Иван Васильевич, приим благословение от отца своего митрополита Филиппа и от всѣх епископъ земля своей и от всѣх священник, исходит с Мосъквы того же мѣсяца иуния въ 20, в четверток, на память святого отца Мефодья епископа паторомска, а с ним царевич Данияръ и прочии вои великаго князя, князи его мнози и вси воеводы, съ многою силою въоружився на противныя, якоже преже прадѣд его благовѣрный велики князь Дмитрей Иванович на безбожнаго Мамая и на богомерзкое тое воиньство татарьское, такоже и сей благовѣрный и велики князь Иоан на сих отступник[657].	Князь же великий Иван Васильевичь, приим благословение от епископа, поиде с Москвы июня в 20 день, а с ним царевичи Даньяровы и прочии вои великого князя[658].

[657] Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород (Подготовка текста В.П. Бударагина, перевод В.В. Колесова, комментарии Я.С. Лурье) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. СПб.: Наука, 1999. С. 292.

[658] Холмогорская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXXIII. Л.: Наука, 1977. С. 121.

Таблица 3

Типографская летопись	Мазуринский летописец
Новогородци нарекоша собѣ на владычество и на дворъ возведоша Феофила нѣ(ко)его новопостриженна мниха, дияконоу бывшу мирскому оу того же Ионы архиепископа.	Того же году нарекоша во владычество в Великом Новеграде Феофила некоего,
И сняшяся посадницы на вѣчь и Новогородцькие бояре вѣчьници и крамолници и соуровiи человѣци и вси Новогородци	и сняшася посадницы на вячьи и боляре новгородстии
и послаша къ оканномоу Ляху и Латынину кралю Казим[ир]у Литовскому, дабы за нимъ имъ жити и ему дань давати и прося у него собе князя,	и послаша к ляху латынскому, х королю литовскому Казимеру, просяще у него, дабы им быти за ним и дань давати.
и к митрополиту Григорью, таковому же Латынину, прося оу него собѣ епископа. Земстiи же людие того не хотяху, но они, ихъ не слоушающе, оуладишася с королемъ. Король же дасть имъ князя Михаила Олелковичя Киевскаго, князь же Михайло вьеха в Новгородъ, и прiаша его Новогородци с великою честью…[659]	И митрополиту Григорию тако же послаша, просяще у него епископа. Земстии же людие не хотяше сего, но точию крамолницы. Король же даст им князя Михайла Олговича киевского. Новгородцы же прияша его с честию[660].

[659] Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. Петроград: 2-я Государственная типография, 1921. С. 188–189.
[660] Мазуринский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. XXXI. Летописцы последней четверти XVII в. М.: Наука, 1968. С. 111.

Таблица 4

Вологодско-Пермская летопись	Степенная книга	Мазуринский летописец
… многа знамениа начаша быти в Новѣгороде в Великом, яко же слышахом от тамо сущих житель.	… начаша быти многа знаменія.	… начаша быти многа знамения.
Ино же знамение страшно и удивленно…	Ино же знаменіе страшьно и удивленію достойно…	Ино же знамение страшно и удивлению достойно.
Видящи же людие Новогородстии, мнози же, бога боящеся, плакахуся о сем и бога моляху, прочии же, окаменно имуще сердце…	Мнози же богобоязнивіи людіе Новоградстіи, видяще сіе, плакахуся о семъ и Бога моляху. Прочіи же жестосердіи людіе…	Мнози же богоязнивыи людие новогородстии, видевши сие, плакахуся о сем и бога моляху. Прочии же жестосердные люди…
Сицева бо знамениа не бывають никогда на добро, но точью ко гладу или къ смерти, или ко кровопролитию, и ко пленению…[661]	И тогда Новоградьцы начаша сугубо лукавновати великому князю, ему же и предаст ихъ Господь во всю волю его[662].	И тогда Новоградьцы начаша сугубо лукавновати великому князю, ему же и предаст ихъ Господь во всю волю его[663].

[661] Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXVI. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 229–230.
[662] Книга Степенная царского родословия // Полное собрание русских летописей. Т. XXI. Ч. 2. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1913. С. 579.
[663] Мазуринский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. XXXI. М.: Наука, 1968. С. 111.

Таблица 5

Большаковская летопись	Новгородская II летопись	Новгородская летопись Дубровского
Декабря в **кд [24]** днь пировал кнѕь великиі у архіепскпа; даров великому кнѕю: рн [150] золотых корабленых, е [5] поставовъ сукна іпсково, да жеребеж, а проводново **бочка вина, в [2] бочки меду**.	Декабрь **24** пировал княз велики у архиепископа, даровъ великому князю: полтораста золотыхъ корабленых, 5 потавов ипского сукна да жеребець, а продвоною **бочку вина, 2 меду.**	Дек(абря) въ **14**[664] д(е)нь. Пировал кн(я)зь велики у архиеп(и)с(ко)па, даровъ великому кн(я)зю: полтораста золотых корабленых, 5 потавов ипских сукна, да жеребецъ, а продвоного **бочка меду, 2 вина.**
В **иі [18]** днь пир у Захаря у Григоревича… а от сна его Ивана: і [10] золотыхъ корабленых, **е [5] поставовъ** сукна ипсково, в [2] зуба рыбьихъ.	В **18** день пиръ у захаря у Григорьевича… а от сына его Ивана 10 золотых корабленых, **5 поставов** сукна ипское да два зуба рыбьихъ.	В **16**. Пир у Захар(ь)я у Григор(ь)евича… а от с(ы)на его от Ивана: 10 золотых, да **постав сукна, а постав по 30 рублев по навгородцкую**, а сукно ипское, 2 зуба рыб(ь)их.
Въ ѳі [19] днь пир у посадника у степенново у Василя у Есиповича; даров от него: л [30] золотых корабленых, **кречет**, г [3] постава	В 19 день пиръ у посадника у степенного у Василья у Есиповича, даров от него: 30 золотых корабленых **да кречет**, 3 постава	В 19 день. Пир у посадника у степенного у Васил(ь)я Есиповича; даров от него: 30 карабленикoв, 3 постава ипского рудожелтых, **да**

[664] В публикации Новгородской II летописи в Полном собрании русских летописей указана дата 4 декабря, однако в рукописи – 14 (см. Конявская Е.Л. Новгородская летопись XVI в. из собрания Т.Ф. Большакова // Новгородский исторический сборник. Новгород, 2005. Вып. 10 (20). С. 382).

ипсково сукна рудожолтые[665].	ипского сукна рудожелтых[666].	**зуб рыбеи**[667].

Таблица 6

«Девгениево деяние»	«Житие Александра Невского»	«Повесть о Псковском взятии»
… и урва ми сердечное корение и унзе мя…[668]	Како не упадета ти зѣници вкупѣ съ слезами. Како же не урвется сердце твое от корения![669]	Како ли не оупали зеницы со слезами вкупе; како ти не оурвалося сердце от корени[670].

Таблица 7

«Слово» Серапиона Владимирского	«Повесть о Псковском взятии»
Мы же единако не покаяхомъся, дондеже приде на ны языкъ немилостивъ попустившю Богу; и землю нашю пусту створша, и грады наши плѣниша, и церкви святыя разориша, отца и братью нашю избиша,	попустившу богоу за грѣхи наша, и землю нашу поусту сотвориша, и град нашь разорися, и люди наши плениша, и торжища наша раскопаша, а иные торжища калом коневым

[665] Новгородская Большаковская летопись // Конявская Е.Л. Новгородская летопись XVI в. из собрания Т.Ф. Большакова // Новгородский исторический сборник. Новгород, 2005. Вып. 10 (20). С. 382.
[666] Новгородская вторая (Архивская) летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1965. Т. XXX. С. 180–181.
[667] Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского // Полное собрание русских летописей. – М. : Языки славянской культуры, 2004. Т. XLIII. С. 199-200.
[668] Девгениево деяние (Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 3. XI – XII века. СПб.: Наука, 1999. С. 58.
[669] Житие Александра Невского (Подготовка текста, перевод и комментарии В.И. Охотниковой) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5: XIII век. СПб.: Наука, 1997. С. 368.
[670] Псковская 1-я летопись. Продолжение Погодинского списка // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 94.

матери наши и сестры в поруганье быша[671].	заметаша, а отца и братию нашу розведоша, где не бывали отцы наши и дѣды, ни прадѣд наших, тамо отцы и братию нашу и други наша сведоша, а матери и сестры наша в поругание даша[672].

Таблица 8

«Слово» Серапиона Владимирского	«Повесть о псковском взятии»
Нынѣ же, братье, се вѣдуще, оубоимъся прещенья сего страшьнаго и припадемъ Господеви своему исповѣдающесь: да не внидем в болши гнѣвъ Господень, не наведемъ на ся казни болша первое. Еще мало ждеть нашего покаянья, ждеть нашего обращенья[673].	Нынѣ же се, братие, ведуще, оубоимся прещениа сего страшнаго, припадем к господоу своемоу, исповѣдающеся грѣхов своих, да не внидем в большеи гнѣв господень, не наведем на ся казни горши первои; а еще ждеть нашего покаяниа и обращениа…[674]

Таблица 9

Софийская I летопись	Псковская I летопись
Живущимъ Псковичамъ въ своей воли и князя державнаго владущаго ими не имущимъ…[675]	От начала убо Русския земли сей убо град Псков ни коим же князем владом бе, но на своеи воли живяху в нем сущий людие[676].

[671] Слова и поучения Серапиона Владимирского (Подготовка текста, перевод и комментарии В.В. Колесова) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб.: Наука, 1997. С. 370.
[672] Псковская 1-я летопись. Продолжение Погодинского списка // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 95–96.
[673] Там же. С. 370–372.
[674] Псковская 1-я летопись. Продолжение Погодинского списка // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 96.
[675] Там же.

Таблица 10

Первая часть «Взятия Псковского»	Вторая часть «Взятия Псковского»
… пошлю по князя вашего, и железы окована по руцы и по нозе и по выи велю и пред ся привести с великым бесчестием и срамом…[677]	И ту переимаше всех псковичь москвичи и до единаго и железы прековавше и к Москве сведоша их[678].

Таблица 11

«Откровение Иоанна Богослова»	Псковская III летопись
… седмь главъ се(д)мь родовъ е(сть), иде(же) жена сѣдить на ни(х), и седмь ц(а)рiе е(сть): пять и(х) пало е(сть), единъ е(сть), дроугыи не оуже е(сть) пришелъ, егда придеть, мало емоу е(сть) пребыти. И зверь, иже бѣ и нѣ(сть), тъ осмыи е(сть) и в пагоубоу идеть»[679].	Зане же написано Пакалиспеи глава 54: пять бо цареи миноуло, а шестыи есть, но не оу бе пришелъ; шестое бо царство именоует в Роуси Скивскаго острова; си бо именоует шестыи, и седьмы по томъ еще, а осмыи антихристъ»[680].

Таблица 12

Евангелие от Матфея	Псковская III летопись
Молите же ся, да не боудеть бѣжьство ваше зимѣ, ни в соуботоу, боудет бо тогда скръбь велiа, яко такова же нѣ(сть) была о(т)	Се бо христос въ святом Еуангелии глагола: да не боудет бежесто ваше зиме ни в соуботоу…[682]

[676] Псковская первая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. IV. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1848. С. 283.
[677] Там же. С. 177.
[678] Там же.
[679] Геннадиевская Библия цит. по: Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. Т. 8. М., 1992. С. 484.
Адаптация орфографии и постановка знаков препинания моя – Н.Д.
[680] Псковская 3-я летопись // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 225.

начяла мироу, доселѣ ни же имать быти[681].	

Таблица 13

Псковская I летопись	Псковская III летопись	Рум. 255
… язъ вас свою отчиноу хощу жаловати и боронити: яко же отец нашъ и дѣды наши великии князи…[683]	… яз деи князь великии Василеи Иванович вас отчиноу свою хочю жаловать по старине…[684]	… наши прародители великие князи и отец наш князь великий, и мы вас жаловали, держали в старине и обороняли отовсюды[685].

Таблица 14

Рум. 255	Русский Времянник
И били челом государю великому князю посадники псковские степенные, и старые посадники, и дети посадничи, и бояря, и купцы, и житьи люди, и весь Псков аркучи так: «Отчина твоя тобе, государю, челом бием что государь жалуешь нас свою отчину Псков, держишь в старине, да и	И били челомъ великому князю отъ всего Пскова на намѣстника на князя Ивана, что онъ де чинитъ имъ насильство великое и люди его, и чтобы ихъ государь пожаловалъ отъ ихъ намѣстника оборонилъ[687].

[682] Там же. С. 225–226.
[681] Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. Т. 7. М.: Издательский отдел Московского патриархата, 1992. С. 92.
[683] Псковская 1-я летопись. Продолжение Погодинского списка // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 92.
[684] Псковская 3-я летопись // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 225.
[685] Взятие Пскова // Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. С. 186.
[687] Русский времянник, сиречь, Летописец, содержащий российскую историю от 6370/862 лета до 7189/1681 лета. Ч. 2. М.: Моск. Синод. тип, 1790. С. 227.

обороняешь, государь, нас, свою отчину, от всех земель. Как, государь, наперед чего жаловали нас, свою отчину Псков, твои, государь, прародители, прежние государи, великие князи, да и отец твой, государь наш, князь великий Иван Васильевич, царь всеа Русии жаловал и держал нас в старине и оборонял нас свою государскую отчину отовселе, и ты государь наш, князь великий Василей Иванович, царь всея Русии потому ж жалуешь и обороняешь свою отчину Псков. А мы, отчина твоя государева, как наперед сего служили твоим прародителем, прежним своим государям, великим князем, да и отцу твоему, государю нашему, и тебе государю, так есмя, государь и вперед рады служити тобе, государю великому князю Василию Ивановичю, царю всеа Руси сколко нам бог поможе. А ныне, государь, отчина твоя Псков послали нас к тобе, государю, бити челом и жаловатися на твоего государева наместника на князя псковского, на князя Ивана Михайловича, и на его людей, что, государь, зде в твоей государеве	

отчине, во Пскове он и его люди чинят над нами силу и обиды многие, чтоб еси государь смиловался до нас до своей отчины до Пскова, оборонил от своего наместника, от князя Псковского, от князя Ивана Михайловича, и от его людей от насильства. А мы посадники псковские и весь Псков, твоя отчина, по предреченному тобе, государю и царю, челом бием»[686].	

Таблица 15

Софийская II летопись	Рум. 255
… обыскавъ, что псковичи не по правдѣ бьют челом на его намѣстника,	… обыскав, что наместнику его князю Ивану от псковских посадников бесчестие было велико, и в суды и в пошлины у него и у его людей вступались и держали его не потому, как прежних наместников, также от них и своей братье псковичем многи обиды и насильства были великие, над всем же сим его государское имя призираху и нечестно своим презорством и непослушанием
да неч(е)стно его дръжаша	

[686] Взятие Пскова // Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. С. 185–186.

и за то опалу свою на нихъ положилъ, велѣлъ в Новѣгородѣ псковичь всѣх поимати…[688]	держаху. И зато великий государь на тех посадников опалу свою положил, и велел их поимати и роздати детем боярьским по подворьям[689].

Таблица 16

Никоновская летопись	Степенная книга
И князь великій Василей Ивановичь всеа Русіи обыскавъ, что Псковичи не по правдѣ бьютъ челомъ на его намѣстника, да и нечестно его держаша…	Благоразумный же государь великій князь достовѣрно испыта и увѣда истинно, яко не токмо неправедная словеса прилагаютъ намѣстника его, но и чести подобныя властельскаго достоиньства не воздали ему…
Псковичи же тако сотвориша волю всю государьскую[690].	И тако безо всякого прекословія повинушася воли государеве[691].

Таблица 17

Львовская летопись	Холмогорская летопись
… и Живоначалней Троицы челомъ ударилъ и вотчину свою Псковъ	… и святыя Троицы челом ударил о обедню отслушал. А колокол вечной велел свесити, а посадников, и бояр, и купцов, и всех псковичь
велѣлъ привести к целованію, и лутчимъ людемъ велѣлъ к Москве ѣхати жити, а колоколъ ихъ вѣчной къ	велел привести к целованью, а лутчим людем велел к Москве ехать к Москве жити, и колокол их вечной к Москве

[688] Там же.
[689] Взятие Пскова // Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. С. 187–188.
[690] Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. XIII. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 12–13.
[691] Книга Степенная царского родословия // Полное собрание русских летописей. Т. XXI. Ч. 2. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1913. С. 586.

Москвѣ же отослалъ, а во Псковѣ оставилъ два намѣстника Григорья Федоровича да Ивана Андрѣевича Челяднина…[692]	же отослал. А во Пскове оставил два намесника, Григорья Федоровича, да Ивана Андреевича Челяднина…[693]

[692] Львовская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XX. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 383.
[693] Холмогорская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXXIII. Л.: Наука, 1977. С. 135.